

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

2023 Том 28 № 4

МЕДИА И КРИЗИС – РЕВЕРС ПАРАДИГМЫ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ?

Приглашенный редактор *Е.Л. Вартамова*

Научный редактор *М.Г. Шилина*

DOI 10.22363/2312-9220-2023-28-4

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал

Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакommunikаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (ЕЈТА), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Нигматуллина К.Р., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой цифровых медиакommunikаций, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиакоммуникации, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакommunikаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – ознакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*

Редакторы англоязычных текстов *К.Ю. Каплявик, Н.В. Рабкина, О.В. Спачиль*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Подписано в печать 22.12.2023. Выход в свет 29.12.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 20,82. Тираж 500 экз. Заказ № 1617. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2023 VOLUME 28 NUMBER 4

MEDIA AND CRISIS – REVERSIBLE PARADIGMS

Guest Editor *Elena L. Vartanova*

Scientific Editor *Marina G. Shilina*

DOI 10.22363/2312-9220-2023-28-4

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University, Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Kamilla R. Nigmatullina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Digital Media Communications, Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nataliya Panasenko, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SS Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising.

The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties: Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, Literature of the Peoples of the World, Literary Theory, Folkloristics, Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*

English Texts' Editors *K.Yu. Kashlyavik, N.V. Rabkina, O.V. Spachil*

Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИА И КРИЗИС – РЕВЕРС ПАРАДИГМЫ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ?

ОТ РЕДАКЦИИ

- Вартанова Е.Л., Шилина М.Г.** Конфликты и медиа: реверсивные парадигмы в новой реальности? Открывая новые междисциплинарные подходы к исследованиям 635

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ши Л., Минералова И.Г.** Роль словесной живописи в романе Леонида Леонова «Русский лес» 649
- Марков А.В., Голубков М.М.** Жанр баллады и его трансформация в песне А. Галича «Королева материка» 663
- Дубаков Л.В.** Функции буддийских практик в творчестве Л.А. Юзефовича 671

РЕЦЕПЦИЯ. КОМПАРАТИВИСТИКА

- Цзи П.** Рецепция «С того берега» А.И. Герцена в Китае: проблемы и перспективы 679
- Лю Ц., Монисова И.В.** Традиция Владимира Маяковского-драматурга в творчестве Мэн Цзинхуэя 693
- Лю Ч., Кузьмищева Н.М.** Стихотворение В. Хлебникова «Бобэоби пелись губы...» в китайской рецепции 704

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

- Yosugandi E.M., Kaprisma H.** Historical figures in “Fate/Grand Order”: adapting Anastasia Romanova (Историческая личность в игре Fate/Grand Order: адаптация образа Анастасии Романовой) 712

ЖУРНАЛИСТИКА

КОНФЛИКТ И МЕДИА В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОРЫВЫ

- Vartanova E.L., Dunas D.V.** Media conflictology as a field of research: working out theoretical approaches (Медиаконфликтология как область исследований: выработка теоретических подходов) 724
- Gavra D.P., Dekalov V.V.** Digital communicative capitalization in the age of platforms and communicative abundance (Цифровая коммуникативная капитализация в эпоху платформ и коммуникационного изобилия) 734
- Shilina S.** Biometrics in online media: an anti-crisis paradigm shift (Биометрия в онлайн-СМИ: антикризисная смена парадигмы) 741
- Zykov S.V., Babkin E.A., Ulitin B.I.** Models and methods of controlled transgression of media in crisis conditions (Модели и методы управляемой трансгрессии медиа в условиях кризиса) 749
- Shilina M.G., Volkova I.I., Bombin A.Yu., Smirnova A.A.** Artificial journalism: the reverse of human-machine communication paradigm. Mapping the field of AI critical media studies (Журналистика и искусственный интеллект: реверс парадигмы взаимодействия человека и машины. Картирование новой сферы критических исследований медиа) 757

МЕДИА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

- Dolgova Yu.I., Gulenko P.V.** Crisis of political communication: is there a silencing effect in Russian media? (Кризис политической коммуникации: есть ли эффект умалчивания в российских медиа?) 769
- Zuykina K.L.** Visual aspects of online political communication in Belarus during the political crisis of 2020 (Визуальные аспекты сетевой политической коммуникации Беларуси в период политического кризиса 2020 г.) 780
- Пынина Т.Ю.** Политический кризис vs. кризис медиа: специфика генезиса венгерской прессы периода Габсбургов в XVIII в. 790

МЕДИАКОНТЕНТ: PRO ET CONTRA

- Stepanov V.N.** Emotion vs conflict-generating communication in a hybrid media environment (Эмоциогенная и конфликтогенная коммуникация в гибридной медиасреде) 800
- Wirth J., Shilina M.G., Sokhn M., Preobrazhenskiy L.P.** VR in promotion of territory in the New Normal: empirical and research approaches in the times of crisis (VR в продвижении территории в условиях «новой нормальности»: эмпирические и исследовательские подходы во времена кризиса) 809

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ VS. КРИЗИС

- Hoesin C.F.I.S., Poplavskaya N.V.** Building media literacy in Indonesia with the support of international organizations (Повышение медиаграмотности в Индонезии при поддержке международных организаций) 818
- Yefanov A.A., Pugachev M.A.** Modeling the media educational potential of the television industry as a post-crisis phenomenon (Моделирование медиаобразовательного потенциала телевизионной индустрии как посткризисный феномен) 830

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

- Bulgarova V.A.** Media of the future and future conflicts: what changes to expect with the development of AI technologies: an interview with Professor Ketan Kotecha (Медиа будущего и будущие конфликты: каких изменений ждать с развитием технологий искусственного интеллекта: интервью с профессором Кетаном Котеча) 842

ОБЗОРЫ

- Jose A., Grace V.M.B., Jose J., Wilson D.D.** Relevance of Hermann Hesse: a systematic review of different perspectives (Актуальность Германа Гессе: системный обзор различных точек зрения) 845

РЕЦЕНЗИИ

- Коваленко А.Г., Ху Ц.** «Теория вероятности», или Как реконструировать подлинную биографию: рецензия на книгу: Соколов Б.В. «Белый был – красным стал». Советские писатели в рядах белогвардейцев. М.: Вече, 2023. 384 с. 859

CONTENTS

MEDIA AND CRISIS – REVERSIBLE PARADIGMS

EDITORIAL COLUMN

- Vartanova E.L., Shilina M.G.** Conflicts and media: paradigm reversal in the new reality? Opening up new interdisciplinary approaches to research 635

LITERARY STUDIES

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

- Shi L., Mineralova I.G.** The role of verbal painting in Leonid Leonov's novel "Russian Forest" 649
- Markov A.V., Golubkov M.M.** The ballad genre and its transformation in A. Galich's song "Queen of the Mainland" 663
- Dubakov L.V.** The functions of Buddhist practices in the works of L. Yuzefovich 671

RECEPTION. COMPARATIVE STUDIES

- Ji P.** Reception of Herzen's "From the Other Shore" in China: problems and prospects 679
- Liu J., Monisova I.V.** Meng Jinghui's adaptations of Vladimir Mayakovsky's plays 693
- Liu C., Kuzmishcheva N.M.** V. Khlebnikov's "Bobaobi sang lips..." in Chinese reception 704

FOREIGN LITERATURES

- Yosugandi E.M., Kaprisma H.** Historical figures in "Fate/Grand Order": adapting Anastasia Romanova 712

JOURNALISM

CONFLICT AND MEDIA IN THE NEW REALITY: THEORETICAL BREAKTHROUGHS

- Vartanova E.L., Dunas D.V.** Media conflictology as a field of research: working out theoretical approaches 724
- Gavra D.P., Dekalov V.V.** Digital communicative capitalization in the age of platforms and communicative abundance 734
- Shilina S.** Biometrics in online media: an anti-crisis paradigm shift 741
- Zykov S.V., Babkin E.A., Ulitin B.I.** Models and methods of controlled transgression of media in crisis conditions 749
- Shilina M.G., Volkova I.I., Bombin A.Yu., Smirnova A.A.** Artificial journalism: the reverse of human-machine communication paradigm. Mapping the field of AI critical media studies 757

MEDIA IN THE CONTEXT OF POLITICAL CRISIS

- Dolgova Yu.I., Gulenko P.V.** Crisis of political communication: is there a silencing effect in Russian media? 769
- Zuykina K.L.** Visual aspects of online political communication in Belarus during the political crisis of 2020 780
- Pynina T.Yu.** Political crisis vs. media crisis: specifics of the genesis of the Hungarian press of the Habsburg period in the 18th century 790

MEDIA CONTENT: PRO ET CONTRA

- Stepanov V.N.** Emotion vs conflict-generating communication in a hybrid media environment 800
- Wirth J., Shilina M.G., Sokhn M., Preobrazhenskiy L.P.** VR in promotion of territory in the New Normal: empirical and research approaches in the times of crisis 809

MEDIA EDUCATION VS. CRISIS

- Hoesin C.F.I.S., Poplavskaya N.V.** Building media literacy in Indonesia with the support of international organizations 818
- Yefanov A.A., Pugachev M.A.** Modeling the media educational potential of the television industry as a post-crisis phenomenon 830

INTERVIEW

- Bulgarova B.A.** Media of the future and future conflicts: what changes to expect with the development of AI technologies: an interview with Professor Ketan Kotecha 842

REVIEWS

- Jose A., Grace V.M.B., Jose J., Wilson D.D.** Relevance of Hermann Hesse: a systematic review of different perspectives 845

BOOK REVIEWS

- Kovalenko A.G., Hu J.** "The theory of probability", or How to reconstruct a true biography: book review: Sokolov, B.V. (2023). "It was white – it became red". Soviet writers in the ranks of the White Guards. Moscow: Veche Publ. (In Russ.) 859

ОТ РЕДАКЦИИ EDITORIAL COLUMN

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-635-648
EDN: VEZSJS

Редакционная статья / Editorial article

Конфликты и медиа: реверсивные парадигмы в новой реальности? Открывая новые междисциплинарные подходы к исследованиям

Е.Л. Вартанова¹, М.Г. Шилина^{1,2}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1

²Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Российская Федерация, 115093, Москва, Стремянный пер., д. 36

 eva@smi.msu.ru

Ключевые слова: кризисы, медиаконфликтология, медиаисследования, теоретические подходы, реверсивность

Для цитирования: Вартанова Е.Л., Шилина М.Г. Конфликты и медиа: реверсивные парадигмы в новой реальности? Открывая новые междисциплинарные подходы к исследованиям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 635–648. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-635-648>

Conflicts and media: paradigm reversal in the new reality? Opening up new interdisciplinary approaches to research

Elena L. Vartanova¹, Marina G. Shilina^{1,2}

¹Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation

²Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanniy Pereulok, Moscow, 115093, Russian Federation

 eva@smi.msu.ru

Keywords: crises, media conflictology, media research, theoretical approaches

© Вартанова Е.Л., Шилина М.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Vartanova, E.L., & Shilina, M.G. (2023). Conflicts and media: Paradigm reversal in the new reality? Opening up new interdisciplinary approaches to research. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 635–648. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-635-648>

Картина современного мира, как ее представляет общество и аудитория, в значительной мере зависит от того, что медиа о нем сообщают. В этом достаточно обыденном утверждении заключены основы многих популярных сегодня теоретических концепций: теории «привратничества», установления повестки дня, концепции медиатизации.

Иная ситуация складывается в процессе изучения медиарепрезентаций конфликта, которые в силу особого влияния медиасреды на современное общество могут оказывать комплексное воздействие на все социальное развитие.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации уделяет большое внимание вопросам развития человеческого потенциала, повышению качества жизни и благосостояния граждан в контексте решения вопросов обеспечения информационной безопасности, а также укрепления суверенитета России в информационном пространстве¹. Эта цель может быть достигнута благодаря формированию безопасной и неконфликтной медиасреды, в которой производится, распространяется и потребляется достоверная общественно-политическая информации. Антиконфликтный потенциал медиакоммуникации является одной из важнейших мотиваций при определении современной политики государственного нормотворчества. Так, особое внимание в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации уделяется защите традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти в информационном пространстве. Неслучайно работа с цифровым медиакоммуникационным пространством – это сложный и комплексный вопрос, решение которого предполагает задействование множества субъектов и выстраивание ценностных и смысловых приоритетов содержания.

Стратегическим аспектом грамотного применения медиакоммуникационных технологий является достижение целей Доктрины информационной безопасности Российской Федерации². Речь идет об использовании возможностей медиакоммуникационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей российского общества и информирования россиян о государственной политике Российской Федерации, ее официальной позиции по социально значимым событиям в стране и мире.

К описанным в Доктрине направлениям обеспечения информационной безопасности, связанным с медиакоммуникациями, относятся также противодействие использованию информационных технологий для пропаганды

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. 2021. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 10.10.2023).

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. 2016. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/4dbff9722e14f63a309bce4c2ad3d12cc2e85f10/ (дата обращения: 10.10.2023).

экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности в целях подрыва суверенитета, политической и социальной стабильности, насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, а также повышение эффективности информационного обеспечения реализации государственной политики Российской Федерации и нейтрализация информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Научные исследования и разработки в области изучения медиаконфликтологии соответствуют направлению Стратегии научно-технического развития РФ «Противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства», поскольку ориентированы на идентификацию и предупреждение социокультурных угроз и профилактику конфликта, прогнозирование модели «жизненного цикла» медиарепрезентации конфликта и управление ею как потенциальной киберугрозой³.

Эти вопросы актуальны не только для России, а в целом для всех стран мира, которые сталкиваются с вызовами цифровых медиакommunikационных технологий. В контексте актуальных тенденций национального и глобального характера (цифровизация, медиатизация, переход аудитории в онлайн, рост времени, проводимого с социальными медиа, трансформация практик потребления медиа в конвергентной среде, появление новых медийных и коммуникационных платформ и усиление кроссмедийности) происходит трансформация коммуникационных процессов, связанная в том числе с изменением роли журналистики, массмедиа и социальных медиа в современном обществе. Проникновение цифровых медиатехнологий во все сферы общественной жизни формирует медиатизацию окружающей реальности, которую исследователи все чаще характеризуют как глубокую, что ставит перед медиаисследователями актуальную задачу понимания принципов функционирования традиционных и социальных медиа, природы их взаимодействия между собой и с аудиторией, а также масштаб и особенности эффектов репрезентации социальной реальности, в том числе и конфликтов, в онлайн-среде. В число актуальных исследовательских вызовов сегодня входит и теоретический анализ полисубъектной структуры медиасреды (традиционные СМИ, новые медиа, активная аудитория), порождающей новые ситуации репрезентации, эскалации и разрешения или обострения социальных конфликтов, которые не поддаются однозначному прогнозированию (Вартанова, 2023).

Такие угрозы информационной безопасности, как фейки, характерны не только для новостных сообщений, но и для всего поля интернет-коммуникации. Эта проблема является сложным объектом для автоматического определения. Свободная детекция фейков, в том числе по связи с конфликтностью, явля-

³ Стратегия научно-технического развития Российской Федерации. 2016. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/48053.html> (дата обращения: 10.10.2023).

ется сложной, но важной модельной задачей, которую вряд ли возможно решить алгоритмическим образом и на примере контролируемой выборки. В связи с этим качественный контент-анализ содержания современной медиакоммуникационной среды приобретает еще большее значение в целях противодействия конфликтогенной и заведомо ложной информации, фейкам.

Актуальность данного тематического номера определяется текущей информационной повесткой, изобилующей сообщениями о различных социальных конфликтах в области внутренней и внешней политики, межэтнических и межрелигиозных отношений, отношений к меньшинствам и уязвимым социальным группам (Байчик, 2020). Эффекты распространения такой информации могут быть как позитивными, так и негативными и во многом зависят от того, как происходит транслирование информации в сообщении, какие элементы содержания журналистского материала становятся акцентированными и к какой интерпретации текста «подталкивает» автор.

Фактически сегодня медиакоммуникации стали средой порождения и существования конфликта, в которую вовлечены одновременно несколько субъектов: институционально организованные СМИ, участвующие в формировании массовой информационной повестки, независимо от того, действуют они в интересах национального государства или других политэкономических элит; социальные медиа, представленные «новыми профессионалами» (блогерами, инфлюэнсерами, лидерами мнений), а также своей аудиторией (гражданами, пострадавшими в результате конфликтов или являющимися свидетелями, наблюдателями, очевидцами, которые не вовлечены в конфликт напрямую, но имеют о нем представление).

В данном контексте медиарепрезентация конфликта, а также его «жизненный цикл» претерпевают большие изменения. Освещение конфликта в медиа на всех этапах его протекания (предконфликтная ситуация, инцидент, эскалация, кульминация, завершение конфликта, постконфликтная ситуация) (Дарендорф, 1994), а также первичные (очевидные) и вторичные (неочевидные) медиаэффекты репрезентаций конфликта в аудитории приобретают новые формы и свойства.

Выявление взаимосвязей медиа и конфликта дает основание говорить о таком важном измерении конфликта, как его многоуровневый и многомерный характер. Конфликт в современном обществе – это не только война или вооруженное противостояние, освещаемое в средствах массовой информации, но и конфликты между противоборствующими политическими и социальными группами и отдельными лицами, их интересами и ценностями, которые находят совершенно разное понимание в системе коммуникаций современного общества. Различные виды медиакоммуникаций часто, если не всегда, выступают в качестве связующего статического элемента или динамической движущей силы социального конфликта, его эскалации и/или урегулирования, разрешения, выполняя посредническую роль, присущую их природе (Лабущ, Пую, 2019).

Роль медиа в освещении конфликта – это целостная концепция, которая включает в себя ряд внешних и внутренних факторов, а также переменные конфликта. Взаимосвязи и взаимодействия медиа и конфликтов стали новым

междисциплинарным направлением в современных гуманитарных исследованиях, анализирующих широкие и разнообразные социальные и личностные последствия, к которым приводит освещение конфликтов в средствах массовой информации. Новая область исследований возникает в результате мониторинга и анализа медиаконтента, представляющего и анализирующего конфликты, но помимо этого появляются исследования форм, инструментов, факторов, ролей, социальных и индивидуальных последствий освещения конфликтов в СМИ. Разработка структуры и базовых подходов к репрезентации конфликтов в медиа могла бы позволить систематизировать знания, накопленные в таких областях исследований, как конфликтология, медиаисследования, политология, социология, история, лингвистика и т. д., и разработать единый методологический подход к анализу медиаконфликтов.

Нам еще предстоит понять, как социальные конфликты репрезентируются разными – институционализированными (традиционные СМИ) и неинституционализированными (социальные медиа, активная аудитория, принимающая на себя часть функций журналистов по созданию и распространению контента) – субъектами в условиях полисубъектной структуры медиасреды. Открытыми остаются вопросы о том, какова корреляция между типом субъекта медиасреды, типом репрезентируемого конфликта и типом аудитории медиа; каков «жизненный цикл» конфликта в цифровой медиакommunikационной среде; какой социальный эффект будет оказан каждым из субъектов отдельно и каковы будут эти эффекты в совокупности; и наконец, каковы возможности прогнозирования и потенциального регулирования реакции аудитории на социальные конфликты в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Последняя задача представляется нам особенно актуальной в интересах устойчивого общественного развития, гармонизации общественных процессов и снижения социального напряжения в условиях современного российского общества.

Обозначенные нами вопросы требуют системного и комплексного моделирования и прогнозирования, учитывающих знания современной природы и структуры медиасреды, теории и практики конфликтологии, а также междисциплинарного (математического, психологического, медиаисследовательского) инструментария в конструировании общественных процессов. В этом тематическом номере мы ставим вопросы о возможности междисциплинарного изучения и прогнозирования социальных эффектов медиарепрезентации конфликта в условиях цифровой полисубъектной медиасреды с целью выявления механизмов протекания и управления конфликтами, что представляется важной исследовательской задачей, актуальность которой сохранится в долгосрочной перспективе.

Данный тематический выпуск журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение. Журналистика» впервые затрагивает проблематику реверсивности медиа и кризиса в новой реальности. Собранные в нем статьи представителей различных отечественных и зарубежных исследовательских школ являются новаторскими: авторы выявили

существенные научные проблемы в исследовании медиа и предложили оригинальные методы их решения.

Природу взаимосвязи и взаимодействия медиа и конфликта анализируют Е.Л. Вартанова и Д.В. Дунас в работе «Медиаконфликтология как область исследований: выработка теоретических подходов». В новой реальности, которая особенно значима для российских ученых, медиаэффекты оказываются существенным междисциплинарным феноменом. Медиатизация, которая становится со времени пандемии ковида трансгрессивной, определяет значимость нового подхода к формированию целостного поля исследований. Медиациентричный подход, предложенный ведущей национальной школой медиаисследований журфака МГУ имени М.В. Ломоносова, позволяет сформировать концептуальные блоки, которые могут быть включены в структуру теоретического знания медиаконфликтологии. По мнению авторов, пространство репрезентации конфликтов и новую область исследований определенно расширит цифровизация СМИ.

Известные исследователи факультета журналистики Санкт-Петербургского университета Д.П. Гавра и В.В. Декалов анализируют потенциальную разработку модели цифровой коммуникативной капитализации как важнейшего социально-экономического процесса эпохи платформ и коммуникационного изобилия. Инвестирование внимания в конкретную платформу приносит не только измеримый доход, но и увеличивает социальный символический и культурный капитал. Отсутствие прозрачности в процессах преобразования цифровых отражений капиталов в их реальные формы обуславливает введение авторами новых концепций и терминов, которые характеризуют цифровой коммуникативный капитал и двойную эксплуатацию внимания на различных рынках цифрового внимания. Последний термин подчеркивает новые уровни цифрового неравенства, когда результаты цифрового труда захватываются и монетизируются.

Стремление к универсальному цифровому медиамоделированию в условиях кризиса реализуется в исследовании ведущих ученых Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» С.В. Зыкова, Е.А. Бабкина и Б.И. Улитина. Статья «Модели и методы управляемой трансгрессии медиа в условиях кризиса» представляет новый подход к принятию решений на основе иерархии междисциплинарных критериев, с учетом концепции кризисологии, что позволит контролировать трансгрессию медиаобъектов в ситуациях конфликтов. Представленный программный прототип, основанный на механизмах онтологий с возможностями динамической адаптации пользовательских интерфейсов, обеспечивает поддержку принятия решений. Предложенный метод является универсальным и может применяться для оценки различных видов медиаобъектов, снижая вероятность возникновения кризисных ситуаций, например вызванных некорректной оценкой достоверности информации.

Распространение дезинформации в инфопространстве и снижение в этой связи доверия к медиа представляется возможным купировать благодаря оригинальному применению биометрии в онлайн-СМИ, разработанному ведущим исследователем фонда «Парадайм Ресерч» Сашей Шилиной. Биометрия

с ее возможностями проверки личности, аутентификации контента, смягчения последствий атак ботов и программ типа Сивиллы, а также создания персонализированного пользовательского опыта представляет уникальные преимущества для восстановления доверия, борьбы с дезинформацией и создания безопасной экосистемы онлайн-медиа – то есть антикризисной смены парадигмы экосистемы медиа.

Новейшие параметры кризиса в журналистике, опосредованной искусственным интеллектом (ИИ), также оказываются реверсивными. Исследователи из университетов Москвы и Петербурга, в частности, фиксируют ситуацию отсутствия личной и социальной памяти, что разрушает основные принципы журналистской профессии. Расширение медийных практик, основанных на ИИ, предполагает появление кризисных концептуальных противоречий нового типа. Выявленные учеными реалии провоцируют формирование новых областей исследований медиа, в частности создания направления критических исследований медиа, опосредованных искусственным интеллектом.

Опосредованные искусственным интеллектом медиа будущего привлекают внимание все большего числа ученых во всем мире. Своими мыслями о том, каких изменений ждать с развитием технологий искусственного интеллекта на всех уровнях медиасистемы, в медиаобразовании и медиаисследованиях, в эксклюзивном интервью нашему журналу поделился выдающийся ученый Кетан Котеча, профессор компьютерных наук и инженерии, руководитель центра прикладного искусственного интеллекта «Симбиоз» (SCAAI), директор Технологического института «Симбиоз», декан инженерного факультета, Международный университет «Симбиоз». Профессор Котеча входит в список ведущих ученых мира по версии Стэнфордского университета.

Медиа и кризис реверсивны во всех сферах современной жизни. В политике кризис затрагивает все уровни, начиная с президентских выборов. Молодой исследователь К.Л. Зуйкина в статье «Визуальные аспекты сетевой политической коммуникации Беларуси в период политического кризиса 2020 г.» проанализировала особенности использования визуального контента разными полярными политическими силами, рассмотрев 600 визуальных материалов (изображения и видео), собранных в ключевых белорусских Telegram-каналах разной политической направленности за период с 27 июля по 23 августа 2020 г. Отмечая различия в подходах к освещению выборов как знакового политического события, автор выявляет реверсивные образы-триггеры, которые, например, могут способствовать переходу онлайн-активизма в офлайн-пространство.

Президентские выборы 2018 г. в России в повестке дня телеканалов «большой тройки» и популярных онлайн-медиа стали объектом исследования Ю.И. Долговой и П.В. Гуленко на основе уникальной методики сравнения контента вечерних телевизионных новостей и онлайн-медиа. В статье «Кризис политической коммуникации: есть ли эффект умалчивания в российских медиа?» очевиден реверс кризисной парадигмы: хотя онлайн-медиа часто воспринимаются как более качественные и полноценные источники информации, исследование показало, что сообщения о выборах в интернете появлялись в меньшем количестве и нерегулярно. Онлайн-медиа уделяли больше внимание

скандалным новостям, пытались критиковать власть, однако упускали из внимания социальные темы. Телевидение же выступало в качестве помощника правительства, направляя усилия на информирование граждан о деятельности властей и их социально значимых инициативах, то есть освещало предвыборную кампанию более объективно.

Оригинальный ракурс изучения политического кризиса в реверсивной медийной парадигме представила Т.Ю. Пынина, выбрав для анализа исторический опыт генезиса медиа Венгрии в монархии Габсбургов, то есть в политической системе многонационального государства. В статье представлено зарождение венгерской печати в XVIII в., в условиях противостояния газет на латинском, а позже – на немецком языке. Автор демонстрирует значимость исторического реверса в обращении к историческому опыту контрпропаганды и борьбы медиа за национальную независимость, а также влияния медиаконтента на национальную идентичность.

Антикризисные ценности современного медийного контента в фокусе внимания ярославского профессора В.Н. Степанова (эмоциогенная и конфликтотогенная коммуникация в гибридной медиасреде) и швейцарско-российской исследовательской команды (проанализированы VR-проекты в продвижении знаковых мест стран с точки зрения трансляции ценностей территориальных брендов). Так, в России VR рассматривается как следующий этап эволюции туристического отдыха и инструмент рекламы достопримечательностей, исторического и культурного наследия. В Швейцарии VR-проекты используются для территориального и корпоративного продвижения, являются инструментом сохранения образов и брендов территорий, вовлечения аудитории в активное устойчивое потребление благодаря иммерсивности и эмоциогенности контента.

В.Н. Степанов в своей статье предлагает выверенную иерархию медийного контента, начав распределение многообразной информации, циркулирующей по каналам коммуникации, по двум классам: предметно-логическая (фактологическая) информация и прагматическая (оценочная, субъективная, связанная с ситуацией и участниками общения). В качестве объекта анализа выбрана информация прагматическая, корпус исследования составили заголовки рекламных текстов прямой рассылки. Автор убедительно доказывает, что в случае семантической конкуренции благодаря семантическим трансформациям один элементарный провокативный жанр (на внешнем уровне) «скрывает» другой (на внутреннем уровне) и перлокутивный эффект формируется симультанно.

Существенные проблемы в сфере медиаграмотности и медийного образования зафиксировали ученые из России и Индонезии. Медиаграмотность сегодня становится специфическим «антидотом» фейковым новостям и дезинформации. Ч.Ф.И.С. Хусин и Н.В. Поплавская, анализируя параметры повышения медиаграмотности в Индонезии при поддержке таких международных организаций, как ЮНЕСКО и АСЕАН, предлагают собственные рекомендации и модели для повышений медиаграмотности в этой стране и АТР, особенно медиаграмотности цифровой.

Модели медиаобразовательного потенциала отечественной телевизионной индустрии описывают А.А. Ефанова и М.А. Пугачев на основе анализа

опыта работы в Москве и Оренбурге. Авторы выделяют три модели, обусловленные дифференцированными профессиональными целями: медиаподготовкой и повышением квалификации профессионалов и повышением медиаграмотности широкой аудитории. Авторы зафиксировали автономизацию собственных медиаобразовательных практик телеканалов, что косвенно подтверждает их востребованность и актуальность темы исследования.

Предлагая читателю тематический выпуск, посвященный медиа и конфликтам и кризисам в новой реальности, мы тем не менее фиксируем оптимистический подход к дальнейшим исследованиям в этом новом формирующемся поле науки о медиа.

ENG

The depiction of the contemporary world, as portrayed by society and audiences, relies less on media narratives. This seemingly commonplace observation underlies various prevalent theoretical concepts today, such as the “gatekeeping” theory and mediatization concepts.

An altered scenario unfolds when delving into the examination of conflicting media representations. In modern society, the influence of individual public media can intricately impact societal development. The National Security Strategy of the Russian Federation⁴ places significant emphasis on human potential development, enhancing citizens' quality of life, and addressing the ninth challenge of information security. This involves safeguarding Russia's sovereignty in the information space and can be achieved through fostering a secure and non-conflict media environment where stable socio-political information is created, distributed, and consumed. The National Security Strategy particularly stresses the protection of traditional cultural and moral values, culture, and historical memory in the information space.

Addressing the complexities of digital media communication spaces is a crucial issue, requiring the involvement of multiple stakeholders and the establishment of value and semantic priorities for content. A strategic aspect of adept media communication technology use is aligning with the goals outlined in the Doctrine of Information Security of the Russian Federation⁵. This involves leveraging media communication technologies to preserve cultural, historical, spiritual, and moral values, as well as informing the public about the state's position on significant events.

The Doctrine also encompasses countering the use of information technologies to promote extremist ideologies, xenophobia, and ideas of national exclusivity. It aims to protect state secrets, enhance information support for state policy, and neutralize information impact eroding traditional values. Research and deve-

⁴ *National Security Strategy of the Russian Federation*. (2021). (In Russ.) Retrieved October 10, 2023, from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

⁵ *Information Security Doctrine of the Russian Federation*. (2016). (In Russ.) Retrieved October 10, 2023, from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/4d1bf972e14f63a309bce4c2ad3d12cc2e85f10/

lopment in media conflictology align with the Strategy for Scientific and Technical Development of the Russian Federation⁶, focusing on identifying and preventing sociocultural threats and cyber threats.

These concerns extend beyond Russia, impacting all countries facing challenges posed by digital media and communication technologies. Current global trends, such as digitalization and the rise of social media, transform communication processes, altering the roles of journalism, mass media, and social media in society. The deep mediatization of reality, propelled by digital media technologies, presents a pressing task for researchers to understand the functioning of traditional and social media, their interactions, and the effects of representing social reality, including conflicts, in the online environment.

The multifaceted nature of the media environment, encompassing traditional media, new media, and an active audience, introduces new dynamics in the representation, escalation, and resolution of social conflicts. Researchers face the challenge of theoretically analyzing this multi-subject structure and predicting the outcomes of situations. Information security threats, such as fake news, extend beyond traditional news reports to the broader realm of internet communications. Detecting and combating fake information, especially in conflict contexts, is a complex task, emphasizing the significance of qualitative content analysis in countering intentionally false information and fakes within the modern media communication environment.

The significance of this thematic concern is shaped by the current information landscape saturated with reports on diverse social conflicts within domestic and foreign policy, interethnic and interreligious relations, and attitudes toward minorities and vulnerable social groups (Baychik, 2020). The impact of disseminating such information can be both positive and negative, contingent on how the information is conveyed, which elements of journalistic content are emphasized, and the interpretation the author conveys.

In contemporary times, media communications have evolved into a platform for conflict generation and existence, involving multiple stakeholders. This includes institutionally organized media shaping the mass information agenda, irrespective of whether they act in the interest of the national state or other political and economic elites. Additionally, social media, represented by “new professionals” like bloggers, influencers, and opinion leaders, along with their audience, contribute to the dynamics of conflicts, whether as affected citizens, witnesses, observers, or individuals with indirect involvement.

Within this context, media representation of conflicts and their “life cycle” undergo substantial changes. The coverage of conflicts at various stages, from pre-conflict situations to post-conflict scenarios, as well as the primary and secondary effects on the audience, takes on new forms and properties.

Understanding the relationship between media and conflict reveals the multi-level and multidimensional nature of conflicts in modern society. It extends beyond war or armed confrontation to include conflicts between political and social groups and individuals with differing interests and values. Media communications

⁶ *Strategy for Scientific and Technical Development of the Russian Federation*. (2016). (In Russ.) Retrieved October 10, 2023, from <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/48053.html>

often act as both a static element and a dynamic driving force in social conflicts, playing a mediating role.

The role of media in conflict coverage is a comprehensive concept involving external and internal factors and conflict variables. The interaction between media and conflict has become an interdisciplinary focus in contemporary humanities research, exploring the broad social and personal consequences resulting from conflict coverage in the media. This evolving field delves into the forms, tools, factors, roles, and social and individual consequences of media coverage of conflicts.

To systematize knowledge from conflictology, media studies, political science, sociology, history, linguistics, and other areas, there is a need to develop a unified methodological approach to analyzing media conflicts. Unanswered questions persist about how institutionalized (traditional media) and non-institutionalized subjects (social media, active audiences) represent social conflicts within the multi-subjective structure of the media environment. Considerations include the correlation between the subject type, conflict type, and media audience type, the “life cycle” of a conflict in the digital media communication environment, and the social effects provided by each subject separately and in aggregate. Ultimately, understanding and potentially regulating audience reactions to social conflicts in the short and long term is crucial for sustainable social development, harmonizing social processes, and reducing tension in modern Russian society.

The outlined issues necessitate systematic and comprehensive modeling and forecasting, integrating knowledge of the modern media environment, conflictology theory and practice, and interdisciplinary tools in social process design. This thematic concern raises questions about the interdisciplinary study and prediction of the social effects of media representation of conflict in a digital multi-subjective media environment, identifying mechanisms for conflict flow and management – a significant and enduring research task.

This thematic issue of RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism delves into the previously unexplored realms of media reversibility, conflict, and crisis. Representing a collaboration of researchers from various Russian and foreign scientific schools, the collected papers address significant scientific challenges and propose innovative methodologies.

In the article titled “Media conflictology as a field of research: working out theoretical approaches” E.L. Vartanova and D.V. Dunas analyze the nature of the relationship between media and conflict, emphasizing the interdisciplinary significance of media effects in the New Reality. Traditionally, conflict studies focused on conflicts themselves, but in the context of deep and transgressive mediatization and a media-centric approach, the authors advocate for a cohesive field of research – media conflictology. The paper explores existing research approaches, aiming to identify conceptual blocks that contribute to the theoretical knowledge in this emerging field.

D.P. Gavra and V.V. Dekalov, distinguished researchers at the Faculty of Journalism of St. Petersburg University, examine the potential development of the model of digital communicative capitalization in the era of platforms and communicative abundance. Their work highlights how attention invested in a particular platform not only generates measurable income but also enhances social, symbolic,

and cultural capital. The lack of transparency in transforming digital reflections of capitals into real forms leads to new concepts characterizing digital communication capital and the double exploitation of attention in various digital markets.

Addressing the quest for universal digital media modeling during crises, scientists from the HSE University – S.V. Zykov, E.A. Babkin, and B.I. Ulitin – present a new approach in their article “Models and methods of controlled media transgression in crisis conditions”. This approach, grounded in a hierarchy of interdisciplinary criteria and crisisology concepts, facilitates decision-making and control over media objects in crisis situations. The authors introduce a software prototype based on ontology mechanisms, offering decision support and universal applicability for evaluating various media objects to reduce the likelihood of crisis situations.

The issue explores combating misinformation and restoring trust in the media through the inventive use of biometrics in online media. Sasha Shilina, a leading researcher at the Paradime Research Foundation, suggests that biometrics, with its identity verification capabilities, content authentication, and personalized user experiences, offers unique solutions to counter misinformation and create a secure online media ecosystem – a paradigm shift in media during crises.

Researchers from Moscow and St. Petersburg identify the newest parameters of crisis in artificial intelligence-mediated journalism. They note a lack of personal and social memory, disrupting fundamental journalistic principles. The expansion of AI-based media practices leads to major conceptual contradictions, prompting the formation of new areas of media research, specifically critical media studies mediated by artificial intelligence.

The future of artificial intelligence-driven media is capturing the attention of scientists globally, with Professor Ketan Kotecha sharing insights on anticipated changes across all levels of the media system, media education, and media research. As a distinguished computer science and engineering professor and head of the Symbiosis Center for Applied Artificial Intelligence, Dr. Kotecha's perspectives hold significance, given his recognition as one of the top scientists globally by Stanford University.

Addressing the intersection of media and crisis in various spheres of modern life, young researcher K.L. Zuikina explores the visual aspects of network political communication during the 2020 political crisis in Belarus. Analyzing visual content from diverse political forces, the study identifies reverse trigger images influencing the transition of online activism to offline spaces.

Examining the 2018 presidential elections in Russia, researchers Yu.I. Dolgova and P.V. Gulenko investigate the crisis of political communication, questioning the effectiveness of silence in Russian media. Their unique methodology compares the content of evening television news and online media, revealing a reversal of the crisis paradigm. While online media is often perceived as higher quality, television better covers the election campaign by focusing on informing citizens about government activities.

T.Yu. Pynina presents an original perspective by analyzing the historical experience of Hungarian media's genesis within the political system of a multinational Habsburg monarchy. The study explores the influence of media content on

national identity and counterpropaganda, emphasizing the importance of historical reverse in understanding this context.

Yaroslavl professor V.N. Stepanov and a Swiss-Russian team of scientists delve into anti-crisis values in modern media content. Professor Stepanov focuses on emotional and conflict-generating communication in a hybrid media environment, proposing a hierarchy of media content. The Swiss-Russian team analyzes VR projects in Russia and Switzerland, considering them as tools for promoting territorial brands and engaging audiences in sustainable consumption.

The issue also addresses media literacy and education challenges, with scientists from Russia and Indonesia documenting significant issues in these fields. Media literacy is portrayed as an “antidote” to fake news and disinformation, and recommendations are offered for increasing media literacy in Indonesia. Additionally, A.A. Efanov and M.A. Pugachev describe models of media educational potential within the domestic television industry, emphasizing the relevance of TV channels' autonomous media educational practices.

Despite the focus on media and conflict and crisis, the thematic issue aims to instill optimism for further research in this emerging field of media science.

Список литературы

- Байчик А.В. Массмедиа. Ценности. Конфликт. СПб.: Изд-во РХГА, 2020.
- Вартанова Е.Л. «Пересборка» медиа: актуальные процессы трансформации в условиях цифровизации // Меди@льманах. 2023. № 3 (116). С. 8–16.
- Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
- Лабуш Н.С., Пую А.С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019.

References

- Baychik, A.V. (2020). *Massmedia. Values. Conflict*. St. Petersburg: SPbU Publ. (In Russ.)
- Dahrendorf, R. (1994). Elements of the theory of social conflict. *Sociological research*, (5), 142–147.
- Labush, N.S., & Puyu, A.S. (2019). *Mediatization of extreme forms of the political process: War, revolution, terrorism*. St. Petersburg: SPbU Publ. (In Russ.)
- Vartanova, E.L. (2023). “Reassembly” of media: Current transformation processes in the context of digitalization. *Medi@lmanakh*, (3), 8–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/medi@lmanah.3.2023.816>

Сведения об авторах:

Вартанова Елена Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии образования, декан факультета журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-7716-4383. E-mail: dunas.denis@smi.msu.ru

Шилина Марина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36; профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, факультет жур-

наистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-9608-352X. E-mail: Marina.shilina@gmail.com

Bio notes:

Elena L. Vartanova, Doctor of Philology, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Dean of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7716-4383. E-mail: eva@smi.msu.ru

Marina G. Shilina, Dr. Sc., Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Design, Plekhsnov Russian University of Economics, 36 Stremyanniy Pereulok, Moscow, 117997, Russian Federation; Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9608-352X. E-mail: marina.shilina@gmail.com

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-649-662

EDN: TLKJRO

УДК 82.09

Научная статья / Research article

**Роль словесной живописи
в романе Леонида Леонова «Русский лес»**

Л. Ши, И.Г. Минералова

*Московский педагогический государственный университет,
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1*

 ig.mineralova@mpgu.su

Аннотация. Л.М. Леонов мечтал стать художником и талант живописца воплотился в его прозе. Написанные им пейзажи, портреты, портреты на фоне леса в традиции, например, М.В. Нестерова играют важную роль во внутренней форме его произведений. Показателен в этом отношении роман «Русский лес». Цель исследования – объяснить функции живописных аллюзий и экфрасисов в данном романе. Для этого были определены наиболее часто встречающиеся аллюзии и экфрасисы полотен русских художников, популярных в пору, когда Л.М. Леонов обучался живописи, и впоследствии парафразированных в романе; объяснены функции узнаваемых картин мастеров изобразительного искусства в словесной живописи; аргументирована особенная роль живописных экфрасисов в формировании жанровой многосоставности романа. В результате уточняются некоторые существенные черты индивидуального стиля писателя в исследуемом произведении: особенное внимание прозаика к описательной составляющей дает возможность утверждать, что его обращение к аналогиям с изобразительным искусством является преднамеренным, поскольку способствует созданию не просто научно-производственного или абстрактно-философского романа, а выстраивает целый ряд жанровых линий, которые подкрепляются узнаваемой живописной визуализацией, с одной стороны, а с другой – формируют глубокий социально-психологический и лирический план произведения. Сравнение конкретных живописных полотен, преобразованных в экфрасис в прозе, представляет ученым богатый материал для выводов о синтезе живописи и прозы.

Ключевые слова: портрет, стиль, внутренняя форма, синтез искусств, экфрасис

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Ши Л., Минералова И.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 15 июня 2023 г.; отрецензирована 2 сентября 2023 г.; принята к публикации 1 октября 2023 г.

Для цитирования: Ши Л., Минералова И.Г. Роль словесной живописи в романе Леонида Леонова «Русский лес» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 649–662. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-649-662>

The role of verbal painting in Leonid Leonov’s novel “Russian Forest”

Lina Shi, Irina G. Mineralova

*Moscow Pedagogical State University,
1 Malaya Pirogovskaya St, bldg 1, Moscow, 119991, Russian Federation*

 ig.mineralova@mpgu.su

Abstract. L.M. Leonov dreamed of becoming an artist and the painter’s talent was embodied in his prose. His landscapes, portraits, portraits against the background of a forest in the tradition of, for example, M.V. Nesterov play an important role in the internal form of his works. The novel “Russian Forest” is indicative in this regard. The purpose of the study is to explain the functions of pictorial allusions and ekphrasis in this novel. The following tasks are solved: identify the most common allusions and ekphrasis in the paintings of Russian artists, which were popular at the time of Leonov painting training, and were subsequently paraphrased in the novel; explain the functions of recognizable paintings by masters of fine art in word painting; argue for the special role of pictorial ekphrasis in the formation of the genre diversity of the novel. As a result, some essential features of the writer’s individual style in the novel under study are clarified: the prose writer’s special attention to the descriptive component of the work makes it possible to assert that his appeal to analogies with fine art is deliberate, since they contribute to the creation of not just a scientific-production or abstract-philosophical novel, but builds a whole series of genre lines, which are supported by recognizable pictorial visualization, on the one hand, and, on the other, forms a deep socio-psychological and lyrical plan of the work. Comparisons of specific paintings transformed into ekphrasis in prose provide scientists with rich material for drawing conclusions about the synthesis of painting and prose.

Keywords: portrait, style, internal form, synthesis, ekphrasis

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 15, 2023; revised September 2, 2023; accepted October 1, 2023.

For citation: Shi, L., & Mineralova, I.G. (2023). The role of verbal painting in Leonid Leonov’s novel “Russian Forest”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 649–662. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-649-662>

Введение

Леонид Максимович Леонов в юности мечтал связать свое будущее с изобразительным искусством, быть художником, живописцем – вот этот талант живописца, несомненно, отразился в его литературном творчестве. Бла-

годаря изначальному намерению Леонова стать художником, он запечатлевает мир и в деталях, и в композиции так, как он может быть изображен на полотне. Проблема перенесения приемов изобразительного искусства в художественную словесность не нова (Уртминцева, 2010, с. 975–977). Особенное внимание на нее стали обращать исследователи литературы Серебряного века в последние десятилетия (Дмитриевская, Минералова, 2018, с. 163–192). Применительно к прозе Л.М. Леонова этот вопрос также ставился А.А. Дырдиным, Ю.В. Жуковой (Дырдин, Жукова, 2018). Однако под избранным углом зрения роман Л.М. Леонова не рассматривался, исследователи говорили об живописных аллюзиях и экфрасисах попутно. При этом в прозе как словесном искусстве портрет и пейзаж или портрет на фоне пейзажа несет отпечаток занятий изобразительным искусством. И Леонов, уже опробовавший манеру живописца, став литератором, был всегда внимателен к деталям, живописному «взгляду» никогда не изменял, какие бы идеи ни воплощал, к каким бы проблемам ни обращался. Изобразительное искусство в широком смысле образцово воплотилось во всех его произведениях. Справедливо сказать, что Леонид Леонов, мастер, прошедший школу русского портрета и русского пейзажа, оказался благодарным и талантливым учеником, который выученное применил в литературе. Напомним, что мастером портрета и блистательным копиистом был другой Леонид – Андреев, однако его опыт перенесения приемов живописи в прозу принципиально иной (У Чуньмэй, 2006, с. 128). И если Л.Н. Андреев переносит приемы создания портрета в прозу, будто бы на глазах воспроизводя то, что было обычным для него делом, когда он обращался к работе на полотне, то Л.М. Леонов идет принципиально другим путем. Ему важна живописная композиция, во-первых, а во-вторых, напоминание об уже известных в русской живописи полотнах. В данном конкретном случае мы говорим о приемах, которые важны для него в романе «Русский лес», хотя на аналогичные приемы у писателя исследователи обращали внимание, говоря о ранних произведениях и в последнем романе XX в. – «Пирамиде», и указывая на экфрасисы полотен европейских мастеров (Жукова, 2018). В романе «Русский лес» он напоминает читателю многие полотна русских художников, теперь составляющих гордость Русского музея и Третьяковской галереи.

Два глубоких увлечения, которые по сути были для него делом жизни, помимо литературы, – живопись и родственное внимание к растениям. «Вот это его качество мне представляется чрезвычайно важным: то, что ему был внятны язык дерева, металла, растений, кустарников, деревьев. Наверное, это и есть доказательство его дара вживаться в другую душу, уметь следовать незнакомой логике» (Леонова, 1998). Это замечание дочери Натальи Леоновой – знаковое. И понятно, что среди сохранившихся его работ портреты и автопортреты, в том числе и фотографические (Болховитинов, 1978, с. 44–48). Таким образом, природа и человек принципиально интересны ему и как предмет осмысления пути Человека в мирозданье: так ему открывается душа человеческая и душа Природы.

Обсуждение

Л.М. Леонов – художник и писатель

Л.М. Леонов уже в работах 1920–1930-х гг. апробирует то, чему научился, занимаясь изобразительным искусством (Титова, 2014, с. 31–35), – выстраивает композицию в прозаическом произведении по аналогии с жанровой живописью. Он в юности не только учился в воскресных классах живописи (Прилепин, 2012, с. 31), в газете «Красный воин» отработал восемь с половиной месяцев, и за это время там были опубликованы три его зарисовки (Прилепин, 2012, с. 61); еще в Херсоне он мечтал о будущем художника, но в Высшие художественные технические мастерские (знаменитый ВХУТЕМАС) его не приняли (Прилепин, 2012, с. 62). Изначальная потребность работать в изобразительном искусстве, воплотилась в описаниях в прозе, потому что и литературное дело давало возможность проникать в суть, в душу изображаемого.

В «Русском лесе» Л.М. Леонов, обращается к экфрасису-напоминанию узнаваемых полотен русских мастеров, теперь он пишет уже словесные портреты, парафразируя известные работы художников-современников, формируя философское пространство романа. Напомним ставшее общим местом определение экфрасиса, которое дает Л. Геллер: экфрасис – «всякое воспроизведение одного искусства средствами другого» (Геллер, 2002, с. 18). Прозаик описывает, например, полотно известного художника: сколько раз таким экфрасическим элементом в литературе становилась знаменитая «Сикстинская мадонна!» (Дмитриевская, Минералова, 2018). Но зачастую, прибегая к экфрасису как приему, писатель даже не воспроизводит подробно оригинал, а дает название картины, указывает на отдельные детали портрета. Эти два примера показывают, что определение представляется понятным и одновременно условным, на что указывает М.Г. Уртминцева в своей обстоятельной статье «Экфрасис: научная проблема и методика ее исследования» (Уртминцева, 2010, с. 975–977).

Не случайно среди множества узнаваемых картин художников конца XIX – начала XX в. в романе со всей очевидностью «проступают» полотна М.В. Нестерова, И.И. Шишкина, другие и читаются не как узнаваемые вставные конструкции, а как органически прописанные в едином живописно-прозаическом пространстве. Именно у названных художников будут частотны у первого портреты, у второго – пейзажи. Причем у М.В. Нестерова учились прозе многие предшественники Л.М. Леонова. Наиболее выразительный пример – Б.К. Зайцев, написавший агиобиографическую повесть «Преподобный Сергей Радонежский» (1925–1925) и рассказ «Сердце Авраамия», в которых угадываются нестеровские полотна «Явление отроку Варфоломею» (1889) или «Труды преподобного Сергия Радонежского» (1892–1996), «Старец. Раб Божий Авраамий» (1914–1916). Напомним, что М.В. Нестеров жил в Москве, и, когда в октябре 1941 г. ему предложили поехать в эвакуацию, он категорически отказался, полагая, что он должен остаться в столице, а врага можно остановить и силой духа. Он умер в 1942 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище.

Вряд ли эта история осталась неизвестной для Л.М. Леонова, он обращается к самой манере художника, его узнаваемым приемам, а не конкретным образам. Именно у М.В. Нестерова, ученика В.М. Васнецова, человек, его портрет дается на фоне природы и наполняется теми эпопейными значениями, над которыми напряженно работал в прозе Л.М. Леонов.

В изобразительном искусстве фон, его роль в картине может объясняться технически как дальний план картины, но стоит напомнить, что пришло это слово в русский язык из французского, однако и там является заимствованным из латыни: *fundus* – «дно, основание, главный элемент, основа». Эти исходные смыслы важны для понимания соотнесенности компонентов портрета в романе Л.М. Леонова. Априори фон воспринимается как периферия картины, имеющая значение, может быть, лишь того, что помогает художнику сделать более выразительным портрет. Он может быть и нейтральным, однако чаще всего в нем угадывается и эпоха, и индивидуальная манера мастера. Понимание художником «основы» своего полотна зависит и от способа реализации замысла: он может мыслиться автором как цветовая, колористическая «периферия», а может – как главный элемент. Для художника М.В. Нестерова важны были северно-русские пейзажи, лес. У М.А. Врубеля портрет жены назван «Портрет Н.И. Врубель *на фоне березок*» (1904). Однако даже тогда, когда создатель полотна подписывает картину без указания фона, задний план настолько органично связан с изображением на переднем, что дополнительной утрировки в названии не требуется. Лес как задний план картины популярен на рубеже веков, в начале XX в., а в его первой трети широкой популярностью пользуются портреты на фоне индустриального пейзажа. И это объяснимо. Так усиливающийся конфликт цивилизации и природы отражен в изобразительном искусстве без специальных гротесковых приемов. Однако, что может означать такое уточнение? В обоих случаях: и когда «дном» картины оказывается образ природы, и когда индустриальный пейзаж, – фон не индифферентен по отношению к портрету, он значимая часть в расшифровке внутреннего мира изображенного человека, что, в свою очередь, доказывает: семантика портрета не сводима к изображению внешности (Аль Кайси, 2015, с. 19). Сказанное можно с полным правом отнести и к живописи словесной, к тому, как дает описания персонажей прозаик.

Л.Н. Дмитриевская справедливо полагает, что «портрет в литературном произведении – одно из средств создания образа героя, с отражением его личности, внутренней сущности, души через изображение (*portrait*) внешнего облика, являющееся особой формой постижения действительности и характерной чертой индивидуального стиля писателя» (Дмитриевская, 2013, с. 90). В отличие, например, от Л.Н. Андреева, создавшего блистательные копии офортов испанского художника и переносившего некоторые открытия-приемы Франсиско Гойи в свою прозу («Красный смех», «Иуда Искариот») (У Чуньмэй, 2006, с. 80–86), Л.М. Леонов-живописец парфразирует композицию узнаваемых полотен и воссоздает в прозе отдельные элементы пейзажа и портрета.

Портреты детей и стариков на фоне леса

В романе «Русский лес» писатель, решая литературные задачи, обращается к созданию портрета и портретов на фоне леса. В данном случае важно рассмотреть не просто аллюзивный план и узнаваемые экфрасисы полотен живописи. Напомним, вопросы аллюзий в прозе естественны, поскольку благодаря разъяснению функций разного рода прямого или опосредованного цитирования различных источников в любом литературном произведении можно понять, на какие идеи и смыслы выходит писатель, не просто копируя предшественников в самых неожиданных областях знаний и искусств, а переосмысливает источники, парафразирует их, прибегает к синтезу идей и образов, создавая индивидуальную внутреннюю форму романа. А.А. Дырдин и Ю.В. Жукова в статье «Аллюзивно-экфрасический роман Л. Леонова «Русский лес»» (Дырдин, Жукова, 2018, с. 174–199) приводят значительное число аллюзий, что филологически значимо само по себе, однако не объясняют, как синтез всех этих аллюзий функционирует. Кроме того, следует сказать, что и название статьи не вполне корректно, так как, если мы имеем дело с произведением большого писателя, то непременно этот план всегда есть в произведении, независимо от того, обратил читатель на него внимание или нет. Само по себе наличие аллюзий не говорит о качестве литературного материала, но их выявление – первый этап исследования, за которым непременно следует объяснение функции каждой «ссылки» в отдельности и всех в совокупности. Сам факт обращения к произведениям искусства предшественников – общее место в любом искусстве в принципе, поскольку еще Аристотель напоминал о мимесисе как определяющей черте искусства слова. Исследователи обращаются попутно и к рассматриваемому в данной статье литературному материалу, но конкретных вопросов едва касаются, поскольку цель их исследования – показать многообразие аллюзивного материала. Что же касается «цитирования» Л.М. Леоновым живописных сюжетов, напоминания названий картин, их композиций, то анализ именно данного изобразительно материала, его роли в разворачивании и общем плане романа, характеристиках отдельных героев и общем настрое описания и повествования, ведущих к постижению полифоничности всего содержания, по понятным причинам не является предметом их наблюдений.

Справедливо отметить, что практически на узнаваемом варьирующемся фоне романа предстанут и старик Калина Глухов, и сначала друзья детства Ваня и Демидка, а потом уже и ученый Иван Вихров, и купец Кнышев, и Александр Грацианский, и Поля, и вообще молодежь – защитники Родины. В романе воссоздана галерея персонажей, главных и второстепенных, и даже эпизодических, которые формируют хоральное пространство жизни страны, метафорически названной «Русский лес», и вместе с осознанием этого панно приходит философское осмысление того, что есть будущее России и русского человека.

У Л.М. Леонова старик и дети предстают в своеобразном «обрамлении» и оказываются композиционно и содержательно соединены в романе.

У него нет пейзажа, где нет человека. Л.М. Леонов изображает героя в узнаваемом пространстве, вынесенном в название. В романе «Русский лес» он создает два парных портрета, которые повторяются неоднократно, приобретая динамические черты: изображение Ивана с другом детства Демидкой и Ивана со стариком Калиной. Стоит сравнить эти эпизоды с картинами «Дети в лесу» И.И. Шишкина и «Дедушка и внучек» М.В. Нестерова, чтобы убедиться в том, что благодаря диалогу писателя с художником выстраивается символическая и философская глубина романа Л.М. Леонова, его жанровая многосоставность, поскольку ассоциативный живописный план соединяет описание и повествование, которые являются выразительными скрепами эпического и лирического содержания. Именно нестеровские полотна, где смыслообразующим изображением будет дерево, например «Осенний пейзаж», «Дуб», усиливают эпическое и символическое наполнение произведения. С другой стороны, пожалуй, самый выразительный пейзажист конца XIX в. – И.И. Шишкин вдохновил писателя на создание словесных полотен, и, что важно, у него лес, чаща, бор, роща изображаются не как герметичное пространство природы (природы), где нет и не должно быть человека, на его картинах ощутимо человеческое присутствие благодаря избранному ракурсу описания. Таковы картины «Рожь» (1878), «Дубы» (1887), «Утро в сосновом лесу» И.И. Шишкина и К.А. Савицкого (1889), «Дождь в дубовом лесу» (1991). Эти картины прежде всего говорят о красоте и целомудрии мира природы, напоминают о мудрости старчества и детства.

Понимание того, что писатель, обладающий даром живописца, непременно воспользуется опытом любимого искусства там, где другое искусство способно визуализовать идеи, предопределено. Соединение портрета и пейзажа в изобразительном искусстве и словесном является показателем и индивидуального стиля художника, и стиля его времени. Разные стилевые эпохи (барокко, романтизм, реализм) обращались к созданию образа человека в контексте природного ландшафта, однако очевидно, что к концу XIX – началу XX в. взаимообусловленность их на полотне проходило переакцентировку. Об общих, родственных процессах, протекающих в различных искусствах, убедительно писал П.Н. Сакулин. В «Литературной старине (под знаком византийской культуры)» он обосновывает свою точку зрения на культурный стиль эпохи: «Между классами существует не только борьба, но и постоянное взаимодействие, и жизнь в конце концов отливается в единый культурный процесс. В результате каждая эпоха народной жизни имеет свой стиль культуры, свое культурное лицо» (Сакулин, 2023, с. 151). Следуя за П.Н. Сакулиным, можем сказать: в живописи, литературе, музыке, других искусствах запечатлены их черты, которые по-разному, в разных искусствах образно воссозданы в соответствии с материалом искусства, а потому сравнение изобразительного искусства со словесным – одна из возможностей осмыслить их взаимодействие, взаимовлияние, художественный синтез.

Так, в романе «Русский лес» портреты Ивана и Демидки на фоне леса появляются во второй главе. Иван дружит с «рукастым, большеротым» (Леонов,

1970, с. 40) Демидкой в детстве, они вместе мечтают о приключениях в лесу. Лица детей не прописаны подробно, наоборот, описание леса занимает главное место в этой картине, включая такие необходимые компоненты, как высокие деревья, непроходимая тропинка, высокая трава и солнечные лучики, проникающие сквозь деревья. Как пишет Л.Н. Дмитриевская, «для понимания смысла прозаического произведения и при изучении индивидуального стиля писателя самым важным оказывается образ героя, на который работает портрет, и образ мира, который часто воплощается автором через пейзаж» (Дмитриевская, 2005, с. 3). Лес в Пустоши дремучий, безлюдный, деревья в нем «неохватные, стрела к стреле, сосны возвышались там, как подпорки неба» (Леонов, 1970, с. 42), «сквозь плаун и моховой войлок, проступила тропка. Она услужливо повела ребят, но для чего-то поминутно петляла, пересекалась со звериными ходами» (Леонов, 1970, с. 41). Луга там «без единой соринки или валежины, без единого цветка по теплой, как бы подстриженной траве» (Леонов, 1970, с. 43). Такая композиция картины рассматривается как вариация живописного полотна на тему «Дети в лесу» И.И. Шишкина (1886) и Б.В. Смирнова (1881), которая была создана задолго до публикации романа. Кроме того, обращение автора к олицетворениям в описании леса формирует единое одушевленное пространство леса и детей в нем, будто бы они тоже его дети. Можно сказать, что в таком случае описание природы не функционирует как отдельный от детей самостоятельный пейзаж, картина имеет смысл, если портреты детей воспринимаются в единстве с природным миром.

Художники будто бы обрамляют портреты двух маленьких детей в центре картины. И хотя они написаны в центре полотна, но в единстве с природой – портреты соразмерны описываемым деревьям.

А вот парный портрет детей на фоне леса у Л.М. Леонова позволяет читателю увидеть будущность и леса, и детей. Несмотря на близость Ивана и Демидки в детстве, взгляды мальчиков на природу разнятся. Леонов так показывает два противоположных мироощущения: «как всегда в истории человечества, вслед за *открывателем чудесных материков шагал купец*» (Леонов, 1970, с. 41). У Ивана «обостренное чутье природы – чудесный и врожденный дар» (Леонов, 1970, с. 40). Он интересуется всем в лесу и с уважением и даже трепетом относится к деревьям и животными в нем. Антитетичен ему портрет Демидки, в котором угадывается будущий коммерсант, «властный и предприимчивый» (Леонов, 1970, с. 42). Даже в деталях портрет его натуралистичен, внешность отталкивающая: «с мешком, нащурил левый глаз и облизал губы при мыслях о барыше» (Леонов, 1970, с. 41). В пути друзей только намечается разлад. После посещения избы старика Калины Демидка крадет белку Марью Елизаровну и продает ее. Демидка «по-хозяйски закручивал мешок» (Леонов, 1970, с. 47), а Иван «виновато разглядывал в глубине мешка усатую, слегка притупленную мордочку с быстрыми блестящими глазами» (Леонов, 1970, с. 47), умоляя друга отпустить белку. Обратим внимание на то, что автор называет и белку по имени-отчеству, тем самым образно уравнивая ее с персонажами-людьми. Так «портрет на фоне» становится жан-

ровым полотном, на котором не только портреты мальчиков, мальчика и старика, но и мальчиков и белки.

Портрет «разрушителя» – мальчика Демидки ассоциируется с картиной В.М. Васнецова под названием «Дети в лесу» (дети разоряют гнезда). Один из мальчишек лезет на дерево, разоряя гнездо. Другие с интересом смотрят на него, поглядывая, есть ли в гнезде что-нибудь «полезное» или нет. Они, как Демидка, являются по сути жадными разрушителями леса.

Третий ракурс в осмыслении портрета детей на фоне леса заключается в изображении победы детского любопытства над неожиданным испугом. Писатель показывает страх мальчиков перед таинственностью леса и боязнью нечистой силы – деда Калины в романе «Русский лес». Мальчики с тревогой «исследуют» незнакомый лес, «озабоченно оглядываясь» (Леонов, 1970, с. 41), даже «на всякий случай дали взаимную клятву не бежать, не реветь при виде самой рогатой опасности» (Леонов, 1970, с. 42). Когда они увидели, как какой-то призрак подошел к ним, «так прижались друг к дружке, накрытые одним мешком, озябли, вздрогнули, это был страх» (Леонов, 1970, с. 44). Данная картина напоминает полотна А.И. Корзухина «Крестьянские дети в лесу» (1877) и Н.П. Богданова-Бельского «Посетители» (нач. XX в.). В первом случае у детей растерянный вид, они стоят, прижавшись к сосне. Как видим, художник передает напряженную ситуацию, скованы их фигуры, как будто происходит что-то страшное, но дерево «держит» этих детей, как помощник и друг. На втором полотне дети сидят в избе, пьют воду, опустив голову, боятся смотреть на хозяина. Может быть, они случайно оказались у кого-то в гостях и робеют. В «Русском лесу» Иван с Демидкой тоже едят и ночуют в избе Калины, которого они потревожили, автор дает эту картину как родственную полотну Н.П. Богданова-Бельского.

В романе парный портрет «старик и мальчик на фоне леса» главным образом передан вариантами парного портрета деда Калины и Ивана. Первая встреча Ивана в детстве с Калиной в лесу принципиально важна, после этой встречи Иван подружился с ним и подпал под влияние старика, благодаря чему нашел свою дорогу в жизни и свое дело, которому посвятил всего себя. Портрет «Старик и мальчик» указывает на особенные отношения между ними, это и друзья, и учитель с учеником, и соратники в борьбе за лес. Так формируется многоплановость связей героев.

Л.М. Леонов, создавая роман, ставит во главу угла важную задачу соединить «науку и практику» в отношении к лесному богатству. Мог ли художник решить эту задачу, не размышляя о народной традиции отношения к лесу, не обратившись к осмыслению образа леса не только в литературе, но и в искусствах, прежде всего в том, что ему было близко и дорого – к живописи? Другой писатель, наверное, смог бы, но в индивидуальном стиле Л.М. Леонова увидеть отношение к лесу ретроспективно и в контексте культуры означало быть убедительным в решении насущных проблем современности. Так, решение вопросов, относящихся к использованию леса, лесоводству, потребовало создания образа «защитник леса». Таким предстает Калина

Глухов, обычный человек и святой, двойник Лешего и добрый старик. Автор создает образ Лешего, которого «рисует» взгляд мальчика: «как на диво лесное, взирали они на старика» (Леонов, 1970, с. 55). Перед тем, как Иван и Демидка увидели Калину, старик представлялся им страшным чудовищем. Портрет его сохранился в предании Пустоши: «грозное существо сверхбогатырского телосложения и замысловатого озорства» (Леонов, 1970, с. 42), «очертание громадной волосатой ноздри, словно оно уже принюхивалось к человечьему следу» (Леонов, 1970, с. 42), «полуприкрытый веком зрачок, обманно устремленный мимо» (Леонов, 1970, с. 42), «с лошадиной головой» (Леонов, 1970, с. 44), «полупрозрачное тело» (Леонов, 1970, с. 44). Иван и Демидка считают, что он всемогущий. «Но могущество лесного владыки как раз и состояло в способности принимать любое обличье – от волка до проливного дождика, а уж убавляться в росте ему вовсе ничего не стоило, иначе снизу и не докричаться было бы до него» (Леонов, 1970, с. 45). Образ лешего в сознании художников той эпохи передан описанием, которое дает Л.М. Леонов, представляя деда Калину. И тут следует согласиться с ученым, который справедливо утверждает, что сочинитель не калькирует в своем произведении уже известное, в произведении воссоздается «сочиненная самим поэтом своего рода „фантазия на тему“ этимологического образа в слове» (Минералов, 1999, с. 262). М.В. Нестеров в 1889 г. написал картину «Видение отроку Варфоломею», в которой изображается встреча мальчика Варфоломея со старцем в схиме, с дароносительницей в руках, разительно напоминающей Троицкий храм, в котором теперь покоятся мощи преподобного Сергия. М.В. Нестеров перенес на полотно сюжет из «Жития преподобного Сергия»: мальчик просит святого о помощи в учении. В романе Л.М. Леонова нет подобной композиции, но есть ее вариация: в романе старик Калина – учитель, он дает Ивану знание обо всем. Кроме того, пример М.В. Нестерова делает возможным для писателя плотно через жанровые зарисовки предопределить путь мальчика Вани.

Во-вторых, настоящий образ Калины уточняется после встречи мальчиков с ним. Он ничем не отличается от обычных людей: «Он был совсем как человек, лыс и бос, в длинной рубахе с веревочной опояской; на траве белели большие, отмытые росой челоуечьи ноги» (Леонов, 1970, с. 42), «в обычные человеческие размеры, лошадиный череп оказался всего лишь белой бородой» (Леонов, 1970, с. 44), «почесался под рубахой вполне обыкновенно» (Леонов, 1970, с. 44). После той встречи они подружились, гуляя в лесу летом, разговаривая: «В этих рассказах кончался сказочный Калина и начинался милый, вдвое дороже мальчику, телесный человек» (Леонов, 1970, с. 53). Их дружба чистая, святая, благословенная: «то была немногословная дружба старого и малого, без боязни разлуки, но и без фальшивого обоюдного ласкательства» (Леонов, 1970, с. 53). Леонов, формируя психологический портрет старика, постоянно «пишет» парный портрет, в котором проступает важное качество Калины – качество учителя: «учил своего питомца узнавать по росам погоду, а урожай по корешкам лесных трав – и прочей

тайной грамоте леса, в которой скопился тысячелетний опыт народа» (Леонов, 1970, с. 52). Это новое его качество, реализуемое в портретных вариациях, размыкает границы живописного, соединяя изобразительное с историческим, социально-психологическим и философским. Динамика портретов работает на создание эпосейного содержания романа в целом.

Кроме этого, Калина-мудрец не просто наслышан о нечистой силе, он знает, что суеверие крестьян насчет лешего бережет лес от разорения. Иван, с детства следующий за стариком Калиной, возьмется отважно его защищать, все более глубоко осознавая, что лес не подчиненное пространство, не фон, а основа жизни. «Калина охотно разъяснил приятелю свою веру, ставшую впоследствии верой и самого Ивана Матвеича» (Леонов, 1970, с. 53). «Как всегда, старик плел очередной кузовок, а мальчик лежал на спине и глядел в небо на спокойный, растянувшийся клин улетающих журавлей с чуть оторвавшейся точкой, вожаком, впереди» (Леонов, 1970, с. 53). Эта сцена не просто гармонична, она воспринимается как вариация на тему картины М.В. Нестерова «Дедушка и внучек» (1880). Обычно филологи следуют путем, позволяющим выяснить, какой материал различных искусств побудил прозаика к разворачиванию внутренней формы романа, в которой узнаваемы портреты, жанровые картины, пейзажи знакомых с детства художников. Творчество Л.М. Леонова дает в этом отношении богатый материал, о чем упоминали исследователи (Жукова, 2018). Словесное живописание в романе колоритно, портрет Калины, которого дети принимают за лешего, выразителен и динамичен. Он меняется в представлении детей. Взглядом сначала детей, а потом уже глазами взрослеющего Ивана увиден тот, чьи силы уходят, и он должен передать молодым дело всей жизни (таков закон жизни). Вот каков он в сцене с лесорубами: «легендарная Калинова огорбела спина, и от былого былинного удалства оставалось лишь бессильное старческое увещание» (Леонов, 1970, с. 42).

Автор изображает Калину, который прощается с лесом, «сидевшего возле своей нетопленной, с распахнутой дверью хатки, на свежем пеньке. Калина был без шапки, какой-то чистенький и помолодевший, на плечи накинут кожушок; медноватый свет его последнего солнца отражался в лысой голове» (Леонов, 1970, с. 55), «тот смеялся и прощальными глазами обводил багряные, уже облетающие ближние леса» (Леонов, 1970, с. 53), «слезящимся, невидящим взором он обвел оголенное пространство перед собою» (Леонов, 1970, с. 55). Созданная Леоновым сцена напоминает картину Н.П. Богданова-Бельского (это была дипломная работа будущего живописца) «Будущий инок» (1889). Писатель не мог не знать ее, как и вообще творчество художника, которого знали и любили И.И. Левитан и В.Д. Поленов, тепло отзывались о его первом выставочном полотне «Еловый лес» (1884). На его картинах всегда изображаются дети не только в делах и забавах, но, что важнее – мыслями устремленные в будущее. Скорее всего, этот взгляд в будущее важен был для писателя, переосмысливающего образ служения будущего ученого Ивана Вихрова. Старик сидит с котомкой за плечами, го-

товый подняться и отправиться в путь, а напротив, за столом, подперев рукой голову, – мальчик задумчиво смотрит вдаль. Писатель обращается и к композиции картины, где все значимо: и облик старика и мальчика, и цветовое решение, создающее настроение. Обратим внимание на то, что момент, когда дед Калина отправляется в дальний и невозвратный путь Л.М. Леонов изображает как осень в лесу и осень жизни старика, а для Н.П. Богданова-Бельского важен момент и прощального разговора, и воображаемый будущий мир мечтателя. Для писателя важно, что старик Калина Глухов и Иван уже без слов понимают друг друга, их связь сильнее того, что есть у других людей, их соединила сила леса и сила народной памяти и забота о кормильце-лесе в прямом и переносном смысле этого слова.

После исчезновения Калины никто не может вступить в борьбу за лес, кроме Ивана. «Один примиренно простался со всем, что принимал в свои руки другой» (Леонов, 1970, с. 53). Иван как наследник берет на себя ответственность за сохранность леса.

Но еще на один очень важный момент необходимо обратить внимание: писатель, создавая одушевленный мир деревьев как мир единый леса и народа, персонифицирует дерево, выделяет, например, мать-сосну из общей его массы. Мать-сосна в сцене, где к ней подступает купец Кнышев, дана крупным планом на фоне леса. Потому что, повторимся, такое изображение не может восприниматься как традиционный пейзаж, а осмысливается как портрет дерева на фоне других деревьев. Получается, что «дном картины» становится не просто пейзаж, а жанровая зарисовка с живыми характерами. Они подобны людям, у них есть судьба, и она трагична. Л.М. Леонову «видятся» сосны, с одной стороны, как «поддерживающие друг друга старики» (Леонов, 1970, с. 116), и большинство из них стояли, как гиганты, «могуче подпирая небеса, любое становилось маленьким у их подножья» (Леонов, 1970, с. 116), с другой стороны, «как мать, в своей древней красе, прямая, как луч, и без единого порока» (Леонов, 1970, с. 57). Когда же Кнышев начинает рубить сосну, она как «жертва на эшафоте» (Леонов, 1970, с. 54), но еще спокойно спит, «ничто пока не могло разбудить зимнюю дрему старухи» (Леонов, 1970, с. 54). Однако она не может избежать своей участи, когда над ней занесен топор, «кровка забрызгала (Леонов, 1970, с. 54), «и алая снежная пыль посыпалась» (Леонов, 1970, с. 54). В конце концов «с мерным выдохом ложились деревья» (Леонов, 1970, с. 54), жизнь ее оборвалась.

Портрет сосны, когда ее вырубают, как видим, это не пейзажная зарисовка, это битва матери-сосны с человеком, это единоборство человека и леса. И все вместе не однородный безликий дремучий лес, он состоит из живых деревьев. У каждого свой характер, своя судьба.

Заключение

Подводя итог исследованию, в котором рассматривается словесная живопись в романе Л.М. Леонова, следует отметить, что в стиле писателя многие узнаваемые в живописи приемы осуществлены с использованием ресурса

художественной словесности. При этом очевидно, что писатель обращается к традиции русской живописи, к опыту тех деятелей изобразительного искусства, стиль которых, как видим, был созвучен стилю его прозы и в частности, роману «Русский лес». Семантика названия многогранна, она соотносима с размышлениями М.В. Нестерова или И.И. Шишкина о той силе, которая сообщается народу, когда он живет в согласии с природой, в чистоте и заботе о безмолвных его защитниках. Прибегая к композициям, подобным тем, что узнаваемы в живописи близких по духу художников, или давая портреты детей на фоне леса, что выглядит как традиция, писатель создает широкое ассоциативное поле, визуализующее романное содержание. «Портрет на фоне» оказывается пограничным с жанровым полотном. Выделяя мать-сосну из общего «пейзажа», сравнивая ее с тем, кто оказывается на эшафоте, он поступает новаторски. Ставя своей целью в романе не только изобразить природу как красоту мира, но объяснить современникам преступность сиюминутного «прагматизма», показать единство, родство природы и человека, каждого дерева и каждого человека, он прибегает к постоянным сравнениям этих двух миров, их духовно-душевной и даже телесной взаимозависимости.

Художественно аргументированно он сделал это, прибегая к аллюзиям и экфрасисам полотен русских художников, воспользовался опытом живописной композиции в жанровых зарисовках, портретах, где фон воспринимается не в обычном житейском смысле этого слова, а является основой картины. Воссоздавая портреты старика и детей, парные портреты взрослых и даже сосны и белки, прозаик снимает жанровые ограничения живописи и способствует обоснованному объяснению главенствующих философских принципов взаимоотношения леса и русского человека, формируемых через многоаспектное использование словесных аналогов русской живописи.

Список литературы

- Аль Кайси А.Ю.С.* Женский портрет в прозе И.С. Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. пед. гос. ун-т., 2015.
- Болховитинов В.Н.* Талантлив на всю жизнь. К 80-летию писателя // Наука и жизнь. 1979. № 5. С. 44–48.
- Геллер Л.* Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе. Экфрасис в русской литературе: сборник трудов Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МиК, 2002. С. 18.
- Дмитриевская Л.Н.* Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З.Н. Гиппиус): монография. М.: Литера, 2005. 135 с.
- Дмитриевская Л.Н.* Словесная живопись в русской прозе XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Моск. пед. гос. ун-т., 2013.
- Дмитриевская Л.Н., Минералова И.Г.* «Сикстинская мадонна» в русской прозе // Художественная словесность: теория, методология исследования, история: монография. М. – Ярославль: Литера, 2018. С. 163–192.
- Дырдин А.А., Жукова Ю.В.* Аллюзивно-экфрастический роман Л. Леонова «Русский лес» // Проблема исторической поэтики. 2018. № 3. С. 174–199.
- Жукова Ю.В.* Тенденция «спрятанного холста» в литературе (экфрасис в творчестве Л.М. Леонова // Филологический класс. 2018. № 2. С. 165–171. <http://doi.org/10.26710/fk18-02-27>

- Леонов Л.М.* Русский лес. М.: Советский писатель, 1970, 464 с.
- Леонова Н.Н.* Вместе с Россией // Наука и жизнь. 1999. № 12. С.34–42.
- Минералов Ю.И.* Поэтика. Стиль. Техника. М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2002. 174 с.
- Минералов Ю.И.* Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность). М.: Владос, 1999. 357 с.
- Прилепин Е.Н. (Захар Прилепин).* Подельник эпохи. Леонид Леонов. М.: АСТ, 2012. 402 с.
- Сакулин П.Н.* Русская литература: в 2 частях. Часть 1. Литературная старина (под знаком византийской культуры). М.: Юрайт, 2023. 189 с.
- Титова Ю.В.* Музыкальные и живописные образы в творчестве Л.М. Леонова // Вестник УлГТУ. 2014. № 1. С. 31–35.
- У Чуньмэй.* Портрет в рассказах и повестях Л.Н. Андреева: монография / под ред. И.Г. Минераловой. М. – Ярославль, 2006. 128 с.
- Уртминцева М.Г.* Экфрасис: научная проблема и методика ее исследования. Литературоведение. Межкультурная коммуникация // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 975–977.

Сведения об авторах:

Ши Лина, аспирант, кафедра русской литературы XX–XXI веков, Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. E-mail: 1214596318@qq.com

Минералова Ирина Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. ORCID: 0000-0002-3836-1368. E-mail: ig.mineralova@mpgu.su

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-663-670

EDN: RKILFP

УДК 82-1/29

Научная статья / Research article

Жанр баллады и его трансформация в песне А. Галича «Королева материка»

А.В. Марков , М.М. Голубков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1*

 maralexmsu@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – проследить функционирование баллады как синтетического жанра в песенной поэзии А. Галича. Использовались сравнительно-исторический, герменевтический методы, а также подходы, разработанные для изучения синтетического текста. Установлено, что повествовательные стратегии характерны для звучащей поэзии именно в сочетании с лиризмом переживаний героя песенного текста, что обуславливает продуктивность балладной формы. Показано, что А. Галич в тексте «Королева материка» опирается именно на романтическую поэтическую традицию, однако привносит и реалистические элементы, что в целом соответствует тенденциям развития и трансформации жанра, наметившимся еще в XIX в. Двойная мотивировка фантастического, не характерная для традиционной баллады, отсылает к аналогичному приему в магической прозе. Нарушаются и другие законы жанра: мистическое лишается конкретизации, текст имеет явные публицистические черты, лексика варьируется от возвышенной до резко сниженной, бытовой уровень повествования контрастирует с метафизическим слоем рассуждений. Сделан вывод, что реалистическая составляющая формирует эпическое содержание баллады, в то время как романтическая, связанная с иррациональным, выводит размышления А. Галича на онтологический уровень и сообщает произведению подчеркнутый лиризм.

Ключевые слова: песенная поэзия, лирический герой, романтизм, реализм, синтез, традиция, мотив

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 4 августа 2023 г.; отрецензирована 11 сентября 2023 г.; принята к публикации 2 октября 2023 г.

Для цитирования: *Марков А.В., Голубков М.М. Жанр баллады и его трансформация в песне А. Галича «Королева материка» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 663–670. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-663-670>*

© Марков А.В., Голубков М.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The ballad genre and its transformation in A. Galich's song "Queen of the Mainland"

Aleksandr V. Markov , Mikhail M. Golubkov

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

 maralexmsu@gmail.com

Abstract. The research aims to trace the functioning of the ballad as a polycode genre in the song poetry of A. Galich. Comparative historical and hermeneutic methods were used, as well as approaches developed to study polycode text. The results show that narrative strategies are typical of resonant poetry precisely in combination with deeply personal experience of the main character of the song lyrics. This determines the productivity of the ballad form. It is shown that in the lyrics of "The Queen of the Mainland" A. Galich relies precisely on the romantic poetic tradition. However, he also introduces realistic elements, which generally correspond to the trends in the development and transformation of the genre that emerged in the 19th century. The double motivation of the fantastic, which is not typical of the traditional ballad, refers to a similar technique in magical prose. Other laws of the genre are also violated: the mystical is deprived of concretization, the text has obvious didactic features, the vocabulary varies from sublime to sharply reduced, and the everyday level of narration contrasts with the metaphysical layer of reasoning. It is concluded that the realistic component forms the epic content of the ballad, while the romantic component, associated with the irrational, brings A. Galich thoughts to the ontological level and gives the work an underlined lyricism.

Keywords: song poetry, lyrical hero, romanticism, realism, synthesis, tradition, motive

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 4, 2023; revised September 11, 2023; accepted October 2, 2023.

For citation: Markov, A.V., & Golubkov, M.M. (2023). The ballad genre and its transformation in A. Galich's song "Queen of the Mainland". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 663–670. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-663-670>

Введение

Исследования звучащей поэзии и, в частности, поэзии песенной в настоящее время становятся одним из важных направлений филологической и междисциплинарной мысли. В то же время интерпретация авторского текста осложнена особенностями синтетического текста, в котором, к примеру, В.А. Гавриков предполагает наличие значительного количества субтекстов, влияющих на смыслопорождение (Гавриков, 2021). Те же выводы звучат и в статьях исследователей, обративших внимание на не песенную звучащую поэзию, так, например, О.И. Валентинова отмечает «масштаб несовпадения „графического текста“ с „текстом акустическим“, воспроизводимым голосом автора» (Валентинова, 2012, с. 24). В ситуации, когда самими исследователями ощущается шаткость подходов к изучению синтетического текста современной поэзии, предназначенного для звукового бытования и органично существующего лишь в таком варианте, важным представляется обратить внимание на константы, сообщенные этому тексту классической, письменной

поэтической традицией. Исследование генетических связей позволяет осмыслить феномен звучащей поэзии как очередной и естественный этап бытования поэтического слова, принципиально новым в котором является зачастую авторская подача, самоинтерпретация, однако константой остается литературоцентричность, стремление вступить в диалог с предшествующими формами. Вопрос о функционировании традиционных жанров, их трансформации и реактуализации – один из ключевых в исследовании генезиса современной звучащей поэзии.

Обсуждение

Под термином «баллада» в разные времена, на разных историко-литературных этапах подразумевались разительно отличающиеся друг от друга явления. В цели исследования не входит выяснение происхождения этих явлений на ранних этапах, однако отметим, что как фольклорный жанр баллада подразумевала именно устное, песенное бытование, что реактуализуется в современной синтетической поэзии. Способствует этому процессу и очевидный для исследователей (В.М. Жирмунский, Г.Н. Пospelов и др.) лиро-эпический характер, свойственный как народной, так и литературной балладе, происхождение которой, впрочем, также возводится к фольклору. В соединении двух родов заключается значимый потенциал рассматриваемого жанра, так как звучащая поэзия ориентируется на синтез, в том числе и жанровый.

Литературная баллада в поэтической практике XVIII–XIX вв. связана, прежде всего, с поэтикой романтизма. Сюжетобразующим элементом в такой балладе становится фантастическое, иногда его могут заменить иррациональные переживания героев; таким образом, на уровне структуры балладного текста соединяются лирические и эпические начала. Когда на первый план в литературе выходит реалистический метод, баллада обращается к своим национальным основам, однако элементы романтизма присутствуют в ней неизменно. В начале XX в. границы жанра становятся более расплывчатыми, появляются сюжетные поэтические тексты со сниженной или отсутствующей лирической составляющей. В середине века как особый подвид возникает жанр советской баллады, сочетающий рассказ о подвиге с лирически-воодушевленной авторской оценкой.

В бардовской песне жанр баллады занимает особое место. Автор статьи «Жанр баллады в творчестве А. Галича» говорит, что именно в творчестве Галича жанр народной баллады трансформируется в «литературно-романтический», выделяя такие особенности, как небольшой временной промежуток, «образную прямолинейность», «многозначное толкование актуальной проблемы» (Федяй, 2022, с. 202). Вводя понятие «советской баллады», автор акцентирует внимание на ее специфике: это реалистическая направленность, сюжет традиционно описывает «героический подвиг <...> в условиях смертельной опасности». «Нарочитый отказ от героического пафоса» при этом обусловлен, по мнению автора статьи, установкой Галича на полемику с общепринятыми литературными нормами. Кроме того, совершенно справедливым видится замечание о том, что использование жанрового определения в названии играет решающую роль в «разграничении формы и содержания», а также при-

звано настроить реципиента на восприятие «ролевого характера» произведения. Если в балладе метрополии воспеваемое пространство сочетается с героическим действием, идеологической выверенностью и патриотизмом, то помещенный в тот же хронотоп герой Галича «в таких же условиях может существовать только как обыватель», что создает эффект пародийности, деконструируя жанр советской баллады, «доводя его до логического конца».

Между тем в творчестве Галича выделяется ряд песенных текстов, обозначенных как баллада, в которых тот самый эффект пародийности сведен к минимуму или вовсе отсутствует. Это, помимо рассматриваемой в данной работе «Королевы материка», «Баллада о Вечном огне», которая написана, вероятно, в диалоге с есенинской «Балладе о 26», и отчасти «Баллада о переселении душ». В то же время порой исследователи сужают круг текстов, на которые опирается автор; так, В.Я. Малкина говорит о том, «что в поисках не следует уходить далеко в глубь веков, поскольку, скорее всего, Галич использует это слово, отталкиваясь от самого близкого ему во времени и пространстве контекста – советской баллады» (Малкина, 2008, с. 106). Данное высказывание исследователя не исчерпывает авторской интенции: на одной из аудиозаписей «Королевы материка» Галич предпосылает исполнению рассматриваемой баллады комментарий, из которого мы узнаем об ориентации на романтическую традицию и, в частности, творчество Жуковского. Помимо этого, указывается, что текст был написан в бреду: «я помирал в городе Ленинграде, мне занесли тяжелейшую инфекцию...». Оба авторских высказывания важны в контексте данной работы.

Баллада «Королева материка» (1971) состоит из пяти частей: четырех глав и заключения. Первая часть написана в жанре колыбельной: автор описывает спящих эков и вохровцев. В последней строфе появляется главная героиня баллады – Белая Вошь, «королева материка»¹. Во второй главе это потустороннее существо мифологизируется, его «всевластье» возводится в абсолют, а оксюморонно единое сообщество охранников и охраняемых участвует в ритуальном самосожжении своей Королевы. История воцарения Белой Вши, излагаемая в третьей главе, возводится к «лихому» 1937 г. и связывается с романтическим мезальянсом между сгинувшим в результате таких отношений конвойным и самой Королевой. Еще одной жертвой мистической сущности становится «начальничек из Москвы», который предпринимает безуспешные попытки победить паразита, но заканчивает свою жизнь в петле из белых вшей – эта история излагается в четвертой главе. В заключении поэт снова выводит рассуждения о Королеве на метафизический, вневременной уровень, однако вновь в связке с рассуждениями об ужасах лагерной жизни.

Как это часто встречается в песнях автора, лексическое наполнение строится на приеме смешения грубой разговорной речи и возвышенно-патетических оборотов. Извращенность, уродливость существования в условиях Дальлага воплощена в языке баллады. Источником прозаизма становится мир реальный, в котором дежурный надзиратель «свистит и дробит» на вышке (но де-

¹ Здесь и далее текст баллады цитируется по: *Галич А.А. Сочинения: в 2 томах. Том 1. Стихотворения и поэмы / сост. А. Петраков, худож. В. Крючков. М.: Локид, 1999. 527 с.*

лает он это «на Марс», что иронично переводит нас в более отвлеченные сферы, в которых витает «по младости лет» вохровец), вохровцы и зэки (привычное для поэзии Галича оксюморонное сочетание, использовавшееся, к примеру, в «Поэме о Сталине»: «Все стоим ревя ревом – / И вохровцы, и зэки» (Галич, 1999, с. 110)) мочатся рядом в костер из «тачек и нар» (но в мистическом пласте баллады этот костер – ритуальный). Столкновение «высокого» и «низкого», разведенное до пределов романтического двоимирия реализовано уже в центральном образе Белой Вши. Вошь – существо неприятное, доставляющее массу неудобств людям, главным образом солдатам и зэкам, то есть тем, кто живет в условиях, где не получается соблюдать должным образом гигиену. Появление этого насекомого в поэтическом произведении уже само по себе призвано говорить о его реалистической направленности, но здесь Галич выходит далеко за рамки реализма, возводя Вошь на трон «Королевы материка», придавая ей онтологическое звучание и метафизический смысл.

Согласно автору, это существо просыпается, когда «до подъема часа полтора» – во время утренних сумерек, когда, согласно поверьям, приоткрывается дверь в иные миры. Предвестником пробуждения Вши становится проплывающая «во мгле тоска», таким образом становится ясна inferнальная сущность «повелительницы зэка». Мифологизация образа достигает пика во второй главе, где описывается конец лагерных времен («...кончились все срока / И не капает новый срок»). Материалом для ритуального костра становятся тачки и нары, и эта конкретизация не случайна: нары, с одной стороны – место отдыха, сна для зэка, который проводит «на нарах» все время, не предназначенное для работы, с другой – именно они являются источником и распространителем паразитов, в том числе и вшей; тачка же – символ тяжелой работы и последние нары для уже мертвого зэка, на которых его отвозят к месту бесславного захоронения. Вокруг костра, как уже было сказано, встают вохровцы и зэки и мочатся в него за себя и за тех, кто не дожил до этого часа (конец лагерной жизни содержит здесь аллюзию на конец времен вообще). В привычном столкновении возвышенного и прозаичного автор приводит сравнение «О, как они ссали б, закрыв глаза, – / Как горлица воду пьет».

Исследователи связывают такую профанацию ритуала с карнавализацией действия: «карнавальное кощунство и богохульство» видит в этом, например, О.В. Карпушина в статье «На перепутье жанров» (Карпушина, 2009, с. 104). Появлению Белой Вши здесь предшествует оксюморонное «пропоет неслышно труба», после чего героиня баллады, как пророчествует автор, сама «войдет в огонь». Костер тоже имеет карнавальным элемент; так, Бахтин описывает «особое сооружение (обычно повозка со всевозможным карнавальным барахлом), называвшееся «адам», в конце карнавала этот «ад» торжественно сжигался» (Бахтин, 1979, с. 145). Карнавальность здесь выступает в роли профанирующего мистическое, но может быть интерпретирована и как средство выживания, спасения от напряжения, спровоцированного иррациональным, животным страхом. За ритуальным самосожжением Королевы следуют мистические события: сноп искр, взметнувшийся к небу, образует в космосе «Вшивый Путь», в виде креста протянувшийся над Млечным Путем. Проти-

вопоставление Млечного пути «Вшивому» соответствует в поэтике Галича контрасту божьего мира и ада, сотворенного человеком.

Глава о ритуальном самосожжении Королевы материка коррелирует с заключением, образывая онтологический, вневременной пласт содержания. В нем автор снова обращается к гипотетическому концу времен, он говорит, что все, выжившие и мертвые, пройдут в параде в честь Белой Вши. Галич говорит, что историю нельзя исказить: «Ковыряют историю этак и так...», «Но мы-то знаем...» – эта риторическая фигура несколько раз повторяется, свидетельствуя о реальности жестокой правды. Он говорит об иллюзорности власти больших и малых начальников: «...сумеет любой дурак – / Палить в безоружных всласть! / Но мы-то знаем, какая власть / Была и взаправду – власть!». Вши приписывается эта власть неслучайно, у этого оборота имеется и реальное обоснование: замученный паразитами человек не способен думать ни о чем другом. Инфернальное происхождение этой сущности раскрывается в полной мере в финальной строфе баллады, где автор заявляет, что царство Белой Вши будет продолжаться, пока «не кончились страх и ложь».

Текст баллады, несмотря на его мистическое содержание, наполнен отсылками к реальной жизни страны. Помимо «лихого» 1937 г., упоминается «Гудзонов пролив» – место территориального спора между СССР и США (он «спит еще мирно», то есть ожидаемая война ядерных сверхдержав и последующий за ней конец времен еще не начались), борьба со вшами «прожаркой», практиковавшаяся в годы ВОВ и ранее, в том числе и в лагерях; вспоминаются и внутрипартийные «чистки»: «А потом на конвойных пошел падеж: / То им пуля, а то – срока». Очевидны и прямые аллюзии: «Королева материка» вступает в диалог с произведением Солженицына, тоже использовавшим географический термин в названии «Архипелаг ГУЛАГ». Вошь Галича в этом сопоставлении обретает даже больший масштаб, повсеместно распространяя свою власть.

Автометапаратекст – авторский комментарий, включенный в контекст произведения и рассматривающийся исследователями синтетического текста в качестве одного из субтекстов – сообщает об ориентации автора на баллады Жуковского при создании «Королевы материка». Отметим, что, сохраняя некоторые установки романтизма, такие как поэтика «ужасного», романтическое двоимирие, Галич нарушает другие, не сообщая, к примеру, мистическому конкретным черт, а наоборот, представляя его в качестве аллегорического сосредоточения и воплощения отвратительных человеческих качеств. Используя традиционные романтические мотивы, такие как мотив смерти, мистичности, тайны, Галич трансформирует жанр баллады, нарушая его собственным присутствием в оценочных суждениях, разбавляя авторской иронией и разговорной лексикой повествование о «страшном». Вторжение фантастического, вызывающего мистические, иррациональные переживания, на фоне сугубо реалистических элементов, тяготеющих к натурализму и далее – к эстетике «грязного реализма», выглядит вполне обоснованным и потому еще более соответствует поэтике «ужасного».

Замечание автора о том, что текст баллады написан в бреде, дает паратекстовую мотивировку описанных событий. В состоянии измененного сознания Галич создает сюрреалистическую квинтэссенцию зла, которое творят

люди. К приему двойной – фантастической и реалистической – мотивировки прибегали и писатели-прозаики, обращавшиеся к магической прозе. Так, в рассказе А. Грина «Крысолов» происходящее может объясняться как мистически, так и внутренним состоянием героя, который болен тифом. Автор дополняет свой рассказ описанием аффектов, галлюцинаций и других симптомов, используя художественный опыт углубленного психологического анализа, что дает двойственную мотивацию сюжета. К тому же, как и его герой, сам А. Грин тоже переболел тифом, и такие эффекты были ему знакомы на собственном опыте. Параллели между балладой Галича и рассказом Грина лежат не только в способе мотивировки сюжета. Антиэстетичный образ крысы у Грина коррелирует с вошью Галича, при этом обоим существам приписывается мистическая власть над человеком. Эти существа материализуются в художественных мирах благодаря самым низменным человеческим чертам: и крысы Грина, и «Белая Вошь» Галича – это не самостоятельно и по своей воле появившиеся мистические существа, их воплощение обусловлено поведением людей, их ложью и страхом.

Заключение

Лиро-эпический характер баллады оказывается продуктивен в песенной поэзии, в частности у Галича. Трансформации, которые происходят с жанром в творческом переосмыслении барда, оказываются обусловлены как историко-культурными условиями его бытования, так и индивидуальной творческой стратегией. Так, традиция Жуковского остается важной для создания центрального образа, а советская баллада играет роль объекта деконструкции. Законы жанра становятся подвижными: мистическая фигура оказывается лишена конкретно-телесного воплощения, но ужас перед лицом неизвестного от этого лишь усиливается, приобретая онтологические черты. Поэтика ужасного, романтического двоимирия в балладе Галича соседствуют с прозаизмами, элементами грубой разговорной речи, лексики, отражающей реалии лагерной жизни. В авторской стратегии мы видим наметившийся еще в XIX в. синтез романтического и реалистического начал, которые присутствуют в тексте баллады в максимальных своих выражениях. Финал баллады показывает отступление от романтической традиции и сообщает произведению публицистический пафос: на трон Королеву материка приводят отнюдь не большие начальники и не самолично тиран: страх и ложь присущи как раз жертвам, именно они оказываются виновны в том, что с ними происходит, их малодушие и лживость становятся источником репрессий.

Список литературы

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 318 с.
- Валентинова О.И. О «филологической герменевтике»: опыт интерпретации текстов, и не только // Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 3. С. 23–26.
- Гавриков В.А. Песенная поэзия vs печатная поэзия. М.: Директ-Медиа, 2021. 388 с.
- Галич А.А. Сочинения: в 2 томах. Том 1. Стихотворения и поэмы / сост. А. Петраков, худож. В. Крючков. М.: Локид, 1999. 527 с.

- Зиунов А.В.* Системный и индивидуальный кризис в авторской песне на примере творчества М. Анчарова и А. Галича // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 1 (72). С. 24–33. <http://doi.org/10.26456/vtfilol/2022.1.024>
- Зиунов А.В., Валганов С.В.* Графическая интерпретация семантического ритма «частное – всеобщее» в текстах авторской песни // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 2. С. 35–38. <http://doi.org/10.5281/zenodo.5043584>
- Карпушина О.В.* На перепутье жанров. Жанровый монтаж Галича // Галич: новые статьи и материалы / сост. А.Е. Крылов. М.: Булат, 2009. Вып. 3. С. 100–114.
- Кононова Н.В.* А.С. Пушкин в художественном сознании Александра Галича // Парадигма. 2016. № 24. С. 125–138.
- Малкина В.Я.* Жанр баллады в творчестве А. Галича (постановка проблемы) // Новый филологический вестник. 2008. № 2 (7). С. 104–108.
- Федяй С.В.* Жанр баллады в творчестве А. Галича // Ашмаринские чтения: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 21 октября 2022 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2022. С. 201–203.
- Флоря А.В., Уметбаева Е.Ю.* Общая характеристика идиостиля А.А. Галича // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. № 6. С. 23–27.
- Nakhimovsky A.S.* Russian-Jewish literature and identity: Jabotinsky, Babel, Grossman, Galich, Roziner, Markish. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992. 272 p.
- Stern R., Tismaneanu V.* Communism and culture. Springer Nature Switzerland AG, 2022. 216 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-82650-5>

Сведения об авторах:

Марков Александр Владимирович, аспирант, кафедра новейшей русской литературы и современного литературного процесса, филологический факультет; ассистент, кафедра гуманитарных дисциплин, специализированный учебно-научный центр (факультет) – школа-интернат имени А.Н. Колмогорова, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0009-0006-3536-0489. E-mail: maralexmsu@gmail.com

Голубков Михаил Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей русской литературы и современного литературного процесса, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: m.golubkov@list.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-671-678

EDN: ROBIMJ

УДК 82-312.2:82-141

Научная статья / Research article

Функции буддийских практик в творчестве Л.А. Юзефовича

Л.В. Дубаков

*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь,
Китайская Народная Республика, 518172, Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1*
✉ dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности и функции обращения Л.А. Юзефовича к буддийским религиозным практикам в книге «Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил», романе «Князь ветра», рассказе «Убийца» и стихотворении «Бурхан». Указанная тема ранее не попадала в центр внимания отечественного литературоведения, что обуславливает научную новизну данного исследования. Осмысляются буддийские практики в творчестве Юзефовича в рамках концепции «буддийского текста» современной литературы. Результаты показали, что писатель использует практику визуализации докшита, или буддийского защитника, появляющуюся в сюжете, как один из способов характеристики персонажей, внешне совпадающих с пугающим божеством, но внутренне расходящихся с ним с точки зрения мотивации. Буддийская медитация на нечистое выявляет проблему противоположности творческой и религиозной интенций: герой романа «Князь ветра» выбирает путь аскезы, закрывая для себя возможность литературного созидания, так как по своей сути оно умножает сансарические образы. Медитация, связанная с фигурой бодхисаттвы сострадания, позволяет писателю обозначить в произведениях трансцендентную реальность, просветляющую пейзаж и преображающую страдающий мир, вносящую гармонию в сюжет жизненной трагедии и катастрофы.

Ключевые слова: буддизм, религия, религиозные практики, медитация, визуализация, пустотность, характеристика персонажа, сюжет, пейзаж

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15 июня 2023 г.; отрецензирована 2 сентября 2023 г.; принята к публикации 1 октября 2023 г.

Для цитирования: Дубаков Л.В. Функции буддийских практик в творчестве Л.А. Юзефовича // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 671–678. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-671-678>

© Дубаков Л.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The functions of Buddhist practices in the works of L. Yuzefovich

Leonid V. Dubakov

*Shenzhen MSU-BIT University,
1 International University Park Road, Shenzhen, 518172, People's Republic of China*

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. The aim of the research is to analyze the features and functions of L. Yuzefovich's appeal to Buddhist religious practices in the book "The Autocrat of the Desert. Baron R.F. Ungern-Sternberg and the World in Which he Lived", the novel "Prince of the Wind", the story "The Murderer" and the poem "Burkhan". This topic has not previously been in the spotlight of Russian literary criticism, which determines the scientific novelty of this study. The Buddhist practices in the works of Yuzefovich within the framework of the concept of the "Buddhist text" of modern literature are comprehended. The results showed that the writer uses the practice of visualizing a dokshit, or Buddhist protector, appearing in the plot as one of the ways to characterize characters who outwardly coincide with the frightening deity, but internally diverge from him in terms of motivation. Buddhist meditation on impurity reveals in Yuzefovich the problem of the opposition of creative and religious intentions: the hero of the novel "Prince of the Wind" chooses the path of asceticism, closing for himself the possibility of literary creation, which inherently multiplies samsaric images. Meditation associated with the figure of the Bodhisattva of compassion allows the writer to designate in his works a transcendent reality that enlightens the landscape and transforms the suffering world, bringing harmony to the plot of life's tragedy and catastrophe.

Keywords: Buddhism, religion, religious practices, meditation, visualization, emptiness, characterization, plot, landscape

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 15, 2023; revised September 2, 2023; accepted October 1, 2023.

For citation: Dubakov, L.V. (2023). The functions of Buddhist practices in the works of L. Yuzefovich. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 671–678. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-671-678>

Введение

Современная русская литература, как и литература прошлого века, проявляет активный интерес к буддийским образам, идеям, практикам. Литературоведение анализирует присутствие буддизма в художественных произведениях в рамках концепции «буддийского текста», генетически восходящего к «петербургскому тексту» В.Н. Топорова (Топоров, 1995). Так, в частности, «буддийский текст» осмысливается как часть ориентального дискурса русской литературы в монографии Р.Ф. Бекметова (Бекметов, 2019).

Л.А. Юзефович не раз в своем творчестве обращался к буддизму (Furman, 2018; Gordon, 2018; Ишимбаева, 2013; Дубаков. Буддийские аспекты..., 2022; Дубаков. Концепции буддийской пустотности..., 2022; Дубаков. Человек как буддийская мнимость..., 2022). О буддийских составляющих образа Р.Ф. Унгерна фон Штернберга он писал в повести «Песчаные всадники» и книге «Само-

держец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил». Буддийские мотивы можно увидеть в его романах «Князь ветра», «Журавли и карлики», в его рассказах, стихотворениях. Особое место в прозе Юзефовича занимают буддийские практики, то есть «совокупность интерпретаций и действий, совершаемых людьми в связи с их верованиями, их религиозным опытом и/или их взаимодействием с религиозными институтами» (Религиозные практики..., 2006). В случае с названным писателем речь идет прежде всего о молитвенных, медитативных практиках и практиках, основанных на визуализации.

Обсуждение

Практика визуализации буддийского защитника и характеристика персонажа

В романе «Князь ветра» в связи с расследованием Путилина и с богословской дискуссией профессора Довгайло и писателя Каменского о природе докшитов, или Защитников буддийского Учения, вначале появляется цитата из мемуаров Каменского-старшего «Русский дипломат в стране золотых будд», в которой описывается визуализация докшита Джамсарана, а в конце книги ламы после взятия крепости Барс-хото молятся Джамсарану, воплотившемуся в Джамби-гелуне и победившему врагов буддизма: «Ужасный, пламенеющий, как огонь при конце мира...» (Юзефович, 2001, с. 253). Образ Джамби-гелуна восходит к Джа-ламе, одному из реальных деятелей монгольского национального возрождения и человеку неоднозначной, авантюрной судьбы, а оба этих фрагмента – к книге А.М. Позднеева «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу» (Позднеев, 1993, с. 329–337).

Далее в «Князе ветра» воспроизводится искаженный Джамби-гелуном фрагмент буддийской мистерии Цам, в которой символически воспроизводится битва между божественными и демоническими силами (Жигмитова, 2017, с. 135–140). Джамби-гелун буквализирует и оскверняет эту мистерию, совершая вместо нее кровавый обряд: «Несчастный бился в агонии, но был еще жив, когда Джамби-гелун нанес последний, одиннадцатый удар: левой рукой он наотмашь распластал ему подреберье, а правую, предварительно отшвырнув нож, засунул в рану, вырвал оттуда кровавый дымящийся ком конвульсирующего сердца и высоко поднял его над собой, показывая беснующейся толпе» (Юзефович, 2001, с. 255). (Так описывается лама, исполняющий роль докшита Чжамсарана в мистерии Цам, у А.М. Позднеева: «Чжамсаран <...> коронован пятью человеческими черепами, но помимо сего над каждым черепом его короны водружен еще значок в виде знамени; в одной руке он держит пламенеющий меч, в другой сердце, облитое кровью» (Позднеев, 1993, с. 401).) Ранее Солодовников, один из персонажей «Князя ветра», отмечает, что «Джамби-гелун съел вырванное у пленного офицера еще трепещущее сердце. Очевидно, в приступе религиозного экстаза он вообразил себя Махагалой или Чжамсараном» (Юзефович, 2001, с. 233). Джамби-гелун таким образом «расчеловечил» не только «оскверняющих монастыри гаминов» (Юзефович, 2001, с. 233), но и самого себя.

Связанная с Чжамсараном практика, ее образы и мотивации упомянутых иерархий проецируются в книгах Юзефовича на внешний вид, поступки, отношение к людям, к самим себе, наконец, на судьбу Дхамби-гелуна (Джаламы) и барона Унгерна и их соратников в целом. При этом нужно отметить, что буддизм, даже с поправкой на средневековые национальные наслоения, воспринимает страшные образы этой практики символически, имея в виду борьбу с человеческими страстями. Но оба героя Юзефовича – и Дхамби-гелун, и барон Унгерн – предпочитают понимать их буквально и относить пафос этой практики не на свой счет, а на счет других.

**Буддийские медитации:
проблематика произведения, пейзажные образы**

Этот же прием, когда буддийские иерархии и образы практик, им посвященных, отражаются в сюжете, можно увидеть в рассказе-«свидетельстве» «Убийца», связанном с историей барона Унгерна (Jankowski, 2011, с. 19). Повествователь рассказывает о статуэтке бодхисаттвы сострадания, или по-китайски – Гуань Инь (о том, что этот образ является ключевым в развитии и интерпретации сюжета произведения, говорит Г.В. Токарев (Токарев, 2018, с. 191–192)), которая находится у него дома, и о медитации для установления связи с этим бодхисаттвой: «В абсолютной пустоте мира следовало представить сине-черное небо, на нем – молочно-белую луну, окруженную мягким сиянием, а когда луна станет похожей на большую жемчужину, прозреть в ней богиню сострадания. Обращаться к ней надо не раньше, чем можно будет различить слезы счастья, выступающие у нее на глазах при возможности помочь чьей-то беде» (Юзефович, 2018, с. 116). В конце рассказа образы этой медитации обозначатся в судьбе персонажей и проявятся в пейзаже, который увидят за окном поезда унгерновский офицер и спасенная им еврейская девушка, а также сам повествователь: «Небо за окном темнеет и на границе ночи становится черно-синим. Молочно-белая луна окружена мягким сиянием. Они не знают, что, если долго не отрывать от нее глаз, она превратится в жемчужину, жемчужина – в богиню милосердия. Тогда остается всего ничего – различить слезы счастья у нее на глазах и воззвать к ней о помощи»; «За спиной обжившейся на этом окне Гуань Инь, за двумя ее припудренными ржавчиной, вписанными один в другой фестончатыми нимбами расстились сотворенные из той же субстанции крыши. Над ними стоял потусторонний свет белой ночи» (Юзефович, 2018, с. 135). Действительно, бодхисаттва сострадания, как это описано, например, в «Краткой практике Ченрези», или «Дроден Какхьябма», Тангтонга Гьялпо, появляется «На белом лотосе и лунном диске», и «Внешняя среда чистой землей Девачен («Исполненной блаженства»)), а «Тело, речь и ум существ внутри [этой среды]»¹ становятся Ее телом, речью и умом. В этой связи двусмысленно в рассказе звучит слово «субстанция», которое то ли имеет отношение к материалу, из которого изготовлена статуэтка, – железо, то ли речь здесь идет о тончайшей и трансцендентной природе реальности: «Видимости, звуки и состояния ума стано-

¹ *Тангтонг Гьялпо*. Краткая практика Ченрези, или Дроден Какхьябма. URL: https://dharmaarakshita.org/2014/05/10/droden_kachabma/ (дата обращения: 20.06.2023).

вятся нераздельны с пустотностью»². Финал «Убийцы» трагичен: несмотря на взаимное сострадание, герои рассказа не сумели преодолеть свое прошлое, но повествователь покрывает эту трагедию образом неземного покоя, который рождается из созерцания бодхисатвы Гуань Инь и дает надежду на возможность высоких человеческих поступков.

Фрагменты буддийской медитации можно увидеть также в стихотворении Юзефовича «Бурхан». Герой стихотворения смотрит на буддийское божество и видит «его лучи // сквозь свое, склоненное к раме / и двоящееся в полумгле / с четырьмя пустыми глазами / отраженье в грязном стекле» (Юзефович, 2016). Глядя на божество, герой проникается Его сущью, в какой-то степени сам становится Им. И эпитет «пустые» прочитывается здесь с точки зрения буддийской теории пустотности, а «отраженье в грязном стекле» – как намек на буддийскую теорию сансары. Оптическое раздвоение героя может быть интерпретировано и как намек на концепцию буддийской иллюзорности, и как отражение образа самого бурхана. Вероятно, речь идет, как и в рассказе «Убийца», о бодхисатве Гуань-Инь, или Авалокитешваре. Одной из распространенных Его форм является четырехрукая – Шадакшара Локешвара. Этот бодхисаттва восседает на лунном диске (Неаполитанский, Матвеев, 2007, с. 17). Отсюда, возможно, строки: «Тяжело ты, лунное иго – / свет, сошедший с его руки» (Юзефович, 2016). Как говорится в «Краткой практике Ченреси», или «Дроден Какхьябма», Тангтонга Гьялпо, «Из тела Благородного исходят лучи света, / Очищающие нечистые действия и видимости и помраченные состояния ума»³. В это буддийское истолкование укладывается и финальная строка о саде «в четыре сотки», над которым «возле бога кружит октябрь» (Юзефович, 2016), так как четыре – одно из священных чисел буддизма, равно как и восемь, упоминаемое в начале стихотворения.

Прием интегрированности буддийской практики в пейзажные образы есть и в романе «Князь ветра», где в пассаже, прерывающем песню монгольского певца, появляются духи, творящие практику, похожую на Тонглен, практику обмена, которая основана на вдыхании визуализированного дурного и выдыхании также визуализированного благого⁴. В данном случае, вероятно, речь идет о гандхарвах – промежуточных существах, притягивающихся к приятному либо неприятному запаху с целью воплощения («Другие отрасли направлены к запаху и месту. У родившихся от тепла и сырости место рождения в соответствии с кармой чистое или нечистое. Они идут туда через желание запаха» (Васубандху, 1980, с. 24)): «...добрые духи, те, что питаются благоуханием, быстро разогнали тучи <...>. Они вдыхали его через правую ноздрю и выдыхали через левую. Другие, утоляющие голод зловонием, собирались у столичных скотобоен, дубильных чанов и свалок, стаями кружили возле крошечных заводиков, где выделывают кожи или очищают бычьи кишки для сибирских колбасных фабрик. Они, наоборот, принимали пищу

² Тангтонг Гьялпо. Краткая практика Ченреси, или Дроден Какхьябма. URL: https://dharmaarakshita.org/2014/05/10/droden_kachabma/ (дата обращения: 20.06.2023).

³ Там же.

⁴ Буддийская практика Тонглен. URL: <https://www.kunpendedek.ru/library/buddhism/practics/tonglen/> (дата обращения: 20.06.2023).

через левую ноздрю, а испражнялись через правую» (Юзефович, 2001, с. 66). Эти духи, появившиеся вслед за дождем, оказываются в романе одним из образов, что символизируют собой грядущие глобальные перемены, которые придут в Монголию и Россию.

Отсылка к буддийской медитации на десять нечистот, среди которых в качестве объекта выделяется человеческий скелет, присутствует в воспоминаниях Каменского-младшего о его пребывании в Урге: «Черепка и кости никто не убирал, наткнуться на них можно было в полуверсте от центральных улиц. Некоторые скелеты казались мне женскими, тогда я подолгу созерцал эти жалкие остовы и даже, если поблизости никого не было, ворошил их палкой, дабы проникнуться сознанием тленности всего сущего во плоти» (Юзефович, 2001, с. 109). Суть этой медитации – в разотождествлении человека с собственным телом и в борьбе с чувственными привязанностями («В „Висуддхимагге“ (глава IV) объект медитации классифицирован в виде десятикратной загрязненности трупов, то есть: (1) вздутый труп <...> (10) скелет, демонстрирующий омерзительное состояние костей тела, благотворен для того, кто испытывает вожделения к красивым зубам. Таким образом грязное, соотнесенное с различными видами похотливости, будет осознано десятикратно» (Конзе, 2017, с. 68)). Этот отрывок поднимает в романе проблему творчества. И.С. Тургенев (персонаж «Князя ветра») демонстрирует отрывок Путилину, чтобы показать, что у Каменского был литературный талант. Повествователь замечает, что тот написан без помарок: «Очевидно, двигавшее им чувство оказалось настолько сильным и свежим, что подавило гложащую его, как червь неусыпаемый, заботу о стиле» (Юзефович, 2001, с. 109). В следующем абзаце, за этим сравнением появляются образ могильных червей и история с созерцанием скелетов, то есть возникает тема аскезы и смерти. А через абзац Каменский связывает литературу и сексуальное влечение, с которым он боролся и «мучительно сомневался» в своей «к нему пригодности, причем то и другое непостижимым образом сливалось воедино» (Юзефович, 2001, с. 110). Каменский оказался не способен создавать жизнь (у него нет детей) и литературу, художественные иллюзии (у него нет достойных текстов), поскольку неосознанно выбрал, по сути, иной путь – ухода от мира, анализа и самоанализа. В финале романа эта тема возникает вновь. На вопрос Сафронова о даровитости Каменского-младшего Путилин рассказывает историю из мемуаров Каменского старшего про то, что «В хорошем супе кишочки должны быть, извините, с говнецом» (Юзефович, 2001, с. 264). То, что отвергает буддийская медитация на десять нечистот, напротив, принимает литература.

Заключение

Буддийские практики в творчестве Л.А. Юзефовича присутствуют во многих его книгах – художественно-документальной прозе, романах и рассказах, стихотворениях. Практика визуализации буддийского Защитника, одной из иерархий, которая призвана к охранению Учения и тех, кто его исповедует, в романе «Князь ветра» и в книге «Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил» дает писателю возможность характе-

ристики персонажа: барон Унгерн и Джа-лама, подпадая под влияние аберрированных, не учитывающих религиозный символизм и мотивированных собственными страстями и амбициями представлений о буддизме, буквализируют и оскверняют ритуал сообщения с божеством и приносят в мир не знающее меры насилие. Упоминание о буддийской медитации на нечистое в связи с характеристикой одного из персонажей «Князя ветра» поднимает в романе проблему соотношения творческого и религиозного. Как и А.Л. Иванченко (Иванченко, 2007) и А.А. Макушинский (Макушинский, 2020), Юзефович демонстрирует противоположность буддийского пути и пути творчества. Образы и смыслы медитации на Гуань Инь проявляются в сюжете и пейзажной составляющей рассказа «Убийца» и стихотворении «Бурхан». Повествователь в рассказе и лирический герой в стихотворении настраиваются на бодхисаттву сострадания и, совпадая с его природой, обозначают контрастный, умиротворяющий трансцендентный мотив по отношению к мрачной земной реальности, описанной в тексте.

Список литературы

- Бекметов Р.Ф. Русская литература 1830–1860-х годов в зеркале восточных (буддийских и даосских) традиций: дис. ... д-ра филолог. наук. Казань, 2019. 411 с.
- Васубандху. Абхидхарма. Гл. III. Близкий к тексту перевод с тибетского на русский язык, подготовка тибетского текста, примечаний и таблиц Б.В. Семичова и Н.Г. Брянского. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. 259 с.
- Дубаков Л.В. Буддийские аспекты образа барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга в повести «Песчаные всадники» Л.А. Юзефовича // Вестник Томского государственного университета. № 483. С. 16–23. <http://doi.org/10.17223/15617793/483/2>
- Дубаков Л.В. Концепции буддийской пустотности и иллюзорности в романе Л.А. Юзефовича «Князь ветра» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32. № 5. С. 1085–1092. <http://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-5-1085-1092>
- Дубаков Л.В. Человек как буддийская мнимость в романе Л.А. Юзефовича «Журавли и карлики» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 669–676. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-669-676>
- Жигмитова А.А. Эволюция мистерии Цам в театрализованное действо // Вестник культуры и искусств. 2017. № 1 (49). С. 135–140.
- Иванченко А.Л. Освобождение Толстого: буддийские мотивы в жизни и творчестве Л.Н. Толстого // Международные яснополянские писательские встречи, 2003–2005. Тула: Ясная Поляна, 2007. С. 331–360.
- Ишимбаева Г.Г. Фаустовский сюжет в буддийской транскрипции («Князь ветра» Л. Юзефовича) // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. № 6. С. 147–149.
- Конзе Э. Буддийская медитация. М.: Беловодье, 2017. 160 с.
- Макушинский А.А. Предместья мысли. Философическая прогулка. М.: Эксмо, 2020. 320 с.
- Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Энциклопедия буддизма. СПб.: Институт метафизики, 2007. 928 с.
- Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
- Религиозные практики в современной России: сборник статей / под ред. К. Русселе, А. Агажанияна. М.: Новое издательство, 2006. 400 с.

- Токарев Г.В.* Семиотический аспект образности художественного текста // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 191–192.
- Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: избранное / В.Н. Топоров. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 259–367.
- Юзефович Л.А.* Князь ветра. М.: Вагриус, 2001. 272 с.
- Юзефович Л.А.* Мемуар // Знамя. 2016. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2016/6/memuar.html> (дата обращения: 20.06.2023).
- Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 588 с.
- Юзефович Л.А.* Убийца/Маяк на Хийумаа: рассказы. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 111–136.
- Furman E.* On Leonid Yuzefovich’s “Horsemen of the Sands” // LARB. Los Angeles Review of Books. 2018, August 30. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/two-mirrors-on-leonid-yuzefovichs-horsemen-of-the-sands/> (accessed: 20.06.2023).
- Gordon P.* “Horsemen of the Sands” by Leonid Yuzefovich // Asian Review of Books. 2018, October 21. URL: <https://asianreviewofbooks.com/content/horsemen-of-the-sands-by-leonid-yuzefovich/> (accessed: 20.06.2023).
- Jankowski A.* Из наблюдений над ретродетективом Леонида Юзефовича «Казароза» // Studia Rusycystyczne. Uniwersytetu Jana Kochanowskiego. 2011. Vol. 19. Pp. 11–21.

Сведения об авторе:

Дубаков Леонид Викторович, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китайская Народная Республика, 518172, Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1. ORCID: 0000-0003-1172-7435. E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

РЕЦЕПЦИЯ. КОМПАРАТИВИСТИКА
RECEPTION. COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-679-692

EDN: LPXJWH

УДК 82.01

Научная статья / Research article

**Рецепция «С того берега» А.И. Герцена в Китае:
проблемы и перспективы**

П. Цзи

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*
✉ 1209712742@QQ.com

Аннотация. Рассматривается история рецепции сборника эссе Герцена «С того берега» в Китае с начала XX в. по настоящее время. Цели исследования: 1) определить время, предпосылки и способ ранней рецепции «С того берега» в Китае; 2) проанализировать различные акценты и факторы, которые влияли на рецепцию этого произведения в Китае в разные периоды времени; 3) выявить проблемы, причины и перспективы процесса переосмысления герценовских идей китайской читательской публикой. Актуальность темы обусловлена необходимостью разъяснения особенностей восприятия творчества Герцена в Китае, особенно в контексте новых тенденций в китайско-русском межкультурном диалоге. Изучен процесс рецепции «С того берега» в Китае в аспекте перевода и в свете социокультурных трансформаций, происходивших в Китае с конца правления династии Цин до наших дней. Отмечено, что в истории герценоведения в Китае наблюдаются периоды неоднородного развития (с подъемами, падениями и даже забвением), что обусловлено как историческими изменениями в китайском обществе, так и международной обстановкой. Освещен важный для современного герценоведения круг вопросов: основы интереса китайских интеллектуалов к книге «С того берега» в начале XX в.; главные направления исследований китайских ученых об этом сборнике политических эссе; причины и последствия долгого забвения книги «С того берега» в китайской академической среде с конца 1960-х гг. до настоящего времени; предпосылки возвращения творчества Герцена в поле зрения китайских ученых в XXI в.; новые открытия герценоведов, обогатившие культуру Китая. Данная работа будет полезна для дальнейшего изучения механизмов китайско-русского литературного и культурного диалога, а также для понимания влияния русской классической литературы на китайскую.

Ключевые слова: межкультурная рецепция, герценоведение, публицистика, русско-китайская литературные связи

© Цзи П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности и финансирование. Работа выполнена при поддержке Национального фонда общественных наук Китая (21BZS141).

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 4 августа 2023 г.; отрецензирована 11 сентября 2023 г.; принята к публикации 2 октября 2023 г.

Для цитирования: *Цзи П.* Рецeпция «С того берега» А.И. Герцена в Китае: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 679–692. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-679-692>

Reception of Herzen’s “From the Other Shore” in China: problems and prospects

Panxin Ji

RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

✉ 1209712742@QQ.com

Abstract. The history of the reception of Herzen's collection of essays and dialogues “From the Other Shore” (“From Another Shore”) in China from the late 19th century to the present is considered. The objectives of this study are: 1) to identify the timing, background, and mode of the early reception of “From the Other Shore” in China; 2) to analyze the different emphases and factors for its reception in China at different times; 3) to explore the problems, reasons and perspectives in the process of its reception in China. The significance of the research topic lies in the necessity to elucidate the peculiarities of perception of Herzen's work in China, which is closely linked to emerging trends in the Sino-Russian intercivilizational dialogue. The process of reception of the book in China, focusing on translation and counting the socio-cultural transformations that have taken place in China from the end of the Qing Dynasty to the present day, is explored. The evolution of Herzenology (Herzen studies) in China has been characterized by rises and falls, and even the periods of oblivion. This was influenced by both historical changes in Chinese society and the international environment. An important range of issues for modern Herzen studies is highlighted: the basics of the interest of Chinese intellectuals to Herzen's book in the early 20th century; the main directions of Chinese scholars' research on this collection of political essays; the reasons for the prolonged neglect of the book by Chinese academics since the late 1960s; the prerequisites for regained attention among Chinese researchers in the 21st century; the new discoveries of Herzen scholars that enriched the culture of China. This research will be valuable in advancing the understanding of the mechanisms underlying Russian-Chinese literary and cultural dialogue, as well as the impact of Russian classical literature on Chinese literature.

Keywords: cross-cultural reception, Herzen studies, publicism, Russian-Chinese literary relations

Acknowledgements and Funding: The work was supported by the National Social Science Foundation of China (21BZS141).

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 4, 2023; revised September 11, 2023; accepted October 2, 2023.

For citation: Ji, P. (2023). Reception of Herzen’s “From the Other Shore” in China: Problems and prospects. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 679–692. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-679-692>

Введение

Александр Иванович Герцен, будучи одним из первых классических русских писателей, принятых передовыми кругами Китая еще в начале XX в., пользуется большой популярностью в стране до сих пор. Его творчество известно не только читателям, к нему также проявляют большой интерес китайские ученые, что выражается в публикации многочисленных научных статей, посвященных его трудам (Цзи, Чжоу, 2023, с. 370–371, 373–380).

Вместе с тем по сравнению с другими художественными произведениями Герцена книга «С того берега» мало известна в Китае, и рецепция данного произведения в Китае не подвергалась систематическому изучению. В исследовании предпринята попытка разобраться в истории рецепции «С того берега» в Китае с точки зрения перевода, изучить некоторые возникшие в ее процессе проблемы и их причины, а также рассмотреть перспективы будущих исследований, учитывая меняющуюся социально-политическую обстановку в Китае с конца правления династии Цин и в условиях современного межкультурного контекста.

Обсуждение

Рецепцию «С того берега» в Китае можно проследить еще с начала XX в. В газете «Далубао» 5 июня 1903 г. была опубликована «Биография трех великих русских нигилистов», в которой упоминаются названия трех эссе из цикла «С того берега»: «Перед грозой», «После грозы» и «LVII год республики, единой и нераздельной», – как выражение разочарования Герцена в западной цивилизации (Биография трех..., 1903). В 1904 г. вышла книга прогрессивного мыслителя Цзинь И «Кровь свободы», в которой во второй главе – «Биография Герцена» – помимо трех вышеупомянутых статей, также представлена статья «Прощайте!». Цзинь И отметил, что в «Прощайте!» Герцен объяснил свое нежелание возвращаться в Россию (Цзинь, 1904, с. 15).

В начале столетия образованные китайские читатели обычно знали, что «Герцен – знаменитый революционный литератор, который вместе с Гоголем, Белинским, Гончаровым, Тургеневым и другими представителями „натуральной школы“ восстали против теории „официальной народности“» (Цзинь, 1904, с. 15). Но более подробной информации о его жизни и идеях явно не хватало.

Именно в это время книга «С того берега» попала в поле зрения китайских читателей. При этом «Биография трех русских нигилистов» и «Кровь свободы» представляли собою частичный перевод на китайский книги «Современный анархизм» японского ученого Кэмуямы Сэнтаро (Кэмуяма, 1902).

Герцен также был кратко упомянут в нескольких книгах, вышедших в свет в 1903 г.: «Большие проблемы мира» (世界之大问题), «Обзор социализма» (社会主义概评) и «О социализме» (群义恒论), где утверждалось, что существует глубокая связь между Герценом и нигилистами в России. Эти три книги являются вольными переводами монографии японского ученого Сабуро Симада, опубликованной в 1902 г. под названием «Обзор социализма: большие проблемы мира» (Симада, 1902). Кроме того, общественная и издательская деятельность Герцена упоминались в книге японского историка и юри-

ста Ариги Нагао «История современной политики» (Нагао, 1898), которая была переведена на китайский язык в том же 1903 г.

Япония сыграла важную роль посредника в ранней рецепции Герцена в Китае. Это объясняется тем, что после Китайско-японской войны (1894–1895 гг.) вчерашний противник стал для Китая важным источником сведений о западных культурах, а восходящая к китайской письменности японская иероглифика делала переводы с одного языка на другой менее сложными, чем переводы непосредственно с европейских языков.

В Китае в этот период интерес в основном вызывал социально-политический аспект идейного наследия Герцена-революционера, идеолога, а не его художественные достижения как писателя. Это связано с тем, что духовным приоритетом интеллигенции Китая начале XX в. было стремление к преодолению экономической и культурной отсталости народных масс и обретению страной подлинной политической независимости.

Публицистика «С того берега» закономерно привлекла внимание прогрессивных писателей. В 1923 г. писатель Юй Дафу в статье «О Герцене» писал: «Герцен, печальный и разочарованный, превратил слезы в слова на страницах. Кто не был тронут им, когда мы читали его „С того берега“? Это приговор культуре Западной Европы и это пророчество великого государственного деятеля» (Юй, 1923, с. 13). В том же году китайский общественный деятель и писатель Чжэн Чжэньдуо опубликовал в журнале «Сяошо юэбао» статью «Краткая история русской литературы», в которой упоминал о предпосылках создания сборника «С того берега» (Чжэн, 1923, с. 3).

В 1942 г. журнал Китайско-советской культурной ассоциации, основанной Сунь Кэ, сыном Сунь Ятсена, «Культура Китая и СССР» (中苏文化) опубликовал две статьи о Герцене: «Жизнь в борьбе» и «Герцен – великий сын русского народа» (1942, с. 19–21). В отношении книги «С того берега» обе статьи выразили сходное мнение, считая ее одним из лучших произведений Герцена и подчеркивая огромное разочарование в буржуазной Европе, которые Герцен выражает в ней.

В 1947 г. журнал «Культура Китая и СССР» опубликовал статью «Памяти Герцена, к 135-летию со дня рождения Герцена», в которой описывалась жизнь писателя-революционера. В частности, отмечался его пессимизм в связи с судьбами западноевропейских народов, реальная жизнь которых погружалась в меркантилизм и филистерство «среднего европейца»: «В произведении „С того берега“ Герцен выразил свою скорбь по поводу крушения великих надежд – утопического социализма и демократизма первой половины XIX в. Он предвидел упадок Европы и страшную войну, которая закончится торжеством денег над интересами народа» (Памяти Герцена., 1947, с. 21–25).

Но в целом в этот период рецепция «С того берега» в Китае ограничивалась лишь кратким знакомством с содержанием книги и социально-историческим контекстом ее создания, без каких-либо глубоких научных исследований произведения.

В 1953 г. издательство Китайского народного университета опубликовало коллективную монографию «Герцен – русский классический философ XIX в.». Это была первая академическая монография в Китае, посвященная

идейному наследию Герцена, и одновременно – учебник, составленный и используемый кафедрой диалектического и исторического материализма ведущего в то время китайского вуза. В монографии подчеркивалось историческое значение «С того берега»: «В 1847–1851 годах Герцен написал два замечательных произведения „Письма из Франции и Италии“ и „С того берега“». Эти два произведения важны для изучения революционных событий в Западной Европе, для исследования мировоззрения Герцена, для обсуждения отношения Герцена к революции, к рабочему классу и буржуазии» (Герцен – русский классический философ., 1953, с. 25–26). Значение данной публикации в том, что она стала первым опытом научной интерпретации публицистического наследия писателя-демократа в Китае.

В 1958 г. статья В.А. Путинцева «Герцен» была переведена на китайский язык. Китайских читателей подробно знакомили с основными произведениями Герцена, включая «С того берега». Критикуя Запад и США, автор указывает: «Идея о том, что Соединенные Штаты и западноевропейские страны социально и политически неразличимы очень четко прослеживается на страницах „С того берега“». По мнению Герцена, новая Америка была в лучшем случае отредактированной версией старой европейской книги, но оба они обладают лицемерной сущностью» (Путинцев, 1958, с. 668–669). Здесь китайскому читателю напоминали о том, что империалистические правительства США, как и государств Западной Европы, под лозунгами «демократии и свободы», скрывают свое лицемерие, стремление к прибыли и агрессивную природу.

В 1962 г. по случаю 150-летия со дня рождения Герцена в Китае был опубликован ряд статей, посвященных писателю, в том числе статья из гонконгской газеты «Вэньхуэйбао» (вариант прочтения «Вейвэйпо») под названием «Памяти Герцена», в которой упоминалась книга «С того берега». В частности, автор статьи писал: «Книга Герцена „С того берега“ – это горькая критика новых пороков жизни Запада, мелкобуржуазности, эгоизма и культа денег» (Даньшэн, 1962).

Примечательно, что в 1950–1960-х гг. китайские критики в своих оценках сборника «С того берега» акцентировали его политико-историческое значение, подчеркивая отношение Герцена к рабочему классу и буржуазии, критику Америки. Этот подход был связан с политической обстановкой и позицией страны на международной арене. В тот момент основным ориентиром внешней политики молодой КНР было укрепление мира социализма в союзе с СССР и противостояние американскому империализму. Участие в Корейской войне 1950–1953 гг. двух ведущих социалистических стран против коалиции, возглавляемой Соединенными Штатами, и всемерная поддержка Западом сепаратистов на Тайване, усилили антиамериканские и антизападнические настроения в Китае. При этом критические замечания Герцена о «фальшивой демократии», написанные в Лондоне в середине 1850-х гг. на страницах «С того берега», обрели в данном историческом контексте новое актуальное звучание и по смыслу и своему пафосу точно попадали в поток советских и китайских антиимпериалистических пропагандистских материалов и установок академических исследований.

Со второй половины 1960-х гг. и до завершения культурной революции 1966–1976 гг. в Китае изучение иностранной литературы, в том числе и творчества Герцена, практически остановилось. Ситуация для развития герценоведения в Китае начала постепенно улучшаться только после 1978 г., когда страна приняла политику реформ и открытости (Цзи, 2023, с. 696–697). Однако этот процесс практически не сказался на научном интересе в Китае к сборнику «С того берега» – при многочисленных упоминаниях и ссылках на книгу Герцена к переводам ее текста на китайский язык начинают обращаться только в 2013 г. (да и то в неполном виде).

Причина такой ситуации может быть связана, прежде всего, с особенностями и сложным жанровым характером произведения, где в замысловатом узоре переплелись политические, историософские и эстетические размышления с философскими диалогами, краткими лирическими зарисовками, логическими парадоксами, публицистическими аллюзиями и отсылками к знаковым и общепонятным для образованного европейца середины XIX в. именам Руссо, Гегеля, Робеспьера, Сен-Жюста.

Сам Герцен высоко оценивал свою работу: «Я ничего не писал лучшего, вероятно, ничего лучшего не напишу» (Герцен, 1955, с. 233), – указывал он в предисловии. Но по словам Луначарского, автор «вносил в свои мысли слишком много виртуозности в мысли» (Луначарский, 1957, с. 157). Все это сделало книгу трудной для перевода и понимания без глубокого комментария не только иностранцами, но даже его соотечественниками XX–XXI вв.

Более того, размышления публициста о провале волны буржуазных революций 1848 г., прозвучавшие в тексте сомнения в перспективах рабочего движения (с учетом упоминавшегося в шестой части «Былого и дум» конфликта Герцена с ранними марксистами в 1852–1864 гг.) диссонировали с социально-политическим контекстом Китая второй половины XX в.

Серьезной причиной малой изученности «С того берега» в Китае в XX в. было то обстоятельство, что это произведение намного реже, чем другие произведения Герцена, становилось предметом научных работ на родине писателя. Как известно, выбирая приоритеты для своих дальнейших работ, китайские русисты и большинство их коллег в других странах долгое время следовали «в фарватере» советских и российских исследований (Маслин, 2012, с. 132).

Между тем в самом СССР вокруг имени и идей Герцена также сохранялись информационные лакуны, «белые пятна»: его полемика с К. Марксом, безусловная поддержка польских шовинистов, утопическая теория «русского (общинного) социализма», осуждение «нигилистов-базароидов», «Собакевичей и Ноздревых социализма», полемика вокруг писем «К старому другу» и связей с Д.М. Ротшильдом. В постсоветской России «его имя, публикации о нем, издания его произведений, апелляции к его творчеству были все эти годы малочисленны и случайны» (Гусейнов, 2012). Это также повлияло на исследовательский выбор китайских ученых, в сочетании с тем, что долгое время не существовало китайского перевода «С того берега» как инструмента для текстового анализа, что создавало дополнительные препятствия для исследования этой книги в Китае.

Наконец, к 1990-м гг. у читателей в постперестроечной России заметно снизился интерес к публицистике как жанру, их внимание стали привлекать

герценовские художественные произведения: «Кто виноват?», «Сорока-воровка», «Доктор Крупов» и т. п., а также шедевр русской мемуарной прозы «Былое и думы». Потому книга «С того берега» оставалась мало известной страницей литературного наследия Герцена.

По данным каталога Российской государственной библиотеки, его название было вынесено на обложки изданий в СССР только в 1931 и 1948 гг. (Герцен, 1931, 1948). Обычно оно входило в многотомные собрания сочинений, оставаясь в тени других произведений. Показательно, что в популярной онлайн-библиотеке Lib.Ru (Библиотека Максима Мошкова) сборник «С того берега» с 7,01 баллом входит в тройку лидеров по оценкам читателей среди произведений Герцена: *Very Dangerous!* и «Письма об изучении природы» набрали по 7,48 баллов из 10 возможных. То есть он привлекает вдумчивых читателей. Но по числу проголосовавших, то есть проявивших желание ее прочитать и оценить, книга почти в 25 раз уступает и «Сороке-воровке» и роману «Кто виноват?».

Все эти обстоятельства отразились и на ситуации с переводом книги на китайский.

Только в XXI в. «С того берега», произведение, которое так долго оставалось незамеченным, снова привлекло внимание китайских переводчиков и ученых.

В 2012 г., в честь 200-летия со дня рождения Герцена, Пекинский педагогический университет провел международную конференцию «А.И. Герцен в перспективе глобализации». Участники конференции подчеркнули огромную ценность наследия Герцена, включая «С того берега», и обратили внимание коллег на тесную связь между творчеством писателя-философа и историей и современностью России, а также важность изучения его творческого пути для лучшего понимания как русской, так и западной цивилизации, присущих им внутренних противоречий и движущих сил.

В 2013 г. вышла книга «Русская философия», написанная профессором Пекинского университета Сюй Фэнлинем. В третьей главе этой книги – «Основные философские течения середины XIX – начала XX в.» – представлены философские мировоззрения Герцена. Автор утверждает, что взгляды писателя-философа на ценность индивидуальности и личной свободы четко отражены в книге «С того берега» (Сюй, 2013, с. 175). В том же издании вышли в свет китайские переводы «Сыну моему Александру», «Перед грозой» и *Omnia mea mecum porto* («Все свое несу с собою»). Таким образом был представлен первый перевод «С того берега» в Китае. Хотя издание содержало лишь фрагмент произведения, оно стало значительным явлением для китайских исследователей литературы, философии и других гуманитарных наук, не владеющих русским языком, вернуло «С того берега» в круг внимания китайских переводчиков и исследователей и подогрело научный интерес к идейному наследию Герцена в целом.

В работе Чжу Цзяньгана «Поиск надежды в отчаянии: нигилизм Герцена в „С того берега“» (Чжу, 2012, с. 17–23), опубликованной в 2012 г., а также в статье Сюй Фэнлиня «Смысл истории и жизни: прочтение „С того берега“ Герцена и „Крушение кумиров“ Франка» (Сюй, 2014, с. 12–19), опубликованной в 2014 г., анализируются мотивы создания «С того берега» и мысли

Герцена об истории и жизни, отраженные в книге, с целью раскрыть фило-софско-историческое мировоззрение автора.

В том же 2014 г. Чжан Жу опубликовала небольшую обзорную статью «Распространение и восприятие „С того берега“ в Китае». В ней утверждается, что восприятие книги Герцена в Китае стало путешествием от истории идей до истории литературы (Чжан, 2014, с. 157–158).

Тем не менее эти три статьи практически не касаются художественных особенностей произведения. Авторы анализируют преимущественно фило-софско-исторические взгляды писателя и рецепции на фоне эпох.

В 2015 г. первый полный перевод «С того берега» на китайский язык опубликован Хэйлуунцзянским народным издательством. Перевод был осуществлен Фань Баосюанем, профессором Китайского университета коммуникаций. В 2016 г. в Сычуаньском народном издательстве вышла книга «С того берега» Герцена в переводе профессора Пекинского педагогического университета Чжан Бина. В предисловии профессор кратко прослеживает историю восприятия «С того берега» в Китае в XX в. (Герцен, 2016, с. 4–6). В 2018 г. опубликован третий полный китайский перевод «С того берега», выполненный профессором Лю Дунцзянем. В предисловии к переводу, написанном профессором Московского государственного педагогического университета В.В. Агеносовым, говорится, что это произведение и сегодня вызывает у читателя желание задуматься над вечными вопросами (Агеносов, 2018, с. 2–3).

Таким образом, китайский перевод названия «С того берега» остается вариативным и до сих пор не унифицирован.

Появление разных вариантов перевода книги Герцена за короткий промежуток времени – явление примечательное. Оно свидетельствует о том, что актуальности работы Герцена сохраняется, особенно в наше время.

В конце жизни Л.Н. Толстой в дневнике записал: «Читал и Герцена „С того берега“ и тоже восхищался. Следовало бы написать о нем – чтобы люди нашего времени понимали его. ...Он уже ожидает своих читателей впереди. И далеко над головами теперешней толпы передает свои мысли тем, которые будут в состоянии понять их» (Толстой, 1937, с. 165). К сожалению, сегодня даже большая часть исследователей Толстого не помнит об этой оценке гением русской литературы заслуг его старшего современника.

Прозрения о ходе истории и путях развития человеческой цивилизации, высказанные Герценом в «С того берега» более ста лет назад, кажутся сегодня очень точными и глубокими. В 1906 г. Мережковский критиковал Герцена за то, что, когда он «бежал из России в Европу, он попал из одного рабства в другое, из материального в духовное» (Мережковский, 2004, с. 11). И сам Герцен это сразу понял и в «С того берега» поставил под сомнение рациональный взгляд на историю и идею прогресса. Насколько же смелой была подобная мысль в XIX в. о Западе, где гордились лозунгами «просвещения, демократии, свободы и прогресса». По его мнению, западная цивилизация богата внешними формами, но бедна человеческим содержанием, поэтому нивелирующее влияние европейской цивилизации опасно для всех народов (Маслин, 2012, с. 138). Время доказало правоту Герцена.

В то же время центральные темы герценовской мысли – как либерализм с его идеей свободы человека дополнить демократией с его идеей коллектив-

ной воли, как буржуазный путь развития соединить с антимещанским строем русской ментальности – остаются злободневными темами для наших дней (Гусейнов, 2012).

Сегодня, когда стало очевидно, что прежние советские оценки Герцена устарели и непригодны для адекватного понимания его идейного наследия (Маслин, 2012, с. 137), необходимо новое прочтение и переосмысление работ этого философа и литератора.

Взгляды современные западных исследователей отличаются большим радикализмом оценок. Так, британский ученый Эйлин М. Келли утверждала, что широко цитируемая статья В.И. Ленина «Памяти Герцена», которая отметила значимую роль Герцена в подготовке русской революции с известным афоризмом «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа... Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию» определила подход нескольких поколений советских ученых (и в известном смысле загнало в идеологическое Прокрустово ложе) при интерпретации на самом деле не столь однозначного пути писателя-философа, его творческих и идейных исканий. Проблема в том, что Ленин и его преемники неоднократно цитировали Герцена в прагматических целях в качестве части пролога к большевизму (Kelly, 2016, р. 2). Идейное наследие писателя должно быть освобождено от устаревших клише и искусственно навязанных прочтений и приоритетов.

По словам Эдварда Актона из Ливерпульского университета: «Герцен был одной из самых одаренных и увлекательных фигур в Европе XIX в. и занимает ключевое место в истории русского революционного движения. <...> Работа Герцена представляет собой одну из центральных точек отсчета, вокруг которой должна быть сформулирована любая интерпретация развития русской политической мысли» (Acton, 1979, р. ix).

Исайя Берлин называет Герцена одним из трех самых гениальных моральных проповедников, наряду с Достоевским и Толстым (Berlin, 1979, р. 83). Берлин считает, что Герцен был предтечей многих идей XX в. и человеком, сродни философскому гению. Многие пророчества Герцена подтвердились последующими событиями. Его идеи сегодня все так же свежи и убедительны, как и тогда, когда он впервые произнес их сто лет назад, и, вероятно, они более актуальны для нашего времени, чем в его эпоху (Herzen, 1979, р. XXV).

«Кажется, современный Запад нуждается в моральном послании Герцена, – утверждает британская исследовательница Эйлин Келли. – В посттеологическую эпоху мы должны научиться жить в условиях неопределенности, заменив стремление к исключительной истине привычкой объединять ресурсы и совмещать точки зрения в ежедневных попытках ответить на общие вопросы человечества» (Kelly, 1999, с. 223). В то же время она полагает, что книга «С того берега» опередила время своей двухцелевой атакой на оптимизм радикальных теорий прогресса и на философский пессимизм.

Герцена, наряду с Бердяевым, можно назвать одним из наиболее выдающихся русских философов свободы (Маслин, 2012, с. 137). В последние годы в России также было опубликовано несколько научных статей о «С того берега» (Калинин, 2002; Вязинкин, 2019; Гербер, 2021; Горбунова, 2021; Образцова, 2023).

Возможно, все эти развернувшиеся дискуссии о переоценке творческого наследия Герцена пробудили новую волну интереса к нему китайских ученых, которые начинают обращать все больше внимания на актуальность и огромное историческое значение «С того берега» как одной из жемчужин литературного наследия Герцена.

Заключение

Рецепция «С того берега» Герцена в Китае с начала XX в. до настоящего времени, несмотря на взлеты и падения, в целом представляет собой процесс постепенного углубления знаний об особенностях возникновения этого произведения. Китайские исследователи, начав с интерпретации политических и философских аспектов книги, постепенно перешли к изучению его социокультурной, а затем эстетической сторон.

Исходя из сказанного, перспективными на текущем этапе герценоведения в Китае в связи со сборником «С того берега» видятся следующие направления исследований:

– унификация до сих пор непоследовательного китайского перевода названия «С того берега» (способ для решения этой проблемы – составление и издание соответствующих исчерпывающих комментариев к книге Герцена в целом);

– перевод хронологически и тематически связанных с книгой публицистических произведений Герцена («Письма из Франции и Италии» и некоторые важные письма и дневники) для более полного понимания круга идей, изложенных в сборнике;

– осуществление перевода полного собрания сочинений Герцена, чтобы сделать доступными все его произведения на китайском языке и способствовать распространению его идей;

– проведение более подробного анализа языковых и жанровых особенностей текста «С того берега», художественных экспрессивных и риторических приемов.

Список литературы

- Агеносов В.В.* Предисловие // С того берега / А.И. Герцен; пер с рус. Лю Дунцзянь. Пекин: Коммерческое изд-во, 2017. С. 1–3. [弗拉基米尔·阿格诺索夫. 前言 // 赫尔岑著, 刘敦健译, 来自彼岸. 北京: 商务印书馆. 2017. 第 1–3 页.]
- Биография трех великих русских нигилистов // Далубао. 1903. № 7. [俄罗斯虚无党三杰传 // 大陆报. 1903. 第七期.]
- Вязинкин А. Ю.* Стратегии освобождения человека в диалогах «С того берега» А.И. Герцена // Прагматика философского текста: материалы Всероссийской конференции. Симферополь: Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, 2019. С. 75–77.
- Гербер А.А.* Русский текст в цикле философских эссе А.И. Герцена «С того берега» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов VIII (XXII) Международной научно-практической конференции молодых ученых / отв. редактор А.Г. Кожевникова. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. Вып. 22. С. 382–385. <http://doi.org/10.17223/978-5-907442-02-3-2021-100>

- Герцен – русский классический философ XIX века. Пекин: Изд-во Китайского народного университета, 1953. [赫尔岑–19世纪俄国古典哲学家. 北京: 中国人民大学出版社, 1953.]
- Герцен А.И.* Избранные философские произведения: в 2 томах. Том 2. С того берега. Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле. Письмо к А.А. Чумикову и др. М.: Госполитиздат, 1948.
- Герцен А.И.* Письма из Франции и Италии. С того берега. М.: ОГИЗ; Ленинград: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931.
- Герцен А.И.* С того берега / пер. Чжан Бин. Чэнду: Сычуаньское народное изд-во, 2016. С. 4–7. [赫尔岑著. 张冰译. 彼岸书. 成都: 四川人民出版社, 2016. 第4–7页.]
- Герцен А.И.* Сочинения: в 9 томах. Том 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
- Горбунова А.Н.* Специфика исторического автобиографизма А.И. Герцена в книге «С того берега» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 1. С. 225–235.
- Гусейнов А.А.* Слово о Герцене. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2012/20-21_06/Guseinov.pdf (дата обращения: 21.05.2023).
- Даньшэн.* В память о Герцене – 150-летие со дня его рождения в этом году // Вэньхуэйбао (Вэньхэйпо, Гонконг). 1962, 28 ноября. [澹生.纪念赫尔岑–今年是他诞生 150 周年 // 文汇报. 1962, 11月28日.]
- Е Вэньсюн.* Герцен – великий сын русского народа // Культура Китая и СССР. 1942. Т. 11. № 5–6. С. 19–21. [叶文雄. 赫尔岑–俄国人民的伟大儿子 // 中苏文化. 1942. 第11卷, 第5–6期. 第19–21页.]
- Калинин И.* С того берега к другим берегам: Клио Герцена и Мнемозина Набокова (статья первая) // Новое литературное обозрение. 2002. № 6 (58). С. 8.
- Кэмьюма С.* Современный анархизм. Токио: Издательский отдел Токийской профессиональной школы, 1902. [煙山専太郎. 近世無政府主義. 東京. 東京専門學校出版部, 1902.]
- Луначарский А.В.* Статьи о литературе. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
- Маслин М.А.* Философия А.И. Герцена сегодня // Философский журнал. 2012. № 2. С. 130–140.
- Мережковский Д.С.* Собрание сочинений. Грядущий хам / сост. и коммент. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004.
- Нагао А.* История современной дипломатии. Токио: Изд-во университета Васэда, 1898. [有賀長雄. 近世政治史. 東京: 早稲田大学出版部, 1898.]
- Образцова К.В.* А.И. Герцен в сознании писателей первой волны русской эмиграции: постановка проблемы // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов X (XXIV) Международной научно-практической конференции молодых ученых. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. Вып. 24. С. 390–394. <http://doi.org/10.17223/978-5-907572-02-7-2023-78>
- Памяти Герцена. К 135-летию со дня рождения Герцена // Культура Китая и СССР. 1947. Т. 18. № 4. С. 21–25 [纪念赫尔岑诞辰 135 周年 // 中苏文化. 第18卷. (04). 第21–25页.]
- Путинцев В.А.* Герцен // Классики русской литературы / пер. с рус. Е Чэн. Пекин: Народная литература, 1958. [普青彩夫著. 夜澄译. 赫尔岑 // 俄罗斯古典作家论. 北京: 人民文学出版社. 1958.]
- Симада С.* Обзор социализма: самые большие проблемы в мире. Токио: Хакубундо, 1902. [島田三郎. 社会主義概評: 世界之大問題. 東京: 警醒社, 1902.]
- Сюй Ф.* Русская философия. Пекин: Коммерческое издательство, 2013. С. 174–225. [徐凤林. 俄国哲学. 北京: 商务印书馆. 2013. 第174–225页.]

- Сюй Ф. Смысл истории и жизни: прочтение «С того берега» Герцена и «Крушение кумиров» Франка // Вестник Сучжоуского университета. 2014. № 2. С. 12–19. [徐凤林. 历史的意义与生命的意义—赫尔岑《彼岸书》与弗兰克《偶像的毁灭》对读 // 苏州大学学报. 2014. 第 2 期. 第 12–19 页.]
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Том 55. Дневники и записные книжки 1904–1906. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1937.
- Цзи П. История переводов «Былого и дум» А.И. Герцена в Китае // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 3. С. 693–700. <http://doi.org/10.30853/phil20230110>
- Цзи П., Чжоу Л. Рецепция произведения «Былое и думы» А.И. Герцена в Китае: проблемы изучения и влияния // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 5. С. 368–385. <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-368-385>
- Цзинь И. Вольная кровь. Шанхай: Книгоиздательство Цзин Цзинь, 1904. [金一. 自由血. 上海: 镜今书局. 1904.]
- Чжан Ж. Распространение и восприятие «С того берега» в Китае // Аньхуэйская литература. 2014. № 11. С. 147–148. [张茹. 《彼岸书》在中国的接受与传播 // 安徽文学. 2014. 第 11 期. 第 147–148 页.]
- Чжоу Ц. История движения Четвертого мая. Чанша: Книжное общество Юэлу, 1999. [周策纵. 五四运动史. 长沙. 岳麓书社. 1999.]
- Чжу Ц. Поиск надежды в отчаянии: нигилизм Герцена в «С того берега» // Русская литература и искусство. 2012. № 3. С. 17–23. [朱建刚. 于绝望中寻找希望—从《彼岸书》看赫尔岑的虚无主义 // 俄罗斯文艺. 2012. 第 3 期. 第 17–23 页.] <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2012.03.004>
- Чжэн Ч. Краткая история русской литературы (часть 5) // Сяошо юэбао. 1923. Т. 14. № 9. С. 1–20. [郑振铎. 俄国文学史略 (五) // 小说月报. 1923. 第 14 卷. 第 9 期. 第 1–20 页.]
- Юй Д. О Герцене // Чуан Цзао. 1923. № 16. С. 11–15. [郁达夫. 赫尔岑 // 创造周报. 1923. 第 16 期. 第 11–15 页.]
- Acton E. *Alexander Herzen and the role of intellectual revolutionary*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Berlin I. *Herzen and Bakunin on individual liberty* // *Russian Thinkers* / by I. Berlin. New York, 1979. Pp. 82–113.
- Herzen A.I. *From the other shore* / transl. from the Russ. by M. Budberg; introd. by I. Berlin. Oxford: Oxford University Press, 1979.
- Kelly A.M. *The discovery of chance: the life and thought of Alexander Herzen*. Cambridge – London: Harvard University Press, 2016.
- Kelly A.M. *Views from the other shore: essays on Herzen, Chekhov, Bakhtin*. New Haven – London: Yale University Press, 1999.

References

- Acton, E. (1979). *Alexander Herzen and the role of intellectual revolutionary*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Agenosov, V.V. (2017). Preface. In A.I. Herzen, *From the Other Shore* (Liu Dunjian, Transl.) (pp. 1–3). Beijing: Commercial Press. (In Chin.)
- Berlin, I. (1979). Herzen and Bakunin on individual liberty. In I. Berlin (Ed.), *Russian Thinkers* (pp. 82–113). New York.
- Biography of the three masters of the Russian nihilistic party. (1903). *Mainland News*, (7). (In Chin.)
- Commemorating the 135th anniversary of Herzen's birth. (1947). *Culture of China and the USSR*, 18(4), 21–25. (In Chin.)

- Gerber, A.A. (2021). Russian text in the cycle of philosophical essays by A.I. Herzen “From the Other Shore”. In A.G. Kozhevnikova (Ed.), *Actual Problems of Linguistics and Literary Studies: Conference Proceedings of the 8th (22nd) International Scientific and Practical Conference* (issue 22, pp. 382–385). Tomsk: National Research Tomsk State University. (In Russ.) <http://doi.org/10.17223/978-5-907442-02-3-2021-100>
- Gorbunova, A.N. (2021). The specifics of A.I. Herzen's historical autobiography in the book “From the Other Shore”. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 23(1), 225–235. (In Russ.)
- Guseinov, A.A. (2012). A word about Herzen. (In Russ.) Retrieved May 21, 2022, from https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2012/20-21_06/Guseinov.pdf
- Herzen – Russian classical philosopher of 19th century*. (1953). Beijing: People's University of China Publishing House. (In Chin.)
- Herzen, A.I. (1931). *Letters from France and Italy. From the other shore*. Moscow: OGIZ Publ.; Leningrad: Gosudarstvennoe Sotsial'no-Ekonomicheskoe Izd-vo Publ. (In Russ.)
- Herzen, A.I. (1948). *Selected philosophical works. Vol. 2. From the other shore. The Russian people and socialism. A letter to J. Michelet. A letter to A.A. Chumikov, etc.* Moscow: Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
- Herzen, A.I. (1955). *Collected works* (vol. 3). Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literaturny Publ. (In Russ.)
- Herzen, A.I. (1979). *From the other shore*. Oxford: Oxford University Press.
- Herzen, A.I. (2016). *From the other shore* (Zhang Bing, Transl.) (pp. 4–7). Chengdu: Sichuan People's Publishing House. (In Chin.)
- Ji, P. (2023). History of translations of “My Past and Thoughts” by A.I. Herzen in China. *Philology. Theory & Practice*, 16(3), 693–700. (In Russ.) <http://doi.org/10.30853/phil20230110>
- Ji, P., & Zhou, L. (2023). Reception of Alexander Herzen's “My Past and Thoughts” in China: Problems of Study and Influence. *Nauchnyi Dialog*, 12(5), 368–385. (In Russ.) <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-368-385>
- Jin, Y. (1904). *Free blood*. Shanghai: Jingjin Publ. (In Chin.)
- Kalinin, I. (2002). From the other shore to another shores: Herzen's Clio and Nabokov's Mnemosyne (article 1). *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, (6), 8. (In Russ.)
- Kelly, A.M. (1999). *Views from the other shore: Essays on Herzen, Chekhov, Bakhtin*. New Haven, London: Yale University Press.
- Kelly, A.M. (2016). *The discovery of chance: The life and thought of Alexander Herzen*. Cambridge, London: Harvard University Press.
- Kemuyama, S. (1902). *Early modern anarchism*. Tokyo: Publishing Department of Tokyo Vocational School. (In Japan.)
- Lunacharsky, A.V. (1957). *Papers about literature*. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literaturny Publ. (In Russ.)
- Maslin, M.A. (2012). A.I. Herzen's philosophy today. *Philosophy Journal*, (2), 130–140. (In Russ.)
- Merezhkovskii, D.S. (2004). *Collected works. The coming boor*. Moscow: Respublika Publ. (In Russ.)
- Nagao, A. (1898). *Early-modern political history*. Tokyo: Waseda University Press. (In Japan.)
- Obraztsova, K.V. (2023). A.I. Herzen in the minds of writers of the first wave of Russian emigration: The problem statement. *Actual Problems of Linguistics and Literary Studies: Conference Proceedings of the 10th (24th) International Conference* (issue 24, pp. 390–394). Tomsk: National Research Tomsk State University. (In Russ.) <http://doi.org/10.17223/978-5-907572-02-7-2023-78>
- Putintsev, V.A. (1958). Herzen (Ye Cheng, Transl.). *Theory of Russian Classical Writers*. Beijing: People's Literature Publishing House. (In Chin.)
- Sheng, D. (1962, November 28). In honor of Herzen. The 150th anniversary of his birth. *Wénhuibào (Hongkong)*. (In Chin.)
- Shimada, S. (1902). *Overview of socialism: The big problem of the world*. Tokyo: Hakubundo Book Company. (In Japan.)

- Tolstoi, L.N. (1937). *The complete works. Vol. 55. Diaries and notebooks 1904–1906*. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literaturny Publ. (In Russ.)
- Vyazinkin, A.Yu. (2019). Strategies of human liberation in dialogues “From the Other Shore” by A.I. Herzen. *Pragmatics of the Philosophical Text: Conference Proceedings of the All-Russian Conference* (pp. 75–77). Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University. (In Russ.)
- Xúfènglín. (2013). *Russian philosophy* (pp. 174–225). Beijing: Commercial Press. (In Chin.)
- Xúfènglín. (2014). The meaning of history and the meaning of life – a reading of Herzen's “The Other Side Book” and Frank's “The Destruction of Idols”. *Journal of Soochow University*, (2), 12–19. (In Chin.)
- Ye, W. (1942). Herzen – the great son of the Russian people. *Culture of China and the USSR*, 11(5–6), 19–21. (In Chin.)
- Yù, D. (1923). Herzen. *A Weekly Report*, (16), 11–15. (In Chin.)
- Zhāngrú. (2014). The acceptance and dissemination of the book “From the Other Shore” in China. *Anhui Literature*, (11), 147–148. (In Chin.)
- Zhèng, Z. (1923). History of Russian literature in short (part 5). *Monthly Novel Report*, 14(9), 1–20. (In Chin.)
- Zhōu, C. (1999). *History of the May 4th movement*. Changsha: Yuelu Book Society. (In Chin.)
- Zhū, J. (2012). Looking for hope in despair – Herzen's nihilism from “The Other Shore”. *Russian Literature and Art*, (3), 17–23. (In Chin.) <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2012.03.004>

Сведения об авторе:

Цзи Паньсинь, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-7562-4369. E-mail: 1209712742@QQ.com

Bio note:

Panxin Ji, postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7562-4369. E-mail: 1209712742@QQ.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-693-703

EDN: OVUPTW

УДК 801.82

Научная статья / Research article

Традиции Владимира Маяковского-драматурга в творчестве Мэн Цзинхуэя

Ц. Лю^{1,2} , И.В. Монисова²

¹Нанькайский университет,
Китайская Народная Республика, 300071, Тяньцзинь, шоссе Вейцзин, д. 94
²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

 monisova2008@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление влияния театрально-драматургических традиций В. Маяковского на творчество современного китайского режиссера-авангардиста и драматурга Мэн Цзинхуэя. К анализу привлекается материал трех постановок в Китае (2000–2017 гг.) пьесы-ремейка «Клоп» Мэн Цзинхуэя, отражающих как схожее для двух авторов стремление к театральным инновациям и понимание природы театра, так и разницу их мировоззрений и эстетических подходов. Изучено направление модернизации русского претекста в китайской версии, показано влияние театральных принципов Вс. Мейерхольда на творчество Мэн Цзинхуэя как режиссера, отмечено стиливое своеобразие текстовой интерпретации и постановок «Клопа», их место в контексте современной авангардно-экспериментальной драмы и театра в Китае. Попутно прослеживаются этапы распространения и особенности рецепции драматургии Маяковского в Китае. Сделан вывод о том, что Мэн Цзинхуэй ориентируется на Маяковского в целом ряде формальных приемов, в общей сатирической направленности текста и постановок ремейка, однако переосмысливает и деконструирует базовые идеи русского драматурга, создавая в своей пьесе-ремейке иную временную и национально-культурную локацию. Диалог и полемика с Маяковским ложатся в основу во многом оригинального творчества современного художника слова и сцены.

Ключевые слова: экспериментальная драма, Китай, пьеса «Клоп», драматургия, театр, авангард, ремейк, межкультурный диалог, театрально-драматургические традиции, влияние, китайская рецепция

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 3 августа 2023 г.; отрецензирована 10 сентября 2023 г.; принята к публикации 1 октября 2023 г.

Для цитирования: Лю Ц., Монисова И.В. Традиции Владимира Маяковского-драматурга в творчестве Мэн Цзинхуэя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 693–703. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-693-703>

© Лю Ц., Монисова И.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Meng Jinghui's adaptations of Vladimir Mayakovsky's plays

Jingling Liu^{1,2} , Irina V. Monisova²

¹Nankai University, 94 Weijin Rd, Tianjin, 300071, People's Republic of China

²Lomonosov Moscow State University,

1 Leninskie Gory, bldg 51, Moscow, 119991, Russian Federation

 monisova2008@yandex.ru

Abstract. Vladimir Mayakovsky's dramatic heritage has had a great impact on Chinese avant-garde director and playwright Meng Jinghui. The study traces the stages of Mayakovsky's presence in Chinese theater art to focus on Meng Jinghui's three productions of "The Bedbug" (2000–2017). The dramatists share the same desire for theatrical innovation and a similar understanding of theater art. However, they have different worldviews and aesthetic approaches. Meng Jinghui modernized the original Russian pretext and turned to some theatrical principles, first stipulated by Vsevolod Meyerhold. His remakes are stylistically original textual interpretations that have gained a prominent place in the modern Chinese avant-garde fringe theater. Meng Jinghui followed Mayakovsky in a number of formal techniques and the overall satirical orientation only to reshape and deconstruct the basic ideas of the original play, thus creating a different temporal and cultural chronotope. Authentic as it may seem, Meng Jinghui creativity results sprouted from a dialogue and polemics with the Soviet poet and playwright.

Keywords: Chinese fringe theater, The Bedbug, drama, theater, avant-garde, remake, intercultural dialogue, theatrical and dramatic traditions, influence, Chinese reception

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 3, 2023; revised September 10, 2023; accepted October 1, 2023.

For citation: Liu, J., & Monisova, I.V. (2023). Meng Jinghui's adaptations of Vladimir Mayakovsky's plays. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 693–703. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-693-703>

Введение: начало распространения драматургии В. Маяковского в Китае

О творчестве В. Маяковского китайцы узнали примерно сто лет назад. Журналист Цюй Цюбо (позднее один из партийных лидеров) «в феврале 1921 г. в качестве специального корреспондента китайской газеты... посетил Маяковского в Москве. В то время Маяковский интересовался китайской литературой и представил поэму „Человек“» (Гэ, 1980, с. 290)¹. С тех пор появился ряд переводов (поначалу с английского языка-посредника) и статей, посвященных Маяковскому, в основном его стихам.

После образования КНР в 1949 г. был налажен стандартизированный перевод, и публикации текстов Маяковского активизировались. В честь 40-й годовщины Октябрьской революции в Советском Союзе в Китае перевели серию советских произведений, в том числе пятитомное собрание сочинений Маяковского (издательство «Народная литература», 1957–1961 гг.). Собрание

¹ Здесь и далее цитаты из работ китайских ученых даются в переводе Лю Цзинлин.

содержит не только стихи Маяковского, но и его пьесы, статьи, заметки и письма. В четвертый том, посвященный драматургии, вошли трагедия «Владимир Маяковский», две версии «Мистерии-Буфф» (1918 и 1920 гг.), сатирические пьесы «Клоп», «Баня» и киносценарий «Как поживаете?» Это была первая публикация пьес Маяковского в Китае.

В 1950-х гг. китайские писатели и драматурги начали адаптировать пьесы Маяковского, задумываясь о возможности поставить их в театрах. По воспоминаниям переводчика Гао Маня, известный китайский писатель Лао Шэ после просмотра спектакля «Баня» в Москве в 1950 г. адаптировал пьесу Маяковского, создав «китайскую версию» оригинала, основанную на переводе Гао Маня. Однако после того, как заместитель министра культуры КНР того времени Чжоу Ян прочитал текст адаптации, он отметил, что пьеса является сатирой на бюрократию и не должна ставиться на сцене, после чего рукопись Лао Шэ бесследно пропала.

В 1958 г. один из основоположников современной китайской драмы Тянь Хань по заказу Китайского молодежного театра написал пьесу «Видение водохранилища Шисанлин», в которой был отражен момент в истории Китая, известный как «большой скачок вперед»². Влияние драматической сатиры Маяковского на эту пьесу заметно по многим деталям. Так, в «Клопе» показана сцена, разворачивающаяся после десяти пятилеток в Советском Союзе, а «Видение водохранилища Шисаньлин» представляет Китай через двадцать лет после установления коммунизма. В 13-й сцене содержится прямая отсылка к советской пьесе в следующем диалоге героев: *Хуан Чжунъюнь (профессор биологии): В наши дни я помогаю своим студентам изучать редких животных, таких как воробьи, поэтому меня не волнуют новости. Чэнь Пэйюань (писатель): Ха-ха, в пьесе Маяковского «Клоп» говорится, что клопы станут редкостью через 50 лет. Сейчас в Китае, помимо клопов, редкостью также стали воробьи, крысы и мухи* (Хун, 2019, с. 95). В отличие от пьесы «Клоп» Маяковского, в тексте Тянь Ханя больше внимания уделяется становлению счастливого будущего общества, причем без какого-либо сатирического пафоса в адрес мещанства.

Не только содержание этой пьесы перекликается с комедией Маяковского, но и ее сценическое воплощение продемонстрировало новаторские для китайского театра театральные приемы, отсылающие к первой постановке «Клопа» Вс. Мейерхольдом (1929). Тянь Хань после просмотра спектакля Московского театра сатиры в декабре 1957 г. признавался, что «никогда не видел такую драму и чувствовал себя растерянно, увидев сцену и зрителей, объединенных в одно целое, высокую лестницу, установленную прямо в зрительном зале. Актеры бегали и на сцене, и в зале, повсюду искали клопов» (Гао, 2000). Валентин Плучек, один из режиссеров спектакля 1957 г., был, как известно, учеником Мейерхольда, участвовал в постановке 1929 г. и использовал в спектакле Театра сатиры некоторые приемы мастера, например конструктивное соединение сцены и зрительного зала с целью уничтожения «четвертой стены», акцентированную пластику актеров, дающую дополнительную

² Имеется в виду экономическая и политическая кампания в Китае с 1958 по 1960 г., нацеленная на резкий подъем экономики страны и имевшая трагические последствия.

энергию слову. Тянь Хань адаптировал полученный творческий опыт при создании собственной пьесы, отразился он и в постановке «Видения водохранилища Шисаньлин» Китайским молодежным театром (1958), где актеры спускались со сцены и шли в зрительный зал, воодушевляя и захватывая своим энергичным движением публику.

Несмотря на усилия драматургов, большинство китайских читателей до сих пор знает Маяковского только как поэта. В 2000 г. режиссер-авангардист Мэн Цзинхуэй адаптировал «Клопа» и успешно представил его на сцене. Это заметное явление культурной жизни – не только следствие личного интереса режиссера к русской авангардной драме, но и результат изменений в социокультурной ситуации 1990-х гг., переоценки литературных фактов, а также свидетельство успешного развития авангардных тенденций в национальной драме и театре.

Обсуждение

Знакомство Мэн Цзинхуэй с творчеством В. Маяковского в 1990-х гг.

Распространение произведений Маяковского в Китае совпало в свое время с революционными преобразованиями в стране, и тогда слово советского трибуна прозвучало как необходимая идейная поддержка, стало «действенным фактором идеологической и культурной жизни Китая» (Черкасский, 1976, с. 28), и длительное время он рассматривался только как «пролетарский поэт» и «певец социализма» (Чжан, Ван, 2019, с. 48): «Среди всех поэтов он почти единственный, кто может полностью принять революцию; он рассматривает революцию как саму жизнь...» (Цюй, 2000, с.165).

Только в 1990-х гг. в китайской науке складывается новое представление о Маяковском, что было подготовлено и внутринаучными, и социокультурными изменениями после сокращения с 1960-х гг., а затем и полного прекращения переводов и изучения советских писателей в Китае (Черкасский, 1976). В новой исторической ситуации «индивидуу придается особое значение, а ценность его собственного существования выдвигается на первый план в общем измерении социальной ценности. Люди не интересуются общим макронарративом о государстве, а больше обращают внимание на статус личности» (Чжан, 2010, с. 5). Таким образом, понятия личной свободы и индивидуальности постепенно становятся ключевыми у китайской молодежи, и гуманитарные науки отражают этот поворот.

В честь 100-летия со дня рождения В. Маяковского 20 августа 1993 г. Китайская ассоциация переводов, Издательство народной литературы и Пекинский университет совместно организовали симпозиум. В программной речи переводчик и профессор Пекинского университета Юэ Фэнлинь подчеркнул, что в творчестве Маяковского содержится не только восторженная хвала революции и новой жизни, но и острая сатира. Личность и коллектив, герой и массы сосуществуют диалектически в его произведениях, а революционная мысль выражается в новаторских поэтических формах. Этот научный форум «стал новой вехой на пути познания и признания Маяковского в Китае. На данный момент понимание и исследование его произведений

в Китае вышли на новый уровень» (Чжан, Ван, 2019, с. 51). В числе почитателей таланта Маяковского оказался и представитель молодого китайского театрального авангарда – режиссер и драматург Мэн Цзинхуэй.

Наиболее активным этапом развития этого направления в китайском театре, представленном также режиссерами Линь Чжаохуа, Моу Сенем и др., стали 1990-е гг. Эти экспериментаторы создали немало спектаклей по западным и русским пьесам, а в случае с Мэн Цзинхуэем, большим поклонником русской литературы, речь идет и о создании драматургических ремейков. Он ставил на китайских сценах не только Маяковского, но и М. Булгакова, Н. Эрдмана. За вклад в распространение и развитие российской культуры за рубежом Мэн в 2018 г. был награжден медалью Пушкина³.

Русский журналист-международник, востоковед В.С. Куликов записал диалог с режиссером, когда тот впервые поставил «Клопа» на китайской сцене в 2000 г. Мэн признавался: «Я „заболел“ Маяковским. Я считаю его самым ярким представителем авангарда. Мне по душе его поэзия, образный язык» (Куликов, 2005, с. 144). Он рассказал Куликову о знакомстве с поэзией Маяковского в юности, впечатлениях о поэме «Облако в штанах» и последующей «встрече» с драматургией Маяковского во время учебы на режиссерском факультете Центральной академии драмы в Пекине. Феерическая комедия сразу привлекла его внимание и показалась перспективной для постановки на китайской сцене: пьеса координировалась с новаторскими принципами режиссера-авангардиста, а ее тема проецировалась на реальные перемены в жизни Китая 1990-х гг., когда значительно повысился уровень жизни и обозначились проблемы мещанства, накопительства. Сам режиссер утверждал, что «разоблачение мещанства во всех его проявлениях – тема актуальная для современного Китая». В разговоре с Куликовым он сожалел, что не знает русского языка, «но блестящий перевод комедии известным китайским литератором Гао Маном, который стал консультантом постановки, юмор драматурга, использование ярких сценических приемов буквально завораживали» (Куликов, 2005, с. 143). Мэн Цзинхуэй впервые поставил «Клопа» на сцене Пекинского детского театра 25 декабря 2000 г. и сразу добился большого успеха. В основу постановки лег существенно трансформированный режиссером претекст, в котором была осуществлена попытка адаптировать сюжет советского классика к современной китайской реальности. После этого Мэн снова поставил «Клопа» в собственном театре Фэн Чао в Пекине в 2013 и 2017 гг., привез этот спектакль на Авиньонский драматический фестиваль во Францию в июле 2018 г. на 17-дневное представление. Три вариации ремейка отражают стремление автора соотнести меняющуюся современность и сюжет Маяковского, следуя рекомендациям самого поэта революции, высказанным в отношении «Мистерии-Буфф»: «В будущем все играющие, ставящие, читающие, печатающие... меняйте содержание, – делайте содержание... современным, сегодняшним, сиюминутным» (Маяковский, 2017, с. 1157).

³ Сухорецкая А. Китайского театрального режиссера Мэн Цзинхуэя наградили медалью Пушкина // People's Daily Online. 2018, 31 октября. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/1031/c31516-9513383.htm> (дата обращения: 10.12.2023).

«Клоп» Мэн Цзинхуэя: 2000 г.

В качестве автора литературных адаптаций известных текстов мировой литературы Мэн Цзинхуэй проявил себя неоднократно. Он создал ремейки «Пистолет, ложь и роза» по пьесе «Самоубийца» Н. Эрдмана, «Роковые яйца» по одноименной повести М. Булгакова, «Павел Корчагин» по роману Н. Островского, «Красное и черное» по Стендалю, «Письмо незнакомки» по одноименной новелле С. Цвейга и др.

Полный текст ремейка «Клоп» 2000 г. представлен в книге Мэн Цзинхуэя «Архив авангардного театра», опубликованной в 2011 г. Мэн сохранил основной сюжет и персонажей оригинального «Клопа», разделил пьесу на девять картин и озаглавил их следующим образом: «В коммунизме тоже есть любовные проблемы»; «Фокстрот Присыпкина»; «Пожар на свадьбе»; «Дивный новый мир»; «Мы голосуем за жизнь»; «Воскрешение»; «Разговор в больнице»; «Объединяйтесь для защиты клопов»; «Шум в зоопарке». Первая часть пьесы Маяковского с сатирическим изображением советского общества 1920-х гг. трансформирована у Мэна не радикально, но события и персонажи приобретают национальный колорит и модернизируются. «Как и у Маяковского, спектакль начинается со сцены рынка, где предлагают свой товар частники-лотошники. Но это не российские продавцы, а типичные китайские торговцы со своим специфическим товаром: фальшивыми украшениями и лекарствами от всех болезней, нашумевшей книгой «Как стать богатым и счастливым». Продавец молотков, рекламируя свой товар, утверждает, что с их помощью «можно вбить социализм в голову или же распять капитализм на кресте. Женщина торгует своим телом и так далее...» (Куликов, 2005, с.145).

Автор, следуя за языком оригинала, старался писать текст ремейка с использованием рифмованных фрагментов, одновременно цитируя собственно поэзию Маяковского («Наш марш»). Текст китайского драматурга ориентирован на сатирический пафос Маяковского, но с учетом национально-культурной специфики. Так, например, в оригинальной пьесе сцена свадьбы содержит эпизод с игрой Баяна на фортепиано: *Шафер (приглядываясь, угрожающе): Ты что же это на одной черной кости играешь? Для пролетариата, значит, на половине, а для буржуазии на всех? Баян: Что вы, что вы, гражданин! Я на белых костях в особенности стараюсь. Шафер: Значит, опять выходит, что белая кость лучше? Играй на всех!..»* (Маяковский, 1929, с. 31). Мэн изменил «черную и белую кость» (в значении социального происхождения и одновременно – клавиш инструмента) на «левую и правую руку», намекая на противоположные политические ориентации, что является распространенной формулой в китайском языке.

Режиссер Мэн обращается к опыту не только Маяковского, но и Мейерхольда. Оба представителя русского авангарда искали различные возможности разрушения «четвертой стены», эффективные формы воздействия на аудиторию, пути обновления театрально-драматургического языка на пути синтеза жанров и приемов разных видов искусств. Новаторский дух присущ ремейку и его постановке 2000 г. Вторая сцена «ссоры в молодняцком общежитии» в ремейке превратилась в «радиопрограмму». Мэн использовал прием «театр в театре», чтобы показать и критику вульгарного поведения Присыпкина его

товарищами, и «проработочный тон ведущего – сатиру на банальный и скучный стиль ведения радиопрограмм 1970–1980 годов» (Ма, 2001, с. 71). В ремейке каждая сцена заканчивается репликами хора, которые подчеркивают иронический взгляд автора на происходящее, – и двухчасовой спектакль 2000 г. партии хора тщательно воспроизводит и усиливает сценическими средствами. Мэн использовал в постановке различные музыкальные стили (поп, хэви-метал), что наряду с использованием других приемов (дебаты, танцы, язык рекламы) придает его спектаклю синтетический характер.

Уникальна сценография постановки. В первой части на сцене присутствовала огромная цилиндрическая фигура, плотно затянутая тканью. Только во второй части, когда собирались «разморозить Присыпкина», оказалось, что это макет головы Маяковского, часть которого была выдолблена и служила клеткой, а также морозильной камерой для главного героя. Эта символическая фигура не только напоминала о диалоге Мэна с его предшественниками, но и свидетельствовала, как можно предположить, об иронии современного режиссера: клоп (мещанство, слабость, лень) везде, во всех нас, даже в голове великого поэта.

Гораздо более значительные корректировки вносит Мэн во вторую часть пьесы и спектакля, где изображено гипотетическое общество «будущего». Если в оригинальной версии действие разворачивается спустя 50 лет после злополучной свадьбы и связь между частями установлена напрямую, через бывшую возлюбленную Присыпкина Зою Березкину, то в китайском ремейке все персонажи второй части являются потомками (через поколение) героев первой, хотя и выглядят так же, как их предки. Мэн Цзинхуэй редуцирует мысль об опасности мещанства для будущего, зато акцентирует внимание на бесполезности главного героя в «новом мире». Так, внучка Зои говорит Присыпкину: «Теперь ты для нас ничего не стоишь, даже маленький Баян потерял к тебе интерес» (Мэн, 2011, с. 362). В «Клопе» Маяковского главный герой уравнивается в статусе с клопом в пространстве будущего, а в ремейке он лишь донор, дающий клопу кровь, – люди нового мира приходят в зоопарк увидеть вымерший вид – клопа, «обыватель обыкновенный» для них в принципе не существует. Монолог Присыпкина в финале отражает сатиру Мэна на равнодушие и жестокость нового мира к живому человеку: «Кто сказал, что у вас нет клопов? Вы полны клопов. Вы клопы! Клопы в ваших постелях, в ваших домах. Они влезли в ваши головы!» (Мэн, 2011, с. 372). В последней сцене ремейка Присыпкин бросает «клопа» в публику, и каждый начинает лихорадочно искать насекомое на себе – финал отражает, таким образом, антиутопический пафос адаптации. Причем авторский сарказм, адресованный современности, усиливается с каждой последующей версией пьесы.

«Клоп» Мэн Цзинхуэя: 2013 и 2017 гг.

Как уже говорилось, китайский режиссер берет на вооружение призыв Маяковского переделывать его пьесу «Мистерия-Буфф» в соответствии с разными этапами революции и значимыми историческими событиями. Именно по этому рецепту строятся пьесы-ремейки на основе «Клопа» и их постановки у Мэн Цзинхуэя. Он усиливает и вербализует те смыслы, которые в ори-

гинальной версии пьесы неоднозначны и проявляются на уровне разночтений. Это касается прежде всего оценки Маяковским рационалистического общества будущего, в котором утопия едва ли не оборачивается антиутопией. Так, Е.А. Яблоков, исследуя отношение Маяковского к роману Е. Замятина «Мы», полагает, что комедиография Маяковского «идеям этого романа... все-таки противостояла» (Яблоков, 1994, с. 47). Но пьеса «Клоп», по мнению исследователя, выглядит скорее исключением из общего ряда, так как «в седьмой картине... подчеркивается демонстративно „замятинская“ деталь: стеклянные стены домов» (Яблоков, 1994, с. 47). Мэн озаглавил этот эпизод в своей пьесе подчеркнуто иронично, с отсылкой к О. Хаксли – «Дивный новый мир», что указывает на прямую связь между ремейком и антиутопической литературной традицией. В постановках 2013 и 2017 гг. Мэн изменил хронологию второй части, перенес действие в более далекое будущее (100 лет спустя) и добавил монолог Баяна в качестве интермедии между двумя частями пьесы: «Только представьте, что время – круг, вертящийся, соединяющий начало и конец, и мир всегда повторяется, без конца, без всякой разницы. Люди не знают, что им нужно начинать все сначала, бизнесмены не знают, что им придется заниматься бизнесом снова и снова, политики не знают, что в цикле времени они будут кричать на одной и той же трибуне многократно...». Этот монолог выражает пессимизм Мэн Цзинхуэя в отношении хода истории. Дизайн сцены в постановке 2017 г. показывает холодный мир технологий будущего. Цвет сцены в основном черный, тусклое неживое освещение, а электронная, «металлическая» музыка способствует созданию безэмоциональной атмосферы общества, преодолевшего человеческие страсти, а вместе с ними и собственно человечность, теплоту жизни. Концептуальна мимика и пластика актеров, совершающих, словно роботы, механистичные движения с застывшими лицами, передавая идею безличного, автоматизированного бытия.

Монолог Присыпкина, описывающий мир через 100 лет, в постановке 2017 г. закрепляет и усиливает антиутопическое звучание пьесы, напрямую перекликается с романами Д. Оруэлла, Е. Замятина и др.: «Власть может управлять чужими мыслями, разрывать связи между мужчинами и женщинами, у них будут отняты дети, как только они родятся, половые инстинкты будут полностью искоренены. Литература и искусство исчезнут из мира, и не будет разницы между красотой и уродством, люди перестанут наслаждаться жизнью, что будет противоположностью гедонистической утопии старой школы». В финале спектакля маленькая Зоя, показывая на зрителей, говорит: «Вы, вы и вы, все такие же, как я, и как он – поколение для эксперимента!» Мир будущего в постановках Мэн Цзинхуэя 2013 и 2017 гг., таким образом, более зловещ и трагичен, чем в оригинальной версии В. Маяковского, и имеет более негативную коннотацию, чем в первой версии ремейка 2000 г.

От постановки к постановке более изощренной становится режиссерская техника Мэн Цзинхуэя. Мастер не только перенимает некоторые открытия русской авангардной сцены 1920-х гг., но и использует опыт современного театра, техник и приемов последних десятилетий. Так, в спектакле 2017 г. режиссер развивает характерные для комедиографии Маяковского игровые принципы. «Народному созданию не нужны были ни пропаганда, ни мора-

лизация, народ использовал игру, опираясь на ее возможность дать простор для творческого воображения, развития интеллекта, помочь вести диалог с современниками» (Шагарова, 1994, с. 94). Мэн буквально превращает сцену «поиска клопа» в игру «мафия». Во время этого перформанса актеры сидят на полу и рассуждают, кто такой «клоп», при этом каждый из участников играет под своим настоящим именем, полностью отстраняясь от сюжета. Данная инсценировка предусматривала постмодернистскую вариативность финала мизансцены: участники либо определяли так называемого клопа, либо не могли найти его.

В китайской критике иногда выражается сомнение в «истинности» авангардизма Мэн Цзинхуэя, творчество которого популярно и, кажется, ориентировано не на оппозиционность, а на успех, а потому в него втягиваются «модные» театральные приемы и техники, в результате чего, по словам У Фэй, «авангардна только форма спектакля Мэна» (У, 2016, с. 49). Однако адаптация комедии «Клоп» в ремейке и его постановках свидетельствует о глубоком критическом осмыслении драматургом и режиссером сущности современной жизни, мира технологий и места живого человека в нем, дает нелицеприятную оценку состояния общества. И в данном случае стойкий интерес Мэна к эффектным театральным приемам и синтезированию художественных языков помогает найти адекватную форму для выражения этого актуального содержания. Несмотря на неоднозначность критических оценок творчества режиссера, общепризнано, что он «активно способствовал распространению авангардно-экспериментальной драмы, успешно донося ее концепции до зрителей» (Чжоу, 2009, с. 6).

Заключение

Драматургия В. Маяковского в Китае известна значительно меньше лирики, хотя его творчество было на пике популярности в определенные моменты китайской истории и становилось действенным фактором идеологической и культурной жизни страны. Первая публикация его пьес была осуществлена на рубеже 1950–1960-х гг., однако по причинам внелитературного характера изучение и постановка пьес советского драматурга были надолго отложены. Одним из современных популяризаторов и интерпретаторов пьес Маяковского стал режиссер и драматург Мэн Цзинхуэй, представляющий авангардно-экспериментальное крыло китайского театра. В начале века он создает ремейк пьесы «Клоп», в котором претекст подвергается модернизации на уровне хронотопа, системы персонажей, национального колорита, а также базовых идей: китайский драматург вербализует и пластически акцентирует те стороны общества будущего, которые у Маяковского представлены неоднозначно. Его ремейк и постановки разных лет определенно вписываются в антиутопический дискурс. Более того, мы отмечаем своеобразную градацию в развитии его художественного проекта: от оригинальной версии пьесы через три варианта ее адаптации (2000, 2013 и 2017 гг.) заметно усиление негативных коннотаций и нарастание критического пафоса в оценке мира технологий и отторженной человечности.

Постановка на базе современного ремейка может рассматриваться как пример межкультурного диалога через эпохи и как во многом оригинальное творчество современного художника слова и сцены. Продолжение и освоение традиций Маяковского-драматурга и опыта русского авангардного театра 20-х годов в творчестве Мэн Цзинхуэя – один из примеров развития экспериментального театра в Китае, которое начиналось с заимствования опыта зарубежных стран, но постепенно наращивает элементы китайской культуры.

Список литературы

- Гао М. Воспоминания переводчика русской и советской литературы Гао Мана о спектакле «Клоп» // Пекинская молодежная ежедневная газета. 2000, 28 ноября. [高莽: 俄苏文学翻译家高莽先生回忆《臭虫》载于北京青年报, 2000年11月28日]
- Гэ Б. Маяковский и мы // Всемирная литература. 1980. № 2. С. 284–294. [戈宝权: 马雅可夫斯基和我们载于世界文学, 1980年第2期, 第284-294页]
- Куликов В.С. Неизвестный Китай. М.: Евразия+, 2005. 377 с.
- Ма Б. «Многоцветный» клоп: рецензия на спектакль «Клоп» // Драматургия. 2001. № 6. С. 70–72. [马斌: 一只五彩斑斓的臭虫 – 话剧《臭虫》观后载于戏剧文学, 2001年第6期, 第70-72页]
- Маяковский В. Клоп. М. – Ленинград: Государственное издательство, 1929. 69 с.
- Маяковский В. Полное собрание стихотворений, поэм и пьес в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2017. 1327 с.
- Мэн Ц. Архив авангардного театра. Пекин: Изд-во писателей, 2011. 428 с. [孟京辉: 先锋戏剧档案 增补版, 北京: 作家出版社, 2011年, 428页]
- У Ф. Авангардистская поза и массовый карнавал в драматургии Мэна Цзинхуэя // Драматургия. 2016. № 8. С. 48–52. [吴菲: 孟京辉戏剧的先锋姿态与大众狂欢载于戏剧文学, 2016年第8期, 第48-52页]
- Хун Ц. Связанные с «Клопом» – Маяковский, Тянь Хань, Мэн Цзинхуэй // Сборник исследований о китайской современной литературе. 2019. № 8. С. 94–109. [洪子诚: 与《臭虫》有关 – 马雅可夫斯基, 以及田汉、孟京辉载于中国现代文学研究丛刊, 2019年第8期, 第94-109页]
- Цюй Ц. Собрание сочинений: в 2 томах. Том 2. Кайфын: Изд-во Хэнаньского университета, 2000. 600 с. [瞿秋白: 瞿秋白作品集(二), 开封: 河南大学出版社, 2000年. 600页]
- Черкасский Л.Е. Маяковский в Китае. М.: Наука, 1976
- Чжан С. Анализ особенностей социальных и культурных перемен в Китае в 1990-е годы // Вестник университета Лудонг (версия по философии и социальным наукам). 2010. № 2. С. 5–7. [张小平: 20世纪90年代中国社会文化嬗变的逻辑审视与特点分析载于鲁东大学学报(社会科学版), 2010年第2期, 第5-7页]
- Чжан Ю., Ван Ц. Восприятие и традиции Маяковского в Китае // Преподавание русского языка в Китае. 2019. № 4. С. 45–54. [张宇, 王宗琥: 马雅可夫斯基在中国的接受与影响载于中国俄语教学, 2019年第4期, 第45-54页]
- Чжоу В. Критика о китайских авангардных драмах. Пекин: Китайское издательство радио и телевидения, 2009. 192 с. [周文: 《中国先锋戏剧批判》, 北京: 中国广播电视出版社, 2009年, 第6页, 192页]
- Шагарова Л.П. Драматургия В.В. Маяковского и народный театр // Вестник Челябинского государственного университета. 1994. № 1. С. 91–98.
- Яблоков Е.А. Диалог сатириков: Михаил Булгаков, Владимир Маяковский. М.: Высшая школа, 1994. 556 с.

Сведения об авторах:

Лю Цзинлин, докторант, Нанькайский университет, Китайская Народная Республика, 300071, Тяньцзинь, шоссе Вейцзин, д. 94; стажер, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. ORCID: 0009-0005-8610-2765. E-mail: jingling94@yandex.ru

Монисова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. ORCID: 0000-0002-3072-4267. E-mail: monisova2008@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-704-711

EDN: ONUXSP

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Стихотворение В. Хлебникова «Бобэоби пелись губы...» в китайской рецепции

Ч. Лю , Н.М. Кузьмищева

*Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1*

 liuchaoooo@inbox.ru

Аннотация. На рубеже XX–XXI вв. в Китае углубляется и расширяется постижение модернистских направлений русского Серебряного века. Восприятие футуризма подвергается научному и творческому переосмыслению. Увеличивается число представителей русского футуристического течения, заслуживающих внимания китайских специалистов в переводческой, научно-исследовательской, критической деятельности. Цель исследования – изучение рецепции творчества В. Хлебникова с учетом постижения футуристической эстетики и его поэтической теории – определяет проблематику современных китайских трудов по русскому футуризму. Рассматривается теоретическая и практическая рецепции произведений В. Хлебникова в Китае, анализируется восприятие творчества В. Хлебникова двумя китайскими специалистами – Ван Цзунху (главным знатоком теории заумного языка) и Чжэн Тиу (главным переводчиком творчества поэта в Китае). Выявлена степень адекватности восприятия языковых экспериментов поэта на примере сравнительного анализа переводов стихотворения «Бобэоби пелись губы...» на китайский язык. Открытию В. Хлебникова как теоретика и основоположника русского футуризма китайский читатель обязан мастерству исследователей и переводчиков.

Ключевые слова: Китай, поэтический язык, языковой эксперимент, футуристическая эстетика, Ван Цзунху, Чжэн Тиу

Благодарности и финансирование. Статья выполнена при поддержке Китайского стипендиального совета и Стипендии правительства России.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15 июня 2023 г.; отрецензирована 2 сентября 2023 г.; принята к публикации 1 октября 2023 г.

Для цитирования: Лю Ч., Кузьмищева Н.М. Стихотворение В. Хлебникова «Бобэоби пелись губы...» в китайской рецепции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 704–711. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-704-711>

V. Khlebnikov's "Bobaobi sang lips..." in Chinese reception

Chao Liu , Natalya M. Kuzmishcheva

Irkutsk State University, 1 Karla Marksa St, Irkutsk, 664003, Russian Federation

✉ liuchaoooo@inbox.ru

Abstract. At the turn of the 20th and 21st centuries in China, the understanding of the modernist trends of the Russian Silver Age deepened and expanded. The perception of futurism is subject to scientific and creative rethinking. The number of representatives of the Russian futurist movement who deserve the attention of Chinese specialists in translation, research, and critical activities is increasing. The reception of V. Khlebnikov's work, taking into account the comprehension of futurist aesthetics and his poetic theory, determines the problems of modern Chinese studies of Russian futurism. The authors examine the theoretical and practical reception of V. Khlebnikov's works in China, analyze the perception of V. Khlebnikov's work by two Chinese specialists – Wang Zonghu (the main expert in the theory of abstruse language) and Zheng Tiwu (the main translator of the poet's work in China). Identification of the degree of adequacy of the perception of the poet's language experiments is carried out using the example of a comparative analysis of translations of the poem "Bobaobi lips sang..." into Chinese. The Chinese reader owes the discovery of V. Khlebnikov as the theorist and founder of Russian futurism to the skill of researchers and translators.

Keywords: China, poetic language, language experiment, futuristic aesthetics, Wang Zonghu, Zheng Tiwu

Acknowledgements and Funding. This paper was supported by the Chinese Scholarship Council and the Russian Government Scholarship.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 15, 2023; revised September 2, 2023; accepted October 1, 2023.

For citation: Liu, C., & Kuzmishcheva, N.M. (2023). V. Khlebnikov's "Bobaobi sang lips..." in Chinese reception. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 704–711. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-704-711>

Введение

Велимир Хлебников известен в Китае как поэт, представитель русского кубофутуризма. До сих пор творчество В. Хлебникова системно не изучалось в Китае, только некоторые китайские литературоведы, занимающиеся футуристической и авангардистской литературой, анализировали особенности его поэзии. Среди наиболее известных: Ван Цзунху, изучающий русский футуризм и авангард XX в.; Гу Юньпу, главный редактор онтологии «Избранные стихотворения Серебряного века России» (2000); Чжоу Цичао, автор книги «Исследования русской литературы Серебряного века» (2003); Чжэн Тиу, основной переводчик Хлебникова в Китае. Исследование посвящено изучению творчества В. Хлебникова двумя китайскими специалистами – Ван Цзунху и Чжэн Тиу.

По мнению Ван Цзунху, «достижения Хлебникова как футуриста-теоретика и практика в основном сосредоточены на преобразовании им языка и формы

поэзии» (*Русская литература XX века...*, 2012, с. 78). Ван Цзунху также особо подчеркивал высокую оценку Хлебникова на русской почве, обращаясь к статье Л.И. Михайлова о Хлебникове из авторитетного издания «Русские писатели: XX век: биобиблиографический словарь» (1998), черпая откуда информацию об оценках творчества поэта Н. Гумилевым. Н. Гумилев первым обращает внимание на исключительное жанровое своеобразие творчества поэта, на «теоретические исследования в области стиля и иллюстрации к ним» (Михайлов, 1998, с. 520). Изучение Хлебникова следует начинать, прежде всего, с его теоретических размышлений.

Обсуждение

Современные аспекты исследований

Главный китайский исследователь поэтической теории Хлебникова Ван Цзунху – современный ученый, профессор факультета иностранных языков Пекинского педагогического университета, работает по совместительству научным сотрудником Центра изучения русского языка и культуры, ключевой исследовательской базы по гуманитарным и социальным наукам Министерства образования Китая. Ван Цзунху является представительной фигурой в изучении литературы авангарда и русской футуристической литературы в современном Китае. Он опубликовал 34 статьи в русских и китайских журналах: «Вестник Московского государственного университета», «Наука о человеке: гуманитарные исследования», «Всемирная литература», «Российская литература и искусство» и др., написал монографии «Бунтарские страсти – экспрессионистские тенденции в русском романе первых 30 лет XX века» (2011), «Русская литература XX века: течения и направления (теория)» (2012).

В монографии «Русская литература XX века: течения и направления» Ван Цзунху описывает различные направления русской поэзии начала XX в., такие как реализм на рубеже XIX–XX вв., символизм, акмеизм, футуризм и др. В монографии есть глава, посвященная футуризму, в которой уделяется внимание жизни и творчеству В. Хлебникова, а также излагается его поэтическая теория.

Ван Цзунху представил китайским читателям основные положения теории Хлебникова, которая, прежде всего, неотделима от его познания времени. В Хлебников считает, что время есть существование, определяющее все, поэты могут создавать новое время, создавая новые слова, а создание новых слов есть создание нового мира. В. Хлебников разработал заумный язык, в котором первая согласная простого слова управляет всем словом – приказывает остальным. В. Хлебников видел миссию поэта в преобразовании мира через преобразование поэтического языка, ввел в свою поэзию большое количество бытовых терминов, диалектизмов, сам создал много новых слов. Ван Цзунху пришел к выводу, что истинное намерение Хлебникова при создании заумного языка выражалось идеей «объединения все более разобщенных людей для создания нового мирового порядка» (*Русская литература XX века...*, 2012, с. 81).

В монографии Ван Цзунху обращает внимание на книгу, выпущенную ИМЛИ РАН в 2000 г., «Русская литература рубежа веков (1890-е – начало

1920-х годов)», ответственный редактор В.А. Келдыш знакомит читателей с взглядами на особенности хлебниковского поэтического стиля: «Хлебников предпочитал „игру“ размеров; размер „прижимал“ его и раньше; его логика – это логика идеолога и практика верлибра» (Русская литература рубежа веков., 2000, с. 613). Стоит отметить, что книга «Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов)» была полностью переведена на китайский язык в 2006 г. переводчиками Гу Ю, Ван Ямином и др.

Ван Цзунху также обратил внимание на стихотворение В. Хлебникова «Заключение смехом», которое, по его мнению, является «одним из практических воплощений хлебниковской поэтической теории создания новых слов» (Русская литература XX века., 2012, с. 79). Теоретические взгляды В. Хлебникова на поэзию руководствуются идеей, что только создание новых слов может освободить поэзию от мертвого состояния.

В отличие от переводчиков Хлебникова в Китае, Ван Цзунху не стал сосредоточиваться на стихах Хлебникова, он знакомит китайских читателей с его теорией. Ван Цзунху частично перевел сборник манифестов литературных объединений Серебряного века в хронологическом порядке «От символизма до „Октября“» (2011 г., переиздание 1924 г.; «Пощечина общественному вкусу», «Слово как таковое»).

Основной переводчик произведений Хлебникова в Китае – Чжэн Тиу, профессор Института литературы Шанхайского университета международных исследований, автор 5 монографий, в том числе «Русская модернистская поэзия» (2001), более 50 статей, таких как «Русский мастер-футурист Хлебников» (1991), «Языковой эксперимент Хлебникова» (2022).

Чжэн Тиу излагает взгляды китайских исследователей на отношение Хлебникова к Первой мировой войне. Став свидетелем жестокости и абсурдности войны на поле боя, В. Хлебников начинает разрабатывать антивоенную тему в своем творчестве, в чем проявляется отличие футуризма «будетлян» от итальянского, проповедовавшего войну.

Чжэн Тиу в статье «Русский мастер-футурист Хлебников» изложил биографию поэта, дал краткое пояснение к языковым экспериментам В. Хлебникова на примере конкретных произведений в собственном переводе, таких как «Когда умирают кони – дышат...», «Заключение смехом», «Бобэоби пелись губы...», «Песнь мирязя» и др.

Он подчеркивал: «Хлебников пишет своеобразно, и его метод, и точка зрения на единство законов макро- и микромиров отличны от таковых у традиционных поэтов, он пишет с „макро“, то есть с более высокой точки зрения наблюдает мир, пишет о природе, и в конце концов все сводится к человеку, и когда он пишет о человеке, то всегда через аналогии с природой, то есть человек и природа в его произведениях неразделимы» (Чжэн, 1991, с. 28).

В. Хлебников придумал много новых слов, его поэтический потенциал находится на пределе крайнего напряжения языка. Китайские переводчики по-разному интерпретируют сочинения Хлебникова, которые невозможно унифицировать и привести к единообразию восприятия. Чжэн Тиу указывал: «Произведения Хлебникова можно рассматривать как прекрасные примеры „сопротивления переводу“ и „непереводимости“, основанные на современной переводческой теории и практическом опыте» (Чжэн, 2022, с. 287).

Хлебников также пытался добавить звука и цвета к словам, чтобы довести выразительную силу поэзии до функций музыки и живописи. Все это затрудняет китайским специалистам перевод и анализ его произведений. Приведем пример, как по-разному китайские переводчики интерпретировали стихи «Бобэоби пелись губы...».

Анализ переводов

«Бобэоби пелись губы...» – это авангардное стихотворение, как можно понять уже из его названия. Так поэт передает свое впечатление о портрете женщины, увиденном на выставке.

«Бобэоби пелись губы...» (Хлебников, 2007, с. 273)	Перевод Гу Юньпу (Избранные стихотворения..., 2000, с. 179)	Перевод Чжэн Тиу (Антология поэзии..., 2000, с. 922)
Бобэоби пелись губы,	“鲍贝奥比”, 嘴唇这么唱。 «Боббиоби», так поют губы.	“博白奥比”。嘴唇唱道, «Бобайоби». Поют губы.
Вэзоми пелись взоры,	“维埃奥米”, 眼睛这么唱。 «Вэйайаоми», так поют глаза.	“歪艾奥米”。眼睛唱道, «Вайомми». Поют глаза.
Пиэзо пелись брови	“皮埃埃奥”, 眉毛这么唱。 «Пиайайао», так поют брови.	“皮艾艾奥”。眉毛唱道, «Пиайайао». Поют брови.
Лиэээй – пелся облик,	“利埃埃奥”, 脸庞这么唱。 «Лиайайао», так поет лицо.	“利艾艾艾伊”。面颊唱道, «Лиайайайи». Щека поет.
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.	“格齐 – 格齐 – 格泽奥”, 链子这么唱。 «Гези-Гези-Гезео», так поет цепь.	“格兹格兹格泽奥”。项链唱道。 «Гезгезгезгео». Поет ожерелье.
Так на холсте каких-то соответствий	就这样, 在由某些对应构成的画布上, Таким образом, на холсте, состоящем из определенных соответствий,	如此, 在由某些相应构成的画布上, Таким образом, на полотне, состоящем из определенных соответствующих,
Вне протяжения жило Лицо.	在长宽高之外还有个脸庞。 Помимо длины, ширины и высоты, есть лицо.	在时空之外, 生活着一张脸庞。 За пределами времени и пространства живет лицо.

Оба китайских переводчика использовали метод добавления наречий, перевод Гу Юньпу: так поют губы – 嘴唇这么唱; так поют глаза – 眼睛这么唱; так поют брови – 眉毛这么唱 и др., в переводе Чжэн Тиу это видно только в китайском варианте: поют губы – 嘴唇唱道; поют глаза – 眼睛唱道; поют брови – 眉毛唱道 и др., чтобы максимально восстановить ритм оригинального произведения.

Обратим внимание на некоторые неточности в переводе. «Петься» – глагол несовершенного вида, означает «воспроизводиться голосом». Петься может песня. У Хлебникова пелись губы, взоры, брови, облик, лицо, цепь. Это нарушение привычной сочетаемости слов. В переводах же не передано преднамеренное акцентирование на неправильности (на нарушении норм речи). Переводчики попытались минимизировать эту неправильность, заменив пассивный залог в русском варианте на активный в китайском. Так стихотворение становится более удобным в восприятии.

Следует отметить, что в китайском языке различие между пассивным и активным залогами не очень четкое. «Китайские лингвисты на данный момент еще не пришли к единому пониманию категории залога, так как нет общепринятой классификации категорий глагола» (Гибкий, Супрунчук, 2021, с. 67). Это связано с разными характеристиками русского и китайского языков.

«В китайском языке пассив относится к чисто синтаксической категории. <...> В китайском языке два главных средства выражения пассива – служебные морфемы (предлоги, десемантизированные глаголы) 被, 叫, 让, 给, 为, 由, 被...所, 为...所, 让...给 и др. и служебные глаголы 受, 挨, 遭 и др.» (Ван, Бочина, 2013, с. 38). Видно, что в китайском языке пассивный залог необходимо дополнить другими словами, поэтому переводчики использовали активный залог, который более распространен и понятен читателю.

Словосочетание «пелся облик» в переводе Чжэн Тиу – трансформируется в «щека поет». Акцент сделан на частях человеческого лица, в слове же «облик» подчеркивается целостность внешнего и внутреннего: «1. Внешний вид, очертание, наружность. 2. *перен.* Характер, душевный склад (Ожегов, Шведова, 1994, с. 421). «Слова в китайском языке в большинстве случаев не имеют внешних морфологических признаков, по которым их можно было бы отнести к той или иной части речи. <...> В китайском языке имена существительные не различаются по родам, не изменяются по числам, не склоняются» (Корчик, 2013, с. 119).

Китайские переводчики расходятся во мнениях относительно перевода поэтических образов. Чжэн Тиу считает: «В стихотворении описывается портрет женщины с красными губами, голубыми глазами, черными бровями, белым лицом и золотым ожерельем» (Чжэн, 1991, с. 31). Чжэн Тиу интерпретирует стихотворение с учетом истории его создания.

Китайский переводчик произведений русского Серебряного века Гу Юньпу интерпретирует поэзию исходя из своего понимания теории Хлебникова: «Кубофутуризм использует гласные для обозначения времени и пространства, а согласные – для обозначения звука, цвета и вкуса, и странные слоги в стихах связаны с транслитерацией буквы, гласные символизируют время и пространство, а согласные символизируют цвета, выражая смысловые элементы, составляющие различные образы, которые поэт хочет выразить в своих поэтических экспериментах, но они трудны для понимания читателям» (Избранные стихотворения..., 2000, с. 179). Комментарии Гу Юньпу создают условия для более адекватного восприятия поэзии В. Хлебникова.

Переводы двух китайских авторов очень похожи. Последняя строка стихотворения при первом переводе Чжэн Тиу (2013 г.) звучала: «как вне длины и ширины». В 2020 г. на основе понимания языковых экспериментов Хлебникова, опираясь на теорию времени и пространства поэта, Чжэн Тиу изменяет перевод в книге «Антология поэзии русского модернизма», он сделал переведенную версию ближе к авторской мысли, выраженной в оригинальном произведении: «За пределами времени и пространства живет лицо». В этот раз он специально не выбрал при переводе глагол «есть», а изменил его на «жить», что увеличило подвижность изображения в тексте.

Стоит отметить, что книга «Антология поэзии русского модернизма» очень популярна в Китае, впервые она была опубликована в 1996 г. и переиздана в 2020 г. Книга состоит из трех томов: «Антология русского символизма», «Антология стихотворений русского акмеизма», «Антология стихотворений русского футуризма», которые содержат более 800 произведений 60 поэтов, в том числе В. Хлебникова, В. Маяковского, братьев Бурлюков,

И. Северянина и др. Чжэн Тиу представил в книге творчество кубофутуристов, эгофутуристов, поэтов из объединения «Мезонин поэзии» и группы «Центрифуга».

Сравним переводы последней строки стихотворения. Гу Юньпу понятие «протяжение» разложил на три измерения физического пространства – длина, ширина, высота («Помимо длины, ширины и высоты есть лицо»). Перевод не противоречит оригиналу, но при этом акцентируется отталкивание от реального физического пространства, имеющего геометрические измерения и зрительно воспринимающегося.

«За пределами времени и пространства живет лицо». Чжэн Тиу к понятию протяженности пространства добавляет длительность, реализующуюся во времени. Произведение искусства (в данном случае портрет) живет вне того времени и того пространства, когда он был создан; вне того времени и того пространства, когда его увидел Хлебников и был им впечатлен; вне того времени и того пространства, когда эти визуальные впечатления поэта преобразились в причудливые музыкальные образы. Музыка – это искусство, развивающееся во времени. То, что переводчик интерпретирует протяженность в категориях пространства и времени, оправдано и поэтической теорией Хлебникова.

Следует отметить, Чжэн Тиу обновил свою интерпретацию этого стихотворения в переизданном в 2020 г. сборнике «Антология поэзии русского модернизма». Он согласился с точкой зрения Гу Юньпу, комментировавшего поэтическую теорию Хлебникова. Чжэн Тиу воспринял сочетание гласных и согласных в этом стихотворении как китайские слоги. Он использовал метод транслитерации.

Заключение

Хлебников пытался передать суть вещей и собственные ощущения не с помощью привычных слов, а благодаря набору определенных звуков, из которых складывались совершенно непривычные слова, фразы и выражения. Такие экспериментальные авангардные произведения считаются труднопереводимыми на другие языки.

В заумном языке Хлебникова гласные играют лишь связующую роль, а значение согласных очень важно, согласная буква является носителем смысла, скрытого в корнях слов и в их звукописи. В отличие от большинства письменностей, китайское письмо состоит не из букв, а из иероглифов, хотя все чаще употребляются и различные китайские алфавиты. «Каждый иероглиф обозначает отдельный слог и отдельную морфему» (Практический курс..., 2010, с. 20). Из-за особенностей китайского языка он сильно отличается от русского по словообразованию, а языковые эксперименты Хлебникова как раз и отражаются в словообразовании и употреблении гласных и согласных в словах, китайский переводчик не может полностью передать всю красоту причудливых звуковых сочетаний поэзии Хлебникова читателям.

Переводчики используют дословный перевод, но при этом добавляют комментарии, кратко разъясняя теоретические идеи поэта и смысл произведения, чтобы китайские читатели могли лучше понять стихи Хлебникова.

Загадочная поэзия этого авангардистского автора русского Серебряного века только начинает открываться для китайской культуры, в этом громадная заслуга китайских специалистов филологов и переводчиков.

Список литературы

- Антология поэзии русского модернизма / пер. с рус. Чжэн Тиу. Шанхай, 2000. 1320 с. [郑体武译: 《俄国现代派诗选》, 上海译文出版社, 1320 页]
- Ван Ц., Бочина Т.Г. Функционально-когнитивные особенности выражения пассива в русском и китайском языках // Филология и культура. 2013. Т. 34. Вып. 4. С. 37–42.
- Гибкий П.В., Супрунчук Н.В. Сохранение эквивалентности при передаче значения категории пассивного залога с русского языка на китайский (на материале сайтов Минского тракторного завода и индустриального парка «Великий камень») // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 33. Вып. 4. С. 66–69.
- Избранные стихотворения Серебряного века России / под ред. Гу Юньпу. Гуанчжоу, 2000. 584 с. [顾蕴璞主编: 《俄罗斯白银时代诗选》, 花城出版社, 584 页]
- Корчик Л.С. Работа над грамматической темой «Имя существительное» в китайской аудитории // Полилингвильность и транскультурные практики. 2013. Вып. 4. С. 117–123.
- Михайлов Л.И. Хлебников // Русские писатели: XX век: биобиблиографический словарь: в 2 частях. Часть 1. А–Л / под ред. Н.Н. Скатова. М.: Просвещение, 1998. С. 519–526.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 421 с.
- Практический курс китайского языка: в 2 томах. Том 1 / отв. ред. А.Ф. Кондрашевский. 11-е изд., испр. М.: Восточная книга, 2010. 768 с.
- Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 958 с.
- Русская литература XX века: течения и направления (теория) / под ред. Ван Цзунху, Чжан Цзяньхуа. Пекин, 2012. 312 с. [张建华, 王宗琥主编: 《20 世纪俄罗斯文学: 思潮与流派(理论篇)》, 外语教学与研究出版社, 312 页]
- Хлебников В.В. Бобэоби пелись губы... // Поэзия Серебряного века: антология / сост. Б.С. Акимов. М.: Эксмо, 2007. 701 с.
- Чжэн Т. Русский мастер-футурист Хлебников // Изучение зарубежной литературы. 1991. Вып. 2. С. 28–34. [郑体武. 俄国未来派大师赫列勃尼科夫 // 外国文学研究, 1991 年第 2 期, 第 28–34 页]
- Чжэн Т. Языковые эксперименты Хлебникова // Мировая литература. 2022. Вып. 2. С. 276–287. [郑体武. 赫列勃尼科夫的语言实验 // 世界文学, 2022 年第 2 期, 第 276–287 页]

Сведения об авторах:

Лю Чао, аспирант, кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Российская Федерация, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1. ORCID: 0000-0002-2570-9513. E-mail: liuchaoooo@inbox.ru

Кузьмищева Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Российская Федерация, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1. ORCID: 0000-0003-4921-6243. E-mail: natashakuz@inbox.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ
FOREIGN LITERATURES

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-712-723
EDN: FYNMJU
UDC 82-1/-9

Research article / Научная статья

**Historical figures in “Fate/Grand Order”:
adapting Anastasia Romanova**

Evan Marchel Yosugandi , **Hendra Kaprisma**

Universitas Indonesia, Depok, 16424, Republic of Indonesia
 evan.marchel@ui.ac.id

Abstract. Historical events and figures tend to escape people’s memory as time goes by. In some cases, they are replaced by popular culture adaptations, e.g., video games, fiction, films, etc. Such adaptations may be beneficial to historical memory, preserving their historical models for posterity. Sometimes, adaptation become part of fictional history. “Fate/Grand Order” is a game released by Type-Moon in 2015 (Japan). Its fictional universe makes an active use of various characters of folklore and history, e.g., Joan of Arc, King Arthur, etc. The aim of the study is to examine the adaptation of Anastasia Romanova in the game “Fate/Grand Order”. The adaptation analysis scheme proposed by Linda Hutcheon, as well as the comparative method to cross-reference dialogs, illustrations, skills, craft essence in the game with photographs and biography of the real Anastasia Romanova were used. It is proved that Anastasia the Duchess of the Permafrost Empire from “Fate/Grand Order” is indeed an adaptation of the real Anastasia Romanova, the fourth daughter of the last Russian Emperor Nicolas II, although somewhat modified to match the traditional imagery of the Japanese popular culture.

Keywords: game, image, Russia, history, adaptation, character

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 3, 2023; revised September 10, 2023; accepted October 1, 2023.

For citation: Yosugandi, E.M., & Kaprisma, H. (2023). Historical figures in “Fate/Grand Order”: Adapting Anastasia Romanova. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 712–723. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-712-723>

Историческая личность в игре Fate/Grand Order: адаптация образа Анастасии Романовой

Э.М. Йосуганди , Х. Капризма

Университет Индонезии, Республика Индонезия, 16424, Денпак

 evan.marchel@ui.ac.id

Аннотация. С течением времени людям свойственно забывать о событиях и героях прошлого. Художественная литература, кинематограф и видеоигры часто адаптируют образы реальных исторических персонажей. Адаптация – хороший способ сохранить историю для будущих поколений, но иногда она становится частью художественной истории. Одним из примеров успешной адаптации исторического персонажа является игра Fate/Grand Order, выпущенная японской компанией Type-Moon в 2015 г. Ее сюжет опирается на оригинальную историю и часто включает в себя исторические или фольклорные персонажи (Жанна д’Арк, Король Артур и др.). Одним из таких персонажей является Анастасия Романова, младшая дочь последнего российского императора. Цель исследования – изучение адаптации образа Анастасии Романовой в игре Fate/Grand Order. Использовались теория адаптации Линды Хатчеон и сравнительно-сопоставительный метод, в соответствии с которым иллюстрации, «скиллы» и визуальный крафт Fate/Grand Order сопоставлялись с подлинными фотографиями и фактами биографии настоящей Анастасии Романовой. Показано, что образ Анастасии Романовой в Fate/Grand Order действительно является адаптацией реального персонажа русской истории, однако внешность персонажа этой игры подвергается некоторой модификации в связи с традициями японской популярной культуры.

Ключевые слова: игра, образ, Россия, история, адаптация, характер

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 3 августа 2023 г.; отрецензирована 10 сентября 2023 г.; принята к публикации 1 октября 2023 г.

Для цитирования: *Yosugandi E.M., Kaprisma H.* Historical figures in “Fate/Grand Order”: adapting Anastasia Romanova // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 712–723. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-712-723>

Introduction

Adapting a character from history is not uncommon: such adaptations can be found in various media, e.g., television shows, movies, music, drama, the Internet, novels, comic books, and video games (Hutcheon, 2006, p. 2). Some historical adaptations are well-executed while others fail; some are historically accurate while others not so much. The list of the most popular historical adaptations includes King Arthur, Joan of Arc, Cleopatra, etc.

Games are soft media that are not immune to historical adaptations. Game developers quite often take inspiration from prominent historical characters and events: again, some stick to historical sources while others produce historical fiction.

Historical fiction uses history as a source of reference but does not keep close to the original historical accounts about important events and people (Chapman, 2016, p. 10). *Fate/Grand Order* is a Japanese mobile game released by the Type-Moon video game company in July 2015. Originally, it started as a *Fate/Stay Night* franchise product. *Fate/Grand Order* has 27 million downloads in Japanese and 19 million downloads in English.

Fate/Grand Order uses history a selling point. Many of its storylines have roots in historical events. For instance, the first story in Section II is entitled *Orléans*. It unfolds during the Hundred Years' War between France and England, namely during the Siege of Orléans. Section II is called *Camelot* and tells the story of The Third Crusade led by Richard the Lionheart. Russia is a game setting to be found in the very first chapter of the storyline called *Fate Grand Order: Cosmos in the Lostbelt*. According to the description on the game's official US website, Lostbelt No. 1, or the Russian Lostbelt, is a parallel world of the Permafrost Empire ruled by Anastasia, Grand Duchess of the Beast Nation.

In the game, the Anastasia character is a servant to one Kadoc Zemlupus, who plans to replace the Proper Human History with its Lostbelt version. Although Anastasia takes center stage in Lostbelt No. 1, she first appears in the prologue where she commands the *Oprichniki* troops in the attack on Chaldea, a cross-platform tool for *Fate/Grand Order*. In a later episode, Anastasia the daughter of the last Russian Tsar poses as the wife to Ivan IV the Terrible under the name of Anastasia Romanovna Zakharyina-Yurieva.

Historically, Anastasia Nikolaevna Romanova was the fourth and the youngest daughter of Tsar Nikolas II. As a historical figure, she distinguished herself in popular culture due to the mystery surrounding her tragic death. Being a Grand Duchess, or a Princess, of the Russian Empire, Anastasia is, nevertheless, said to have been wild, flamboyant, extroverted, and entertaining (Rappaport, 2018; Lincoln, 1981; Riasanovsky, 2000).

Adaptation theory. This research utilizes Linda Hutcheon's theory of adaptation (2006, p. XI), which is an attempt to investigate both the popularity and the ongoing critique of the adaptation phenomenon in all its uses in various media. In video games or musicals, adaptations are likely to be perceived as flaws and substitutes that are certainly *nowhere near as good as the original*. However, L. Hutcheon also interprets adaptation as *a repetition, not a replication* (2006, p. XVI).

As a product, adaptation is a result of transposing one work (medium) to another. As a creative process, adaptation is a re-interpretation that becomes a new work. As a process of reception, adaptation is a text that enters our memory not from the original source but from a separate work, i.e., the product of adaptation.

Linda Hutcheon explains the relationship between the medium (adaptation) and the audience (viewer/reader/gamer). She derives three adaptation storytelling models: the one that tells a story (novels, short stories, etc.), the one that shows it (performance media), and the one that interacts with it (video games, amusement parks, etc.) (2006, p. XIV). She also introduces a 5W1H analysis structure that relies on five special questions: what, who, why, when, where, and how. What was adapted and what kind of adaptation pattern was used? Who did the adaptation? What was their background? What was their intention? Why did the adapter choose to make an adaptation rather than create something new? What were their causes:

economic, educational, political, etc.? How does the adaptation interact with the audience? How does it affect them? How is it received by them? When was the adaptation created? Did the historical period within which the adaptation was created affect it in any way? Where did the adaptation appear? Did the environment affect the adaptation? In this research, we focus mostly on the two first questions, i.e., the what and the why of the adaptation.

Methods and materials

Methodologically speaking, this study relied on the method of comparative literature research. Comparative literature is a branch of literary history that features de facto international intellectual relations, e.g., those that existed between poets George Byron and Alexander Pushkin. It also studies the intercultural connections between different works of art, inspirations, and biographies. According to Shunqing Cao's *Variation Theory of Comparative Literature* (2013), this branch of literary studies has three foundations. The first one he calls *doxology* and defines as an empirical study of literary relationships with empiricism as its characteristic and literary relationships with its object, i.e., from the sender, via the transmitter, to the receiver (Cao, 2013, p. 12). The second is *crenology*, which means the study of origins or sources, i.e., from the destination back to the starting point. This study traced sources of influence across borders, based on positivism studies with an emphasis on collecting, identifying, and analyzing various visual and verbal data (Cao, 2013, p. 17). The third foundation is *mesology*, i.e., the process of circulation: it examines how the methods, approaches, and media from foreign works penetrate into some other cultural space and influence the underlying causal laws (Cao, 2013, p. 20).

Results and discussion

Adaptation vs. its source: differences and similarities

Anastasia Nikolaevna Romanova is a character in the game universe of *Fate/Grand Order*. She is the Grand Duchess of the Beast Nation in the alternative world of Lostbelt No. 1. The timeline loosely coincides with the year of 1570 of the Proper Human History, and the Permafrost Empire is an adaptation of Tsarist Russia. The character of Anastasia was developed by an illustrator who calls themselves SIME.

Figure 1 illustrates the character profile published on the official US game website. The Anastasia of the *Fate/Grand Order* is an adaptation of Anastasia Romanova (1901–1918), the youngest daughter of Nikolai II, the last Emperor of Russia from the Romanov Dynasty. According to her profile on the game website, the real Anastasia *was caught up in the tumultuous conflict of the Russian Revolution, and was killed at Ipatiev House along with her family, servants, and even pets*. The description emphasizes the ordeal the real Anastasia experienced at the end of her life.

According to the character's card, her special skill is called *Schwipsig*. The Anastasia of the game shares this skill with another character, Viy: *Schwipsig* allows Anastasia to produce *little impossibilities* and small acts of mischief, e.g., creating small cracks for someone to trip over, snatching objects out of people's hands, etc. The skill has little effect and cannot inflict serious harm.

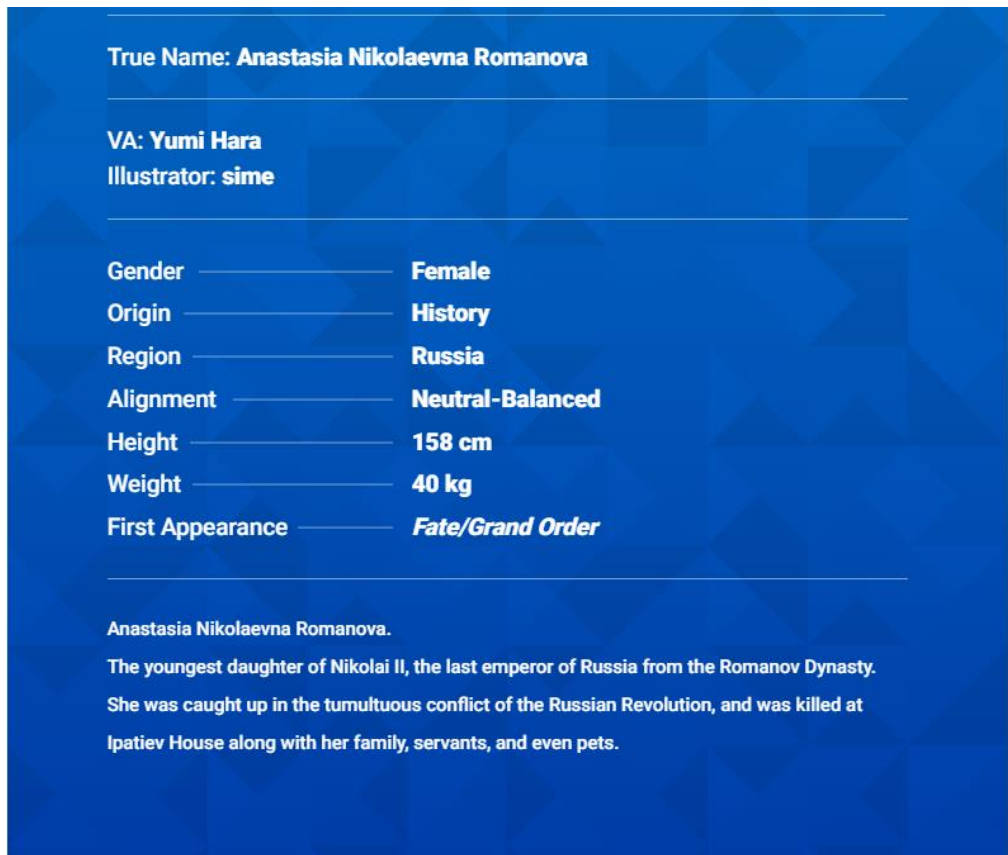

Figure 1. Anastasia's profile on the fate-go.us website

Source: Fate/Grand Order. (2018). Retrieved from <https://fate-go.us/>

In fact, *Schwipsig/Švibzik* (colloquial Russian: *naughty cutie*) is believed to have been a pet name of the real Anastasia derived from her unruly personality in childhood. Historical accounts indeed describe Anastasia as a cheerful and mischievous child¹. Her mischievous nature was evidenced by I. Vorres (1965, p. 103) in a book about the last Russian Grand Duchess, Olga Alexandrovna. According to the latter, Anastasia was “*a Shvipsik indeed*”: *As she grew older, she developed a gift for mimicry. Ladies who came to see my sister-in-law never knew that somewhere unseen in the background, their Empress's youngest daughter was watching every movement of theirs, every peculiarity, and later it would all come out when we were by ourselves. That art of Anastasia's was not really encouraged, but oh the fun we had when we heard duplicated the fat Countess Kutuzova, one of my mother's ladies-in-waiting, complaining of a heart attack brought on by the appearance of a mouse. Very naughty of Anastasia, but she was certainly brilliant at it!*

In connection with Anastasia's nickname, H. Brewster (1999, p. 23) also quotes from the memoirs of Petr Vasilyevich Petrov, Anastasia's French teacher: *She was the imp of the whole house and the glummiest faces would always brighten in her presence, for it was impossible to resist her jokes and nonsense.*

¹ Anastasia Romanova: The Mystery of the Grand Duchess. (2008, June 7). *RIA Novosti*. Retrieved April 7, 2023, from <https://ria.ru/20060618/49669714>

Illustration

Fate/Grand Order gives three illustrations of the Anastasia personage with some additions and changes to her clothing and appearance. The images bear some resemblance with the real Anastasia: indeed, the dresses are similar to those in some photos of the real Anastasia as a child. For instance, we see a red ribbon which in fact is part of the Order of St. Catherine medal given to all princesses of the Romanov dynasty. The Anastasia of the game is also wearing a hat similar to that which was part of formal attire preferred by Russian novel ladies in the early XX century.

However, the adaptation has a different hair color. The real Anastasia had brown hair while the Anastasia of the game has white hair. It is not a coincidence: Japanese games and animations traditionally mark Russians with white hair. Also, the Japanese culture associates white with priests and brides: it symbolizes the spiritual and physical purity of the gods. The white hair might also be connected with the cold Russian climate: melanin deficiency may presumably result in hair bleaching.

The addition, the Anastasia of *Fate/Grand Order* is accompanied by a shadow hand which represents a mythical creature called Viy, first introduced by Nikolai Gogol in his short story of the same name (1835). In the original short story, the author described the Viy character as the king of dwarves. In *Fate/Grand Order*, Viy is introduced as a spirit-companion of the Romanovs and the source of Anastasia's magic.

Section X of the storyline opens with an illustration of eight soldiers looking at the player (Figure 2). The eight soldiers are an adaptation of the executioners who shot Anastasia and her family. In Dialog 1, Anastasia reminisces: *I could always hear this voice, whether I was playing a prank or climbing tree.* (This is how she first encountered Viy.) The line corresponds to the nature of the real Anastasia, who often climbed trees and refused to come down, tripped up servants, teased her teachers, etc. Dialog 2 continues as follows: *The soldiers hacked my body to pieces. Then they burned me, and buried my ashes.* Obviously, this line is an adaptation of the events that took place after Jakov Jurovskij and his men shot the Tsar family: they burned and buried the bodies of the Romanovs in a nearby forest. The victims were brought into a forest where their bodies were stripped naked and their clothes were burnt. When Jakov Jurovskij wanted to bury the corpses, he realized that the mine he intended to dump them in was too shallow. He took the last resort in destroying the corpses with rifle butts, dousing them with sulfuric acid, and burning them with gasoline. Although this adaptation of the Ipatiev House incident is quite faithful, it involves the Viy character, the Romanov guardian creature: *Gunshots rang out, after which there were only soldiers surrounding Anastasia. The pain in her body soon became pleasure, and Anastasia vowed to kill them. Suddenly she heard a voice that she had heard many times as a child. This is where Anastasia met Viy.*

In Figure 3, the Sherlock Holmes character explains that *in the year before her death, famine plagued all of Russia as a result of the ongoing first world war.* The events in the game are true to the fall of the Romanov dynasty in the Proper Human History due to the Great War, which led to food shortages in 1917. All resources, production, and transportation were diverted to the needs of the war, resulting in an inadequate supply for the civilian economy. As a result, many people from consuming regions migrated to producing regions, i.e., from large cities to the countryside within one region or from one region to another.

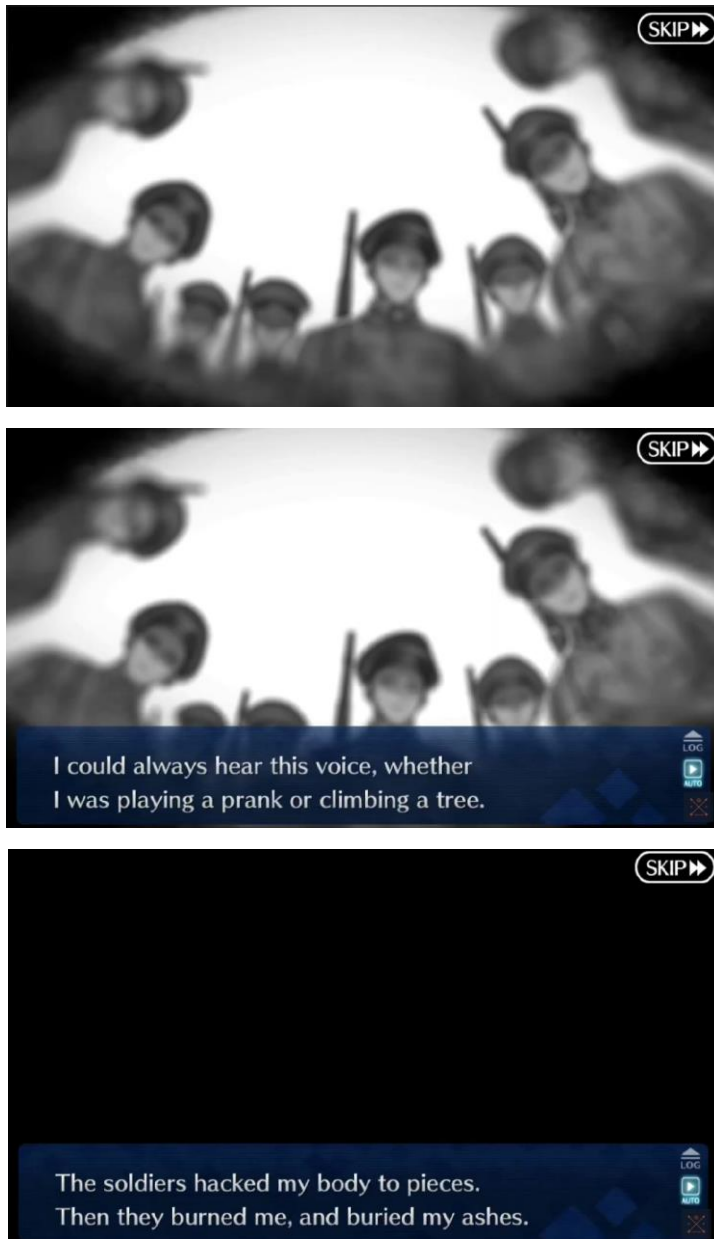

Figure 2. Section X of Grand Duchess Anastasia

Source: Fate/Grand Order. (2018). Retrieved from <https://fate-go.us/>

Sherlock Holmes says that *the new Leninist administration feared that the Czechoslovak Legion or the White Army would try to reinstate the Tsar family by force, and decide to have them execute*. This explains the murder of the Romanov family and who ordered it. The Bolsheviks indeed feared that the White Army or the Czechoslovak Legion would restore the monarchy on behalf of Tsar's loyalists. However, Lenin's administration did not give the order to execute the Romanovs. In fact, it came from the Ural Soviet, i.e., the Ural regional council, which was controlled by the Party of Social Revolutioners. They reasoned that, as long as the Romanovs were alive, there would always be a risk of counterrevolution from

the royalists. The assassination of the Romanov family symbolically destroyed the old Russian power, thus putting an end to the imperial era and commencing a new one².

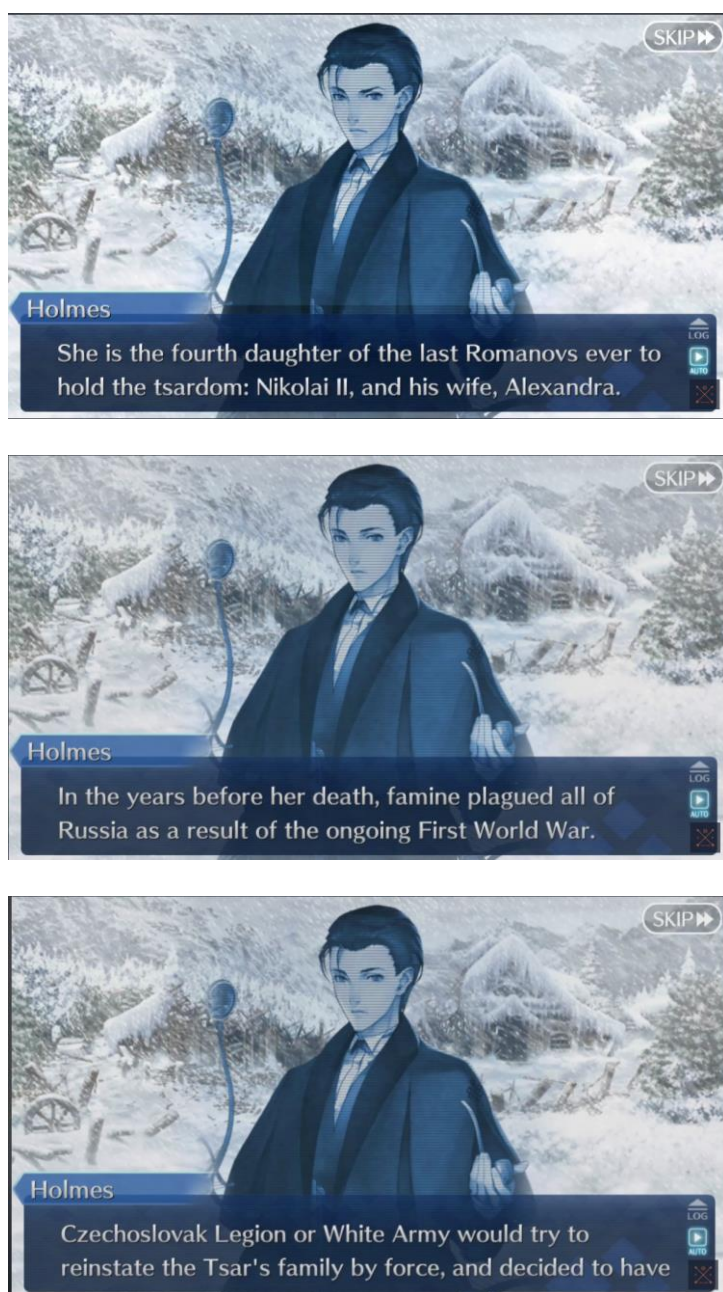

Figure 3. Section XV of Grand Duchess Anastasia, pictures 17–19

Source: Fate/Grand Order. (2018). Retrieved from <https://fate-go.us/>

² From the archive, 22 July 1918: Ex-tsar Nicholas II executed. (2015, July 22). *The Guardian*. Retrieved March 18, 2023, from <https://www.theguardian.com/world/2015/jul/22/tsar-nicholas-executed-1918>

Figure 4. Section XXII of Grand Duchess Anastasia

Source: Fate/Grand Order. (2018). Retrieved from <https://fate-go.us/>

Section XXII tells an important story that reveals the role of Anastasia in *Fate/Grand Order* master plan (Figure 4). In this section, the characters of Beowulf, Atalanta, and Anastasia defeat Ivan the Terrible. The deposed Tsar asks for the names of the people who overthrew him, and Anastasia introduces herself as *Anastasia Nikolaevna Romanova*. Ivan the Terrible defines her as *a servant from proper human history... and one who bears the same name as my beloved empress*. Although Anastasia shares the same name with Ivan's wife, she is a descendant of the Romanov dynasty that came to power after the Rurik dynasty: *I am a descendant of the Romanov dynasty, who reigned over Russia after you*. In our reality, the Romanovs succeeded the Rurik dynasty when Mihail Romanov came the Tsar of All Russia in 1613.

OTMA craft essence

Craft essence is an important part of *Fate/Grand Order* game. It is available at Bond Level 10: it is a card that can be used to give extra power to the servant characters. Craft essence can be obtained through summoning or events. For the Anastasia character, the craft essence is encoded as OTMA, after the initials of the four Great Dutchesses: Olga, Tatiana, Maria, and Anastasia. It is a collection of photos of Anastasia and her family.

Figure 5. OTMA craft essence vs. historical image, illustration 1

Source: *Fate/Grand Order*. (2018). Retrieved from <https://fate-go.us/>; OTMA's Camera. (n.d.). *Tumblr*. Retrieved May 10, 2023, from <https://otmacamera.tumblr.com/tagged/Maria%20Nikolaevna%20Romanova>

The OTMA adaptation in Figure 5 is similar to the original photograph of Anastasia taken while on vacation in the Livadia Palace in March 18 – May 25, 1912. Both pictures show a young girl proudly displaying a painting she has made. The Livadia estate was one of Emperess Aleksandra's favorites because of its beautiful scenery. According to *The Romanovs: Autocrats of All the Russias*, the imperial family left their residence in the Tsarskoye Selo near St. Peterburg for the Livadia Palace in the late March of 1909. H. Brewster (1999, p. 28) also

quotes a letter that the real Anastasia Romanova wrote to her French teacher Peter Petrov from the Levadia Palace: *Marie and I spend every evening with Aunt Olga and we paint a lot... Aunt Olga is so dear, kind, and cheerful, you must be envying me. There are a lot of roses here and other flowers too. I painted with oils and it came out very nicely.*

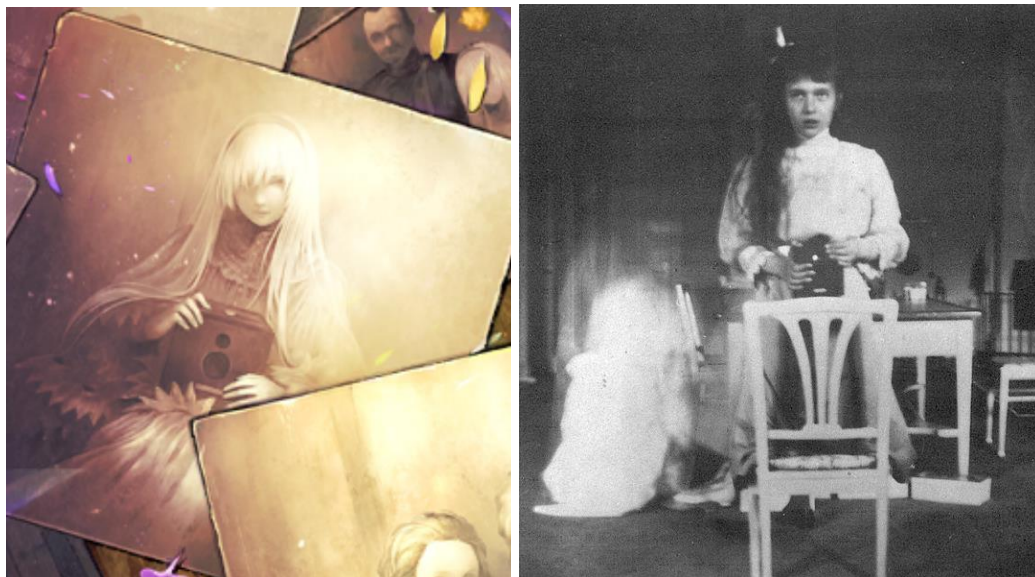

Figure 6. OTMA craft essence vs. historical image, illustration 2

Source: Fate/Grand Order. (2018). Retrieved from <https://fate-go.us/>; Romanova, 2017.

Figure 6 demonstrates another OTMA adaptation of a historical photo. The source picture is, in fact, Anastasia's selfie photo she took when she was 13 years old. The Princess used her new Kodak Brownie and a mirror, the fact she reported in a letter to her friend: *I took a picture of myself looking at the mirror. It wasn't easy because my hands were trembling*³. This photo is considered the first selfie in the Russian Empire, and also among the first selfies in the world taken by a teenager.

Conclusion

The visuals and texts from *Fate/Grand Order* prove that the game adaptation of Tsar Nicolas's youngest daughter deviated from its historical model. However, the character of Anastasia was to a great extent inspired by the original story of Anastasia Romanova, which is clear from the illustrations, dialogs, skills, and craft essence pictures.

The 5W1H adaptation analysis confirmed that the real Anastasia Nikolaevna Romanova was the source of the Anastasia character in *Fate/Grand Order*. The visual images of Anastasia the Grand Duchess of the Beast Nation were definitely inspired by particular photographs from the imperial family collection. Although the numerous historical references make the Anastasia of the game an obvious adaptation of

³ In Borjomi, the selfie of Grand Duchess Anastasia Romanova was "revived". (2017, February 14). *Sputnik Georgia*. Retrieved February 14, 2023, from <https://sputnik-georgia.ru/20170127/V-Borzhom-i-ozhivili-selfi-velikoj-knjazhny-Anastasii-Romanovoj-234669999.html>

the real Russian Princess, the game character was formatted in line with the stereotypical depiction of Russian characters in Japanese popular culture. The adaptors chose to use an adaptation rather than create an authentic character because the Anastasia of the game continues the long list of other character adaptations in *Fate/Grand Order*, e.g., Ivan the Terrible.

The choice also could be explained by purely economic reasons: Anastasia's adaptation based on the mischievous and tragic historical model is attractive enough to encourage players to spend their money to get this character. Also, the character is an effective story support: Anastasia's storyline serves as a plot filler for the Lostbelt No. 1 plot, which unfolds against the background of Ivan IV's rule. Finally, in spite of Japan being home to 10,000 Russians, Russia has always remained an enigma in Japanese games and anime. As a result, Russian historical figures have become commonplace in Japanese popular culture.

References

- Brewster, H. (1999). *Anastasia's album: The last Tsar's youngest daughter*. Little, Brown and Company.
- Cao, S. (2016). *The variation theory of comparative literature*. Springer.
- Chapman, A. (2016). *Digital games as history: How videogames represent the past and offer access to historical practice*. Routledge.
- Hutcheon, L. (2006). *A theory of adaptation*. Routledge.
- Lincoln, W. (1981). *The Romanovs: Autocrats of all the Russians*. Dial press, Penguin Random House.
- Rappaport, H. (2018). *The race to save the Romanovs: The truth behind the secret plans to rescue Russia's imperial family*. Random House.
- Riasanovsky, N.V., & Steinberg, M.D. (2000). *A history of Russia*. Oxford University Press.
- Romanova, A.N. (2017). *The first selfie: The autobiography of Grand Duchess Anastasia of Russia*. Createspace Independent Publishing Platform.
- Vorres, I. (2001). *The last Grand Duchess: Her Imperial Highness Grand Duchess Olga Alexandrovna, 1 June 1882 – 24 November 1960*. Toronto: Key Porter Books.

Bio notes:

Evan Marchel Yosugandi, fourth-year student, Faculty of Humanities, Universitas Indonesia, Depok, 16424, Republic of Indonesia. E-mail: evan.marchel@ui.ac.id

Hendra Kaprisma, Doctor of Literature Studies, Faculty of Humanities, Universitas Indonesia, Depok, 16424, Republic of Indonesia. ORCID: 0000-0001-6569-2245. E-mail: kaprisma@ui.ac.id

Сведения об авторах:

Йосуганди Эван Марчел, студент 4-го курса, факультет гуманитарных наук, Университет Индонезии, Республика Индонезия, 16424, Депок. E-mail: evan.marchel@ui.ac.id

Капризма Хендра, доктор литературоведения, факультет гуманитарных наук, Университет Индонезии, Республика Индонезия, 16424, Депок. ORCID: 0000-0001-6569-2245. E-mail: kaprisma@ui.ac.id.

ЖУРНАЛИСТИКА

КОНФЛИКТ И МЕДИА В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОРЫВЫ

JOURNALISM

CONFLICT AND MEDIA IN THE NEW REALITY:
THEORETICAL BREAKTHROUGHS

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-724-733

EDN: KSOSPX

UDC 316.48

Research article / Научная статья

Media conflictology as a field of research: working out theoretical approaches

Elena L. Vartanova , Denis V. Dunas

*Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation*

 eva@smi.msu.ru

Abstract. The authors discuss both the main approaches in existing media and conflict studies that examine the relationship and interaction between media and conflict, and using theoretical mapping construct the media conflictology as a field of knowledge. The conceptual blocks of media conflictology as an integral field of research are defined and its structure is proposed. Thus, media conflictology as an emerging field of research includes the study of groups involved in media conflict, counting various Internet communities and other subjects of media communication; the stages of conflict represented in the media and the influence of media communication on the “life cycle” of conflict; the totality of the causes of media representation of conflict, with political, ideological and ethno-cultural factors; the analysis of the external context of conflict representation in the media, as well as the national media system, politics and regulation, communication culture and axiological aspects of conflict. A key feature of media conflict studies is the focus of academic attention on media representations and media effects of conflicts, rather than on the conflicts themselves.

Keywords: conflict, crisis, media studies, research field

Acknowledgements and Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation (project number 22-18-00225).

Author’s contribution. *Elena L. Vartanova* – development of the research concept and research program, text editing, *Denis V. Dunas* – collection and analysis of material.

© Vartanova E.L., Dunas D.V., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted July 3, 2023; revised August 2, 2023; accepted August 31, 2023.

For citation: Vartanova, E.L., & Dunas, D.V. (2023). Media conflictology as a field of research: Working out theoretical approaches. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 724–733. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-724-733>

Медиаконфликтология как область исследований: выработка теоретических подходов

Е.Л. Вартанова , Д.В. Дунас

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1

 eva@smi.msu.ru

Аннотация. Рассматриваются основные подходы к медиаконфликтологии в исследованиях, изучающих взаимосвязи и взаимодействия медиа и конфликта, и предпринимается попытка «теоретического картирования» медиаконфликтологии как области знания. Определены концептуальные блоки медиаконфликтологии как целостного поля исследований и предложена ее структура. Так, медиаконфликтология как формирующаяся область исследований включает изучение групп, вовлеченных в медиаконфликт, в том числе различных интернет-сообществ и других субъектов медиакommunikации; стадий конфликта, представленных в СМИ, и влияния медиакommunikации на «жизненный цикл» конфликта; совокупности причин медиарепрезентации конфликта, включая политические, идеологические и этнокультурные факторы; анализ внешнего контекста репрезентации конфликта в СМИ, в том числе национальной медиасистемы, политики и регулирования СМИ, коммуникативной культуры общества, а также аксиологического аспекта конфликта. Ключевой особенностью медиаконфликтологии является то, что, в отличие от конфликтологии, в центре академического внимания находятся медиарепрезентации и медиаэффекты конфликтов, а не сами конфликты.

Ключевые слова: конфликты, кризисы, медиаисследования, конфликтология, исследовательское поле

Благодарности и финансирование. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00225).

Вклад авторов. Е.Л. Вартанова – разработка концепции и программы исследования, редактирование текста. Д.В. Дунас – сбор и анализ материалов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 3 июля 2023 г.; отрецензирована 2 августа 2023 г.; принята к публикации 31 августа 2023 г.

Для цитирования: Vartanova E.L., Dunas D.V. Media conflictology as a field of research: working out theoretical approaches // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 724–733. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-724-733>

Introduction

Conflicts, crises, and confrontations of various kinds are traditionally key events in media news agendas attracting much interest of media audiences. In 2023, the audience interest to conflicts covered by media appeared as a top priority in 67 countries around the world, which might be explained by numerous confrontations, wars, and crises of different levels in these or neighboring states together with many countries' involvement in conflict resolution in regions of the world. In addition, the dynamics of web activity throughout the year remained unchanged, confirming the stability and resilience of users' interest in media representations of conflict¹.

In today's digital communication environment, the nature of media and conflict interactions and interrelations is complex and diverse, since media as a social space, public sphere and powerful industry could simultaneously act as a part of the conflict, its initiator, a collaborator, a mediator in the conflict, its organizer, and even a conflict booster (Budka, Brauchler, 2020).

The study of media and conflict mutual influences and interrelations were primarily based on the analysis of media impact on international armed conflicts, which in the digital era might result into a hybrid nature of information and psychological wars, complication of the conflict and its multi-level interaction with legacy and digital media (Bodrunova et al., 2019). Nowadays the scope of research has been broadened and analyses the variety of conflict types, their levels, formats and duration of their representations (Labush, Puyu, 2019; Baychik, 2020).

During the period from 2014 to 2021, 128 articles in 19 top Russian academic journals included into High Attestation Commission and the core of Russian Citation index were directly related to this subject area, and this confirms the emergence of an independent academic discourse. Although it was less than 2 per cent of articles published, the number proves to be visible. The structure of the discourse might be described by several variables including types of conflicts represented, common themes of conflict and methodological approaches used by media scholars (Vartanova et al., 2022).

The research questions of the article are the following:

Q1: What are the main approaches in existing research to interrelations and interactions of media and conflict?

Q2: What conceptual blocks of media studies can be included in the structure of theoretical knowledge in media conflictology and vice versa?

Interaction of conflicts and media: a media-centric perspective

The theoretical study of conflict in the contemporary science is based on the assumption that conflict is an integral part of social development (Dahrendorf, 1994). In recent decades the emergence, development, regulation and resolution of social conflicts have been strongly affected by mass media and new social media that through conflict representations are growingly changing its course, scope, social effects and even its nature.

¹ Google Trends. (2023). *Conflict*. Retrieved June 26, 2023, from <https://trends.google.ru/trends/explore?q=conflict&hl=ru>

The rise of social media has led to a complication of media systems and dramatically changed the nature of public communication. Diversification of non-institutionalized media structures, an increase in the number of producers and distributors of content, emergence of active audiences, complication of social media effects upon societies – these are numerous consequences of the rise of social media as a new domain of public life (Vartanova, 2022).

This results in a new social, cultural and generational dynamics, which reflects contemporary social and technological complexity, leading to clashes of norms and values of different audience groups in the modern media environment. Media communications are becoming a new space for the generating and functioning of conflicts, and more subjects than ever are being involved simultaneously including:

- 1) institutionally organized legacy media who set the news agenda for a society according to their professional mission;
- 2) new social media companies/actors which appear in the social media as ‘new professionals’ producing content in traditional journalistic and new multimedia formats with no clear ethical standards;
- 3) social media audience, e.g. citizens who suffered in conflicts or were witnesses, observers of the conflict.

Studies of multidimensional and multifaceted interactions of media and conflict are conducted in three main areas. The first area is the analysis of information provision role traditionally played by media. The media inform society (and its audience) about the conflict in the process of its mediation by implementing a socially oriented normative approach (McQuail, 2013). Ethical norms and professional codes remain an invariable social obligation in media conflict studies.

The second area involves the research in the mediatization theory framework. In the context of the increasing mediatization of society, both the traditional and social media, are acquiring an increasingly independent role, turning into full-fledged accomplices, co-designers, co-organizers, even instigators of the conflict, becoming the environment of its existence. This feature of modern media communication, which itself becomes a space of conflict, turns the media not just into an information tool, but into a full-fledged subject of conflict, capable of strengthening or weakening its development (Smirnova, Shkondin, 2021; Couldry, Hepp, 2017).

Following the critical tradition, some media researchers describe the media as an instrument for suppressing or catalyzing social conflicts, and the representation of social conflicts arises as a result of power relations, since the media influence how resources are distributed in society (Entman, 1993). Thus, the media can be seen as agents acting in the interests of certain beneficiaries, and various biases or distortions observed in the content do not stem from the commitment of journalists to different political ideologies, but result from the fact that media could be used to control the political narrative. Under certain circumstances, using a specific set of rhetorical and expressive means, the media turn into initiators of conflict, intentionally portraying some events as conflicts, using the so-called frame of the conflict (Ndinojuo et al., 2020).

On the contrary, in the normative theories there is a clear need for media acting in the conflict as a moderator and “therapist”. Such approaches represent a logic according to which media, citizens, and authorities should not act as par-

ticipants in the conflict, but contribute to its settlement (Baychik, 2020). This is consistent with the approach to mass media as a platform for public discussion, aimed to highlight and harmonize different opinions and interests in accordance with moral principles (Habermas, 2006).

Developing analysis of media participation in conflict in a normative way, some theories suggest that media not only perform the function of mediation and harmonization, but also take a more active position, being directly engaged in the resolution of social contradictions. Thus, the media might promote harmonization during the pandemic and the social conflicts generated by it (Jamil et al., 2022). Ideas of this kind have taken shape in the concepts of constructive journalism and decision/solution journalism (Aitamurto, Varma, 2018).

The third area represents the complex field of new media research characterized by its own dynamics. The digital media have turned into an independent environment of generating those conflicts that were initially absent or latently present in the social environment, but as a result of changes in media consumption/media activity of the audience have acquired new manifestations, status and subjectivity (Vartanova et al., 2022). This is due to specific ability of social media to form environmental and spatial characteristics in the virtual space according to the type of social system. As a result, the virtual space generates self-referential entities, among which might be distinguished as conflicts born in a virtual mediatized environment, extrapolated at the same time into the physical space of a real society.

The identification of the interrelationships of media and conflict gives reason to talk about such an important dimension of conflict as its multilevel and multidimensional nature. Conflict in modern society is not only a war or an armed confrontation covered in the media, but also conflicts between opposing political and social groups and individuals, their interests and values, which find a very different understanding in the communication system of modern society (Vartanova, 2022; Ugwoke, Erubami, 2021). Various types of media communications often, if not always, act as a connecting static element or dynamic driver of a social conflict, its escalation or/and regulation, resolution, performing an intermediary role inherent in their nature.

The significance of roles played by media in the development of conflicts is directly related to the structure and nature of the media itself. The role of the media in covering a conflict is an integral concept that involves a number of external and internal factors as well as conflict variables. Following Lasswell's classic communication model, one might try to describe the role of different elements of the communication chain in a conflict representation. Elements of communication model chain, e.g. "message sender", "mediation channel", "message", "message recipient", and "effect", in the context of conflict representation acquire a certain specificity. They might be used to analyze how conflicts' representations are created and by whom, which interests they represent, how they are disseminated and perceived by different social groups. In addition, this model needs to pay a particular attention to a specificity of a national media system, since conflict is usually a rather contextual phenomenon, existing in certain geopolitical and cultural circumstances.

For the Russian media system, the following variables and factors are of a particular importance:

- the type of medium (print, broadcasting including TV or radio, online);

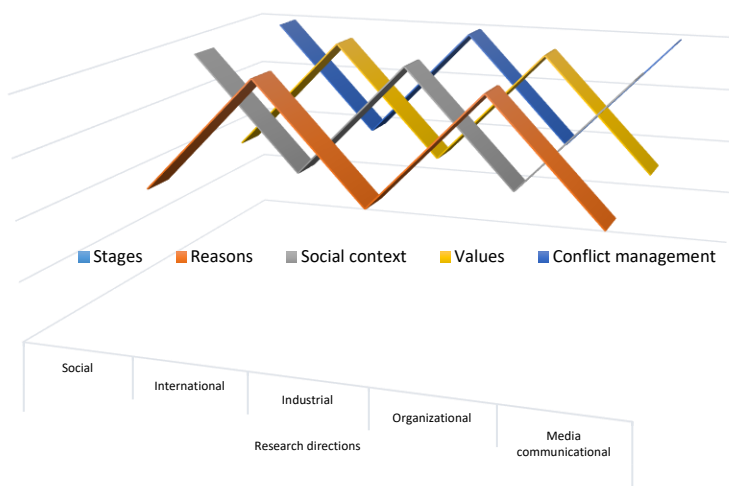
- its legal and industrial state (institutionalized as mass medium, e.g. registered by authorities or as media company or not);
- its ownership status (state-owned, private or public);
- content quality (quality, popular, niche, etc.);
- the linguistic peculiarities of language in creating the media representation;
- its major audience targeting (mass interest, elite oriented, special interest, B2B, etc.).

As a result, media representations of a conflict generate the public knowledge about the conflict, especially for those not involved into it, defining further communication and public consequences of a conflict. As many scholars argue, audience effects are related to media representations, and the study of audiences and their reactions are directly related to the study of media representations (Yakova, 2021).

Towards a frame of media conflictology

Interrelations and interactions of media and conflict have emerged as a new multidisciplinary junction in the contemporary humanitarian research to analyze broad and diverse social and personal consequences that are produced by conflict media coverage. The new field of research is arising from the monitoring and analysis of media content representing and analyzing conflicts, but beyond this there appear studies of forms, instruments, factors, roles, social and individual effects of conflict media coverage. The development of the structure and basic approaches to conflict media representations might allow to systematize the knowledge accumulated in such fields of research as conflictology, media studies, political science, sociology, history, linguistics, etc. and to develop a unified methodological approach to the analysis of media conflicts.

Studying mediatization of conflicts might help to understand how media influence public opinion, political processes and social phenomena, public and private communication through mediatization of the most difficult issues of the social life.

Mapping research directions of conflict studies

Conflict studies initially had not implemented the media communication perspective. However, it came clear that together with the growth of conflict media representations it is precisely ‘media and conflict’ perspective that qualitatively differently reveals the involvement of different audience groups in the development and resolution of conflict, and influences the stages of escalation in the media space, including the reasons determined by media factors, mediated social contexts, media audiences polarized values, and ways of managing the conflict, taking into account its life cycle in the media environment. Thus, a full-scale media communication analysis of conflicts appears to be an important component of modern social conflicts. Based of broad sociological perspectives, it might be possible to identify several basic reasons to formulate theoretical grounds of media conflictology (Figure).

Firstly, it is the study of groups involved in media conflict. These include all types of mediatized groups and communities, such as the audience of institutionalized and non-institutionalized media, various online communities, users of social networks, and other media communication agents.

Secondly, it is the study of the stages of media conflict. The effects of media communication are manifested at different stages of the “life cycle” of the conflict (origin, escalation, development, de-escalation, re-escalation, regulation, resolution), and the very concept of the “life cycle” can be considered the subject of media conflict studies. We propose to consider media representations of conflict as the object of study in media conflict.

Thirdly, it is the complexity of the conflict media representation as a research subject in which media content is studied through the lenses of acting factors, context and consequences of the conflict. The political, ideological and ethno-cultural “parallelism” of media (mass media, journalism) and conflict have a potential impact on the emergence and development of conflicts, explaining its causes, as well as the advertising business model of media, which contributes to the development of the conflict.

Fourth, it is needed to analyze the context of the conflict representation in the media, which includes current contexts of the national media system, media policy and regulation as well as traditions of the communication culture of society, especially in the context of global media environments and geopolitical trends in the development of blocks of countries and their information and communication space.

Fifth, the axiological aspect of media conflict is becoming more important, especially from the point of interaction of professional journalistic ethics, social responsibility of journalism, the values of freedom of speech and respect for the audience as key aspects, as well as their interaction with traditional values for the nation and culture.

Sixth, the knowledge of conflict management and forecasting should become a structural component of theoretical knowledge about the conflict media representation. The system of media regulation, including legislative regulation, self- and co-regulation of media, as well as editorial standards are of great importance for the regulation of conflicts in the information space. Understanding the content strategies of media representations of the conflict will help to predict its further development.

Accordingly, the media are included in all stages of the “life cycle” of the conflict, and digital media communications become a space and a form of conflict existence due to the tools of its media representation, causing either new rounds or resolution of the conflict. Analysis of the media, their strategies, functions/roles, discourse and effects might become a new field of knowledge about conflict itself.

Conclusion

The research of interactions and interferences of media and conflict, the roles of media played in the representation of social conflicts, the nature, meanings, values and more broadly the effects of media representations of conflict upon the society are nowadays a growing and broadening multidisciplinary area. Though it does not yet have systemic characteristics and is limited to the analysis of individual sides of the phenomenon and to particular methodologies and research procedures, it is evident that the research of conflict representation, conflict mediatization and effects of these processes on the functioning of society and audience behavior has a potential to become a separate field, integrating traditional conflict studies, journalism theory and media studies.

Responding to research questions, it might be concluded that while media scholars still view media roles from traditional angles, their understanding in the conflict coverage needs more detail and precise knowledge of the media communication chain, its specificity and complexity when representations of conflict are perceived. Moreover, the impact of contexts and external factors coming from macro- (society) and meso – (media system) levels on media coverage of conflict might define the nature and stages of conflict life cycle in a greater degree that it was done before.

The area of media conflictology might integrate the study of: 1) groups involved in media conflict and affecting media message production; 2) the position and status of media channels in the structure of the media system; 3) reasons and factors of conflict media representations, including political, ideological, and ethno-cultural ones; 4) language of conflict representations explored through the lenses of national media systems, media policy and regulation, and communicative culture of society; 5) the axiology of media conflict from the perspective of both the professional journalist corporation and the audience values; 6) the perspective of managing conflict in the media environment.

Digitalization of media would definitely broaden the space of conflicts representations and expand the emerging research area.

References

- Aitamurto, T., & Varma, A. (2018). The constructive role of journalism: Contentious meta-discourse on constructive journalism and solutions journalism. *Journalism Practice*, 12(6), 695–713. <https://doi.org/10.1080/17512786.2018.1473041>
- Baychik, A.V. (2020). *Mass media. Values. Conflict*. St. Petersburg: RKhAH Publ. (In Russ.) *Байчик А.В. Массмедиа. Ценности. Конфликт*. СПб.: РХГА, 2020. 248 с.
- Bodrunova, S.S., Blekanov, I., Smoliarova, A., & Litvinenko, A. (2019). Beyond left and right: Real-world political polarization in twitter discussions on inter-ethnic conflicts. *Media and Communication*, 7(3), 119–132. <https://doi.org/10.17645/mac.v7i3.1934>

- Budka, P., & Brauchler, B. (Eds.) (2020). *Theorising media and conflict*. New York: Berghahn.
- Couldry, N., & Hepp, A. (2017). *The mediated construction of reality*. Cambridge: Polity Press.
- Dahrendorf, R. (1994). Elements of social conflict theory. *Sotsiologicheskije Issledovaniya*, (5), 142–147. (In Russ.)
Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
- Entman, R.M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>
- Habermas, J. (2006). *Moral consciousness and communicative action*. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2022.814>
Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006.
- Jamil, S., Panagiotou, N., Fragkonikolopolous, C., & Gladkova, A. (2022). Media sustainability in the pandemic conflicting world: Reflections from diverse perspectives. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, (2), 5–12. <https://doi.org/10.30547/worldofmedia.2.2022>.
- Labush, N.S., & Puyu, A.S. (2019). *Mediatization of extreme forms of the political process: War, revolution, terrorism*. St. Petersburg: SPBU Publ. (In Russ.)
Лабуш Н.С., Пую А.С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019. 340 с.
- McQuail, D. (2013). *Journalism and society*. London: SAGE.
- Ndinojuo, B.E., Ihejirika, W.C., & Okon, G.B. (2020). Prevalent news frames in news reports about military operations against Boko Haram in North-East Nigeria. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, (1), 51–72. <https://doi.org/10.30547/worldofmedia.1.2020.3>
- Smirnova, O.V., & Shkondin, M.V. (2021). Media and journalism studies in the context of conflict resolution studies: The systemic and theoretical aspects. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10(1), 5–21. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).5-21](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).5-21)
Смирнова О.В., Шкондин М.В. Исследования медиа и журналистики в контексте конфликтологии: системно-теоретические аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 5–21. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).5-21](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).5-21)
- Ugwuoke, J.C., & Erubami, J.A. (2021). Old war, new battleground: Deconstructing the potency of social media for community engagement in Nigeria’s human rights advocacy efforts. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, (2), 56–74. <https://doi.org/10.30547/worldofmedia.2.2021.3>
- Vartanova, E.L. (2022). Polysubjectivity of the media environment and its potential impact on social conflict. *Medi@lmanach*, (3), 8–14. (In Russ.)
Вартанова Е.Л. Полисубъектность медиасреды и ее потенциальное влияние на социальный конфликт // Меди@льманах. 2022. № 3. С. 8–14.
- Vartanova, E.L., Aslanov, I.A., Gladkova, A.A., & Dunas, D.V. (2022). Social conflict in Russian media studies: An empirical analysis of the discourse of academic journals (2014–2021). *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 11(3), 429–452. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(3\).429-452](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3).429-452)
Вартанова Е.Л., Асланов И.А., Gladkova А.А., Дунас Д.В. Социальный конфликт в отечественных медиаисследованиях: эмпирический анализ дискурса научных журналов (2014–2021) // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 3. С. 429–452. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(3\).429-452](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3).429-452)
- Yakova, T.S. (2021). Mass media and conflicts: Media-geographical studies. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10(4), 680–697. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(4\).680-697](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(4).680-697)
Якова Т.С. Массмедиа и конфликты: медиагеографические исследования // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 4. С. 680–697.

Bio notes:

Elena L. Vartanova, Doctor of Philology, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Dean of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7716-4383. E-mail: eva@smi.msu.ru

Denis V. Dunas, PhD in Philology, leading researcher, Department of Theory and Economics of Mass Media, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8531-3908. E-mail: dunas.denis@smi.msu.ru

Сведения об авторах:

Вартанова Елена Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии образования, декан факультета журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-7716-4383. E-mail: dunas.denis@smi.msu.ru

Дунас Денис Владимирович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, кафедра теории и экономики СМИ, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-8531-3908. E-mail: dunas.denis@smi.msu.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-734-740

EDN: KOJATN

UDC 32.019.51

Research article / Научная статья

Digital communicative capitalization in the age of platforms and communicative abundance

Dmitry P. Gavra , Vladislav V. Dekalov

*Saint Petersburg State University,
26 1-ya Liniya Vasil'evskogo Ostrova, St. Petersburg, 199004, Russian Federation*
 v.dekalov@spbu.ru

Abstract. The authors deals with the model of digital communicative capitalization, which describes a crucial social-economical process of the age of communicative abundance. People and organizations are considered as investors operating within various digital attention markets. The main hypothesis is that these investors have different abilities to comprehend and take advantage of the opportunities, which attention markets propose to them in terms of accruing and increasing capital. The study was conducted relying on the established notions of different forms of capital coined by P. Bourdieu, as well as on related notions of immaterial capital developed in the wide range of scientific works on digitalization and critical theory of the Internet. Basing the model on them, the authors highlight the lack of transparency in the processes of conversion digital reflections of capitals to their real forms, and, therefore, propose such terms as “digital communicative capital” and “attention double exploitation”. The latter stresses the new layers of digital inequality, where the results of digital labor are being captured and monetized. The analysis of the potential elaboration of the whole model of digital communicative capitalization and outlined empirical prospects of applying its implications are the particular value of the study.

Keywords: information abundance, digital attention market, digital investor, digital labor, communicative capital, digital communicative capital

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 29, 2023; revised March 6, 2023; accepted May 24, 2023.

For citation: Gavra, D.P., & Dekalov, V.V. (2023). Digital communicative capitalization in the age of platforms and communicative abundance. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 734–740. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-734-740>

© Gavra D.P., Dekalov V.V., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Цифровая коммуникативная капитализация в эпоху платформ и коммуникационного изобилия

Д.П. Гавра , В.В. Декалов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, д. 26
 v.dekalov@spbu.ru

Аннотация. Рассматривается модель цифровой коммуникативной капитализации как важнейший социально-экономический процесс эпохи коммуникационного изобилия. Люди и организации позиционируются как инвесторы, действующие на различных рынках цифрового внимания. Основная гипотеза: инвесторы обладают разными способностями к осознанию и использованию в своих интересах возможностей, которые предлагают им рынки внимания с точки зрения накопления и преумножения капитала. Исследование проведено с опорой на устоявшиеся представления о различных формах капитала, введенные П. Бурдье, а также на связанные с ними понятия нематериального капитала, разработанные в широком спектре научных работ по цифровизации и критической теории интернета. Основываясь на этих понятиях, подчеркивается отсутствие прозрачности в процессах преобразования цифровых отражений капиталов в их реальные формы и предлагаются новые термины – цифровой коммуникативный капитал и двойная эксплуатация внимания. Последний термин подчеркивает новые уровни цифрового неравенства, где результаты цифрового труда захватываются и монетизируются. Анализ потенциальной разработки всей модели цифровой коммуникативной капитализации и намеченные эмпирические перспективы ее применения составляют особую ценность исследования.

Ключевые слова: информационное изобилие, цифровой рынок внимания, цифровой инвестор, цифровой труд, цифровой коммуникативный капитал

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 29 января 2023 г.; отрецензирована 6 марта 2023 г.; принята к публикации 24 мая 2023 г.

Для цитирования: *Gavra D.P., Dekalov V.V. Digital communicative capitalization in the age of platforms and communicative abundance // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 734–740. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-734-740>*

Introduction

The current state of the Internet has little to do with the early visions of it as a space of freedom and unfettered creativity. But it also has less in common with the 2000–2010s milieu dominated by few USA-based tech corporations which have been able to set rules and employ creative and communicative abilities of internet users to generate profits from investors and advertisers (Zuboff, 2019).

Digital technologies are still ubiquitous. American tech corporations are still powerful. But users become to acknowledge their potential power as well and defy established digital hierarchies. Local actors such as political parties, organizations,

governmental representatives, media celebrities, or academics question the right of global platforms to be the only sovereigns of the digital environment and the main beneficiaries of digital transformation.

We consider digital communicative capitalization as the cornerstone process of the hyper-connectivity era, where existing inequality is perpetuated via appropriation of users' attention by both global tech corporations and local power actors.

Theoretical framework

To analyze contradictions of communicative capitalization and attention exploitation in digital society the authors theoretically develop two main concepts: attention market and capital.

The authors' term of "digital attention markets" draws on works by attention economy's critics (Rushkoff, 2019; Williams, 2018; Wu, 2016), as well critical researchers of new modes of capitalism (Dean, 2010; Zuboff, 2019; Srnicek, 2017).

Originally drawing on the notion of capital by P. Bourdieu (1986), the authors supplement it with current works related to immaterial forms of capital (Faucher, 2018; Nixon, 2017; Park, 2017; Ragnedda, 2018).

Conceptual development: digital attention markets

The world of information scarcity has been supplanted by the world of information (Williams, 2018) or communicative (Kean, 2013) abundance. The abundance of communications renders human attention a new scarce resource (Dekalov, 2017). It means that an individual has got limited time and limited capacity to spend it on an almost infinite number of options. These options are defined, provided, and imposed via *digital attention markets* (social network sites, microblogging platforms, video hosting, etc.).

Attention markets have existed since the 19th century in the forms of penny papers, radio soap operas, or prime time television (Wu, 2016). But digital technologies are more ubiquitous. Permeating almost everything, they allow tech corporations to commodify internet communication, as "communication of one or more individuals via the Internet" (Shilina, 2012).

Pierre Bourdieu describes *capital* as "accumulated labor [...] which, when appropriated on a private, i.e., exclusive, basis by agents or groups of agents, enables them to appropriate social energy in the form of reified or living labor" (Bourdieu, 1986, p. 241). In a broader sense, the term "capital" means a certain value ascribed to a certain set of material or immaterial entities, which a social actor possesses.

Social actors accumulate labor in different forms of capital. A social actor can employ different forms of capital in different sets and variations. There may be classical Bourdieusian forms of social, symbolic, economic, or cultural capital, but there may be new forms of it: communicative capital (Dean, 2010), social capital online (Faucher, 2018), digital capital (Park, 2017; Ragnedda, 2018), etc.

As noted earlier, attention is a resource. The process of attention spending is more like a digital labor in Fuchs' terms (Fuchs, 2016), or, as B. Nixon calls it, "audience labor" (Nixon, 2017). That labor plays a crucial role in the capital accumulation on individual's level.

Every individual has a constant attentional potential constraint by his physical ability to heed attention and concentrate. Roughly speaking, an individual has a renewable time budget, an analog of everyday UBI (universal basic income), to spend on work, family, everyday chores, entertainment, art, etc. And everyone has a history of their *attention investment*, which has been accumulated in different forms of capital, as well as the potential to convert and transform this combination mingling them with a renewable source of attention.

On higher levels, part of everyone's attention is mediated by various organizations and institutions and then redistributed (fairly or unfairly) to reinforce existing social structures. Digital attention markets and various actors operating within them (attention merchants) are such redistributors as well.

But these actors don't simply mediate attention and redistribute it to generate profit. Those markets have become so compelling that individuals change their attentional budgets to spend more time on their platforms. That has been partly made possible by the digital transformation of society where online analogs of offline services are cheaper (if not free of charge) and more available.

There is a multitude of people investing their attention and capitals to one or, what's more often, several digital attention markets such as Twitter, TikTok, Telegram, etc. Each market has a particular environment in which a particular set of activities is possible and therefore a limited set of capital conversions is allowed. If actors are active enough, they get a chance to use their attentional budget effectively and not miss the opportunities offered by the market and by other actors whose digital products are considered worthy.

So, every individual can spend their attentional budget on digital consumption, online business, art, etc. But the potential benefit in every case is not certain. Hence, what is worth dissecting is that the digital attention markets are *incomprehensible* to many. Publicly available metrics (views, likes, followers, etc.) can't be directly linked with success and be sufficient to consider them as some components of capital. Business metrics and their derivatives (e.g., reach or engagement rate) aren't sufficient as well, so they can't give an exhaustive answer to how the attention investment in digital activities may impact individual's or organization's set of capitals. The lack of transparency makes the possible impact inconsistent and unpredictable.

Conceptual development: digital communicative capital

The mechanisms of capital conversion within a given digital attention market are opaque. At best, individuals and organizations operating there comprehend *digital reflections of real capitals*: symbolic, social, cultural, etc. Their measurement would be approximate, and the formulas be arbitrary. Hence, for many, digital capital is not another form of capital, but the *approximate measurement of value* an actor can get from online activities. The more precise a measurement, the less real value in form of unsuccessfully invested capital an actor loses.

In turn, attention market owners have almost comprehensive information about tools and mechanisms of capital conversion. Some actors operating within these markets and with support of them (PR agencies, media, government officials, etc.) may have sufficient information to concentrate their audiences' attention as well.

In this paper, we develop the notion of communicative capital from our previous works (Gavra et al., 2020) and suggest a more precise term of digital communicative capital. It is important to delineate them because communicative capital relates to capitalization of captured audience's attention in attention markets in general, not only digital ones (reselling audiences to advertisers by traditional media is a vivid example).

In turn, *digital communicative capital* is a result of the audience's communication within a given platform as a digital attention market. The result (as with communicative capital) has an elusive value that can be evinced via its conversion into other forms of capital. Here it's important to highlight, that that capital can be extracted by platform owners similarly to extracting communicative capital by cable networks or printed media, i.e., media owners. But can we call the communicative capital accrued by actors operating within a given platform a digital one? Say, established media outlet promoting its YouTube channel? Strictly speaking, we can't, because it is just the digital reflection of communicative capital these actors may accumulate in the digital attention market. Or, if not well informed, may not.

That notion doesn't underestimate digital reflections of communicative capital over digital communicative capital. Moreover, so-called digital attention merchants get more possibilities in digital attention markets than average internet users. Allowing for the ubiquity of those markets, the structures of inequality become more sophisticated. The attention economy acquires a new digital dimension.

Both owners of digital platforms and communicative capitalists thriving within them aspire to make their business models more sustainable and resilient. To gain exhaustive information about attention being captured, attention merchants need to make the audience comprehensible and therefore scalable, predictable, and measurable.

This engenders a situation of commanded creativity, the exploitation of the audience's attention deliberately narrowing the potential for self-realization of many on behalf of the growth of a few. That *attention double exploitation* entails a major part of internet users not knowing how much they actually get and lose while the results of their digitally mediated communication activities are appropriated by few beneficiaries.

Digital content is free or cheap enough to spend a significant part of the attention budget on it. But to consume the content or to do a business one has to acquiesce with their attention selling to the third side both by platforms and various attention merchants within them. Even if a user uses adblockers or VPN services, she or he invests attention to learn how to use it, let alone the price to pay for it, or pays another part of the attention budget to skip annoying commercials, which cannot be easily blocked, or gain access to a banned internet source.

On large scales, an average internet user's budgets are not distributed effectively on behalf of those user's self-realization because the most predictable communicative activities are those that can be reduced to a limited set of reactions. The more reactions are gained, the more gratified advertisers and investors are. There's a huge risk that attention being spent on these reactions wouldn't be sufficient to invest for generating forms of capitals more essential for an individual's life.

Discussion

The forms of digital capital described above are difficult to separate from each other. Investing attention within a particular platform not only brings a measurable income but also, of course, increases social symbolic and cultural capital. The question is how exactly? The obvious problem with the Bourdieusian paradigm is that it points to different registers in the relations of power between social agents but is unable to evaluate these relations because there can be many potential manifestations of power in the form of different types of capital.

The arbitrary nature of communicative capital, including its digital dimension, is obvious, therefore it is difficult to choose the correct measure tool. The captured attention of users is mediatized at different levels with disparate metrics. In this regard, we highlight three questions that we will try to answer in our future research. The first question is whether it is possible to find a formula to calculate the digital communication capital or the digital reflection of it. The second question is whether that formula can be universal. Finally, is it possible to use digital communicative capital as a useful tool for business, political practice, and public administration?

Conclusion

Humanity is on the verge of serious crises that require important decisions. These decisions will largely depend on reaching a consensus on the role of the individual in the digital attention markets. Will a person agree to have their attention sold even for the sake of free content? Will a person agree to be “exploited” by corporations? And should a person know how much their attention is worth and what they could get by knowing where that attention is most effectively invested? To answer these questions is a daunting challenge for media and communications researchers.

References

- Bourdieu, P. (1986). The forms of capital. In J. Richardson (Ed.), *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* (pp. 241–258). Westport, CT: Greenwood.
- Dean, J. (2010). *Blog theory*. Cambridge: Polity Press.
- DeKalov, V.V. (2017). Attention as the basic resource of communicative capitalism. *Russian School of Public Relations, 10*, 27–38. (In Russ.)
Декалов В.В. Внимание как базовый ресурс коммуникативного капитализма // Российская школа связей с общественностью. 2017. Т. 10. С. 27–38.
- Faucher, K.X. (2018). *Social capital online: Alienation and accumulation*. London: University of Westminster Press.
- Fuchs, C. (2016). *Critical theory of communication: New readings of Lukacs, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the age of the Internet*. London: University of Westminster Press.
- Gavra, D., DeKalov, V., & Naumenko, K. (2020). Digital subjects as new power actors: A critical view on political, media-, and digital spaces intersection. In I. Kotenko, C. Badica, V. Desnitsky, D. El Baz & M. Ivanovic (Eds.), *IDC 2019: Intelligent Distributed Computing XIII* (pp. 233–243). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-32258-8_28
- Kean, J. (2013). *Democracy and media decadence*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Nixon, B. (2017). Recovering audience labor from audience commodity theory: Advertising as capitalizing on the work of signification. In J.F. Hamilton, R. Bodle & E. Korin (Eds.), *Explorations in Critical Studies of Advertising* (pp. 99–114). New York: Routledge.
- Park, S. (2017). *Digital capital*. London: Palgrave Macmillan.
- Ragnedda, M. (2018). Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 35(8), 2366–2375. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>
- Rushkoff, D. (2019). *Team human*. New York: W. W. Norton & Company.
- Shilina, M.G. (2012). Communication in the Internet: Conceptual apparatus of researches in the 21st century (the issue of creating a categorical and conceptual apparatus). *Mediascope*, (2). (In Russ.) Retrieved February 19, 2024, from <http://www.mediascope.ru/node/1081>
Шилина М.Г. Интернет-коммуникация: исследовательские концепции XXI в. К вопросу формирования категориально-понятийного аппарата // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: http://www.mediascope.ru/node/1081 (дата обращения: 19.02.2024).
- Srnicek, N. (2017). *Platform capitalism*. Cambridge: Polity Press.
- Williams, J. (2018). *Stand out of our light*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wu, T. (2016). *The attention merchants. The epic scramble to get inside our heads*. New York: Penguin Random House.
- Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance capitalism. The fight for a human future at the new frontier of power*. New York: Public Affairs.

Bio notes:

Dmitry P. Gavra, Doctor of Sociology, Full Professor, Head of the Department of Public Relations in Business, School of Journalism and Mass Communication, Saint Petersburg State University, 26 1-ya Liniya Vasil'evskogo Ostrova, St. Petersburg, 199004, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6536-9277. E-mail: d.gavra@spbu.ru

Vladislav V. Dekalov, Candidate of Political Studies, Associate Professor, Department of Public Relations in Business, School of Journalism and Mass Communication, Saint Petersburg State University, 26 1-ya Liniya Vasil'evskogo Ostrova, St. Petersburg, 199004, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9850-3084. E-mail: v.dekalov@spbu.ru

Сведения об авторах:

Гавра Дмитрий Петрович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью в бизнесе, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, д. 26. ORCID: 0000-0002-6536-9277. E-mail: d.gavra@spbu.ru

Декалов Владислав Владимирович, кандидат политических наук, доцент, кафедра связей с общественностью в бизнесе, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, д. 26. ORCID: 0000-0001-9850-3084. E-mail: v.dekalov@spbu.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-741-748
EDN: KOLCJF
UDC 070:004.738.5

Research article / Научная статья

Biometrics in online media: an anti-crisis paradigm shift

Sasha Shilina

Paradigm Research, 86 Gorgasali St, Batumi, 6000, Georgia

sasha@paradigmfund.io

Abstract. Online media is currently grappling with a crisis characterized by diminishing trust, the widespread dissemination of misinformation, and the alarming proliferation of fake news and experiences. The aim of the study – to delve into the challenges plaguing the digital media landscape and to propose the adoption of biometric technology as a potential solution. Biometrics, as a cutting-edge technology, encompasses the intricate process of quantifying and statistically assessing the unique physical and behavioral characteristics that distinguish individuals from one another. Its multifaceted potential extends far beyond mere identification. It is established that biometrics excels in the vital realms of identity verification, content authentication, and countering malicious activities like bots and Sybil attacks. Furthermore, it is applicable for tailoring personalized user experiences, thus offering a comprehensive solution to address the pressing challenges faced by online media today. The usage of these capabilities, makes biometrics a distinctive and promising avenue to not only restore trust but also combat the pervasive issue of misinformation, ultimately fostering a secure and resilient online media ecosystem.

Keywords: digital media crisis, social media, Sybil attack, fake news, artificial intelligence, online media ecosystem

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 14, 2023; revised July 20, 2023; accepted August 24, 2023.

For citation: Shilina, S. (2023). Biometrics in online media: An anti-crisis paradigm shift. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 741–748. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-741-748>

Биометрия в онлайн-СМИ: антикризисная смена парадигмы

А.Г. Шилина

Парадайм Ресерч, Грузия, 6000, Батуми, Горгасали, д. 86

sasha@paradigmfund.io

Аннотация. Интернет-СМИ в настоящее время борются с кризисом, обусловленным распространением дезинформации и снижением доверия к медиа. Цель исследования – рассмотреть проблемы, с которыми сталкиваются цифровые медиа, и предложить при-

© Shilina S., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

менение биометрических технологий в качестве потенциального решения. Биометрия как передовая технология – это сложный процесс количественной и статистической оценки уникальных физических и поведенческих характеристик, отличающих людей друг от друга. Ее многогранный потенциал простирается далеко за пределы идентификации. Установлено, что биометрия легко справляется с задачами проверки личности, аутентификации контента и борьбы с вредоносными действиями, такими как боты и атаки Сивиллы. Кроме того, с ее помощью можно персонализировать пользовательский опыт, предоставляя уникальные преимущества для решения насущных проблем, стоящих перед онлайн-медиа сегодня. Использование этих возможностей делает биометрию уникальным и многообещающим средством не только для восстановления доверия, но и для борьбы с проблемой дезинформации, в конечном итоге способствуя созданию безопасной и устойчивой экосистемы онлайн-медиа.

Ключевые слова: кризис цифровых медиа, социальные сети, атака Сивиллы, фейк ньюс, искусственный интеллект, экосистема онлайн-медиа

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 14 июня 2023 г.; отрецензирована 20 июля 2023 г.; принята к публикации 24 августа 2023 г.

Для цитирования: *Shilina S.* Biometrics in online media: an anti-crisis paradigm shift // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 741–748. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-741-748>

Introduction

The contemporary media landscape is characterized by hybridization, porosity, and technological saturation. It is grappling with a severe crisis characterized by the proliferation of misinformation, a decline in public trust, and the rampant spread of fake news, largely fueled by social media platforms. The accessibility and rapid sharing of information have compromised the integrity and reliability of media content, posing significant challenges to society. This crisis undermines the public's ability to make informed decisions, erodes democratic processes, and fosters division among individuals and communities.

The issue of trust in media has generated a substantial body of research that has investigated the causes and effects of trust in media (Engelke et al., 2019; Prochazka et al., 2019) measured and understood trust dynamics (Fink, 2019; Park et al., 2020; Usher, 2018). Recently-published systematic reviews explored specific types of online misinformation, particularly fake news, their characteristics and impact (Di Domenico et al., 2020; Pennycook, Rand, 2021). Detection methods for identifying and countering misinformation, including both human-generated and AI-generated content (Shin, Chan-Olmsted, 2023; Kolo et al., 2022), have also been extensively examined in the literature (Zhang, Ghorbani, 2020). The fusion of traditional and digital media, the permeability of information across various platforms, and the pervasive influence of technology have tested the media by transforming its environment in unprecedented ways.

Today, social networks are a key contributor to online awareness, and trust in them as a source of information is predicted to rapidly grow, posing the lack of trust in media and journalism as a “challenge” (Fink, 2019) and leading to an industry “crisis”. Social media platforms as a phenomenon have reshaped the structure, dimensions, and complexity of news dissemination. The widespread use of them

has accelerated misinformation dissemination, enabling individuals to generate and share false information quickly and anonymously (Del Vicario et al., 2016). Major social media platforms serve as spaces for social interaction, communication, and entertainment while being significant channels for the broad sharing of information and news (Vosoughi et al., 2018), not necessarily true or relevant.

On top of that, the online media landscape has become a breeding ground for Sybil attacks (Douceur, 2002) with the utilization of multiple fake identities and social media bots (Aldayel, Magdy, 2022). Such bots, automated accounts controlled by algorithms or humans, have been weaponized to influence search algorithms, amplify and spread false narratives, manipulate public opinion, and create artificial trends (Shao et al., 2017), rumors and conspiracy theories (Ferrara, 2018; Algavi et al., 2023), create fake reputations, suppress political competitors, and even affect presidential election (Cresci et al., 2017). This manipulation has led to biased information flow, favouring specific perspectives, products, or organizations, hindering users' access to accurate and diverse information, ultimately disrupting the human ecology (Volkova, Lazutova, 2017). In recent years, researchers have dedicated a significant amount of attention to social media bot detection (Aljabri et al., 2023; Ferrara, 2018; Shao et al., 2018) and prevention (Kavazi et al., 2021; Thakur, Breslin, 2021), and defense.

In order to address this crisis, it is imperative for the media to seek innovative alternative solutions that have the potential to restore trust, promote authenticity, and ensure the delivery of accurate and reliable information to the public. We believe that the solution lies in the utilization of biometric technology, which offers unique capabilities in verifying identity and authenticating user interactions, ensuring content integrity, and enhancing user experiences.

This paper explores the crisis in media and examines how the utilization of biometrics can serve as a viable solution. It discusses the challenges faced by the media industry and explores the potential benefits and considerations associated with the implementation of biometric solutions in the media landscape.

The paper aims to achieve the following objectives:

- investigate the extent and impact of the crisis in digital media, including the prevalence of misinformation, declining trust, and the proliferation of fake news;
- explore the potential benefits of biometric technology in addressing the challenges faced by the media industry;
- analyze the considerations associated with implementing biometrics in the digital media landscape;
- provide examples of biometrics initiatives for online media.

Based on the research objectives outlined above, the following hypothesis is proposed: ‘The integration of biometric technology can serve as an effective solution to the crisis in online media by enhancing trust, combating misinformation, and fostering a more secure and personalized media environment’.

Unlocking the power of biometrics for media

Biometrics, the science of recognizing and verifying individuals based on their unique physiological or behavioral characteristics, has rapidly advanced in recent years (Kaur, Verma, 2014). Significantly enhancing the accuracy, efficiency,

and reliability of biometric systems, the introduction of machine learning techniques, such as deep learning and convolutional neural networks (Cherrat et al., 2020; Jin, 2022) has revolutionized biometric recognition algorithms. The benefits of biometrics for identity verification have expanded. Flexible and user-friendly biometric verification provides a high degree of authenticity, it can be done quickly and effortlessly, reducing the time and effort required, and enhancing security measures, particularly in high-risk environments, by providing an extra layer of authentication. Still, while biometrics can offer effectiveness and reliability, it is crucial to acknowledge the challenges it presents like privacy concerns, algorithm biases, adoption rate, and integration complexity, as well as susceptibility to potential attacks. Striking the right balance between security, privacy, and usability is of utmost importance to ensure the responsible and ethical utilization of biometric technologies. This approach is vital in effectively addressing the aforementioned threats within the media landscape.

With biometric technologies, media organizations can enhance authentication, verification, and identification processes, thereby ensuring the integrity and reliability of information disseminated through digital platforms.

First, biometrics can play a crucial role in ensuring the credibility of users on online platforms. By requiring individuals to authenticate themselves using their unique biometric traits, media organizations can establish a higher level of confidence in user identities, reducing the risk of impersonation, and unauthorized access. This authentication process can enhance security and contribute to a more trustworthy media environment.

Second, biometrics can assist in verifying the authenticity and integrity of media content, including images, videos, and audio recordings. By embedding biometric markers during the creation or capture of content, media organizations can establish a verifiable link between the content and its original source, reinforcing the credibility of information.

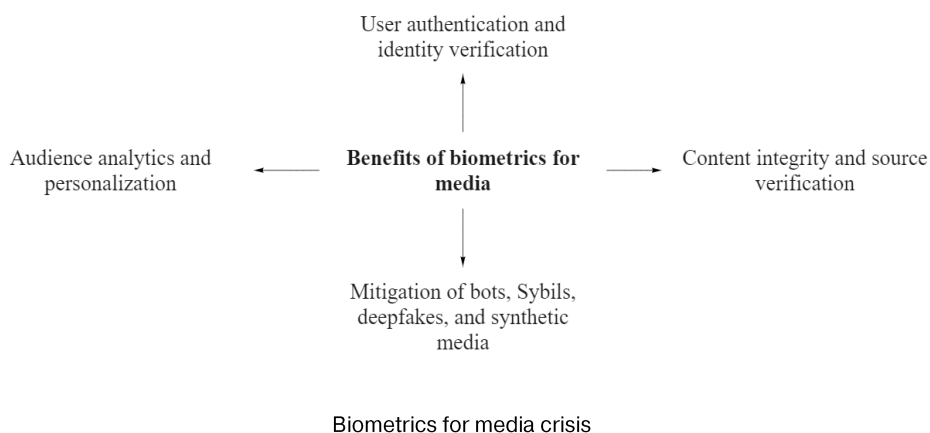
Biometrics can play a vital role in combating bots and Sybil attacks within the media landscape. Biometric analysis can aid in differentiating between human users and automated accounts, distinguishing real content from synthetic media.

In the context of combating Sybil attacks, facial recognition alongside liveness detection (Raheem et al., 2019) can play a significant role in verifying that the captured biometric traits belong to a live human user and not a manipulated or fake representation. Introduced in 2020, the Humanode project has emerged as an innovative initiative leveraging cutting-edge cryptography, and blockchain alongside liveness detection biometric technology. It aims to bring Sybil resistance to the digital environment and the media landscape in particular (Kavazi et al., 2021). By harnessing the power of biometrics, the project aims to ensure that each user account within the media platform corresponds to a unique, verifiable human identity. Through biometric authentication and verification processes, the Humanode project seeks to eliminate the presence of automated accounts and establish a trust-based space for content creation and consumption. By prioritizing user privacy and security, the project establishes a transparent and accountable environment that

encourages responsible content creation and consumption. In 2023, the project introduced the BotBasher tool which has already been implemented in hundreds of Discord servers authenticating over 220K of verified unique users¹.

It is worth noting, that multimodal biometric fusion increases the reliability of detection systems and reduces the chances of false positives or false negatives, and implementation of continuous authentication can help monitor user behavior and detect any suspicious activities in real time (Cherrat et al., 2020).

On top of that, biometrics can enable media organizations to gain insights into audience engagement and preferences. Media platforms can measure emotional reactions, identify engagement levels, and tailor content delivery to individual preferences by analyzing biometric data such as facial expressions, gaze patterns, or physiological responses. This personalized approach enhances user experience, improves content relevance, and fosters deeper audience engagement.

Navigating the biometric frontier: overcoming hurdles in implementing biometrics in the media

Despite the apparent advantages, implementing biometrics in the media landscape requires addressing several challenges. First, there are technical challenges and infrastructure requirements, involving upgrading hardware, software, and network capabilities to support the processing and storage of biometric data securely.

To implement and deploy biometric solutions effectively media organizations also need to collaborate with biometric technology providers, accessing to state-of-the-art biometric algorithms and software development kits (SDKs).

Additionally, implementing biometrics in the media industry necessitates careful consideration of legal and regulatory aspects, ensuring compliance with privacy regulations, such as the General Data Protection Regulation (GDPR), etc.

Moreover, media organizations should consider establishing clear policies and guidelines for the responsible use of biometric data, including data retention, access controls, and data-sharing practices. Transparency in data practices builds trust with users and demonstrates a commitment to protecting their privacy.

¹ BotBasher latest version is out. Retrieved September 23, 2023, from <https://blog.humanode.io/botbasher-new-version-is-out/>

Conclusion

Biometric technology offers unique advantages in restoring trust in media. Robust biometric authentication systems enable media organizations to verify the authenticity of users, thereby mitigating risks such as impersonation and identity theft. Integrating biometric traits as authentication factors, an additional layer of security is added, instilling confidence in users regarding the reliability and credibility of the information they consume and share. Furthermore, biometrics can effectively combat the influence of social media bots and Sybil attacks by differentiating between human users and automated accounts, thereby enhancing the quality and integrity of user-generated content.

However, implementing biometric technology in the media industry presents its own set of challenges. Technical considerations, such as infrastructure requirements and compatibility, must be carefully addressed to ensure seamless integration and optimal performance. Collaborating with biometric technology providers becomes crucial to access the necessary expertise and tools for successful implementation. Additionally, legal and regulatory aspects, including obtaining informed consent and protecting user privacy, must be diligently navigated to uphold ethical standards and ensure compliance with data protection regulations.

Despite these challenges, the potential benefits of biometrics for media are substantial. Biometric technology can play a pivotal role in restoring trust, combating misinformation, and establishing a more secure and personalized media environment. Leveraging biometric verification mechanisms, media organizations can build a foundation of trust with their audience, guaranteeing the authenticity and reliability of the content they deliver.

It is important to recognize that biometrics alone cannot single-handedly solve the crisis in media. It should be part of a holistic approach that incorporates education, media literacy, and transparency in journalistic practices.

Biometrics will reshape the way media organizations operate and engage with their audiences. As technology continues to evolve, biometrics will play a pivotal role in creating a more secure, personalized, and trustworthy media ecosystem that fosters credibility, authenticity, and user satisfaction.

References

- Aldayel, A., & Magdy, W. (2022). Characterizing the role of bots' in polarized stance on social media. *Social Network Analysis and Mining*, 12, 30. <https://doi.org/10.1007/s13278-022-00858-z>
- Algavi, L., Volkova, I., Kovalev, G., & Budtsov, G. (2023). Qanon as a transmedia storytelling. *Media Education*, 19(1), 3–9. <https://doi.org/10.13187/me.2023.1.3>
- Aljabri, M., Zagrouba, R., Shaahid, A., Alnasser, F., Saleh, A., & Alomari, D.M. (2023). Machine learning-based social media bot detection: A comprehensive literature review. *Social Network Analysis and Mining*, 13, 20. <https://doi.org/10.1007/s13278-022-01020-5>
- Shin, J., & Chan-Olmsted, S. (2023). User perceptions and trust of explainable machine learning fake news detectors. *Journal of Communication*, 17, 518–540.
- Cherrat, E., Alaoui, R., & Bouzahir, H. (2020). Convolutional neural networks approach for multimodal biometric identification system using the fusion of fingerprint, finger-vein and face images. *PeerJ Computer Science*, 6, e248. <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.248>

- Cresci, S., Di Pietro, R., Petrocchi, M., Spognardi, A., & Tesconi, M. (2017). Paradigm-shift of social spambots: Evidence, theories, and tools for the arms race. *WWW '17 Companion: Proceedings of the 26th International Conference on World Wide Web Companion* (pp. 963–972). <https://doi.org/10.1145/3041021.3055135>
- Del Vicario, M., Bessi, A., Zollo, F., Petroni, F., Scala, A., Caldarelli, G., Stanley, H.E., & Quattrociocchi, W. (2016). The spreading of misinformation online. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 113(3), 554–559. <https://doi.org/10.1073/pnas.1517441113>
- Di Domenico, G., Sit, J., Ishizaka, A., & Nunan, D. (2021). Fake news, social media and marketing: A systematic review. *Journal of Business Research*, 124, 329–341. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.11.037>
- Douceur, J.R. (2002). The Sybil attack. In P. Druschel, F. Kaashoek, & A. Rowstron (Eds.), *Peer-to-Peer Systems. IPTPS 2002. Lecture Notes in Computer Science* (vol. 2429, pp. 251–260). Berlin, Heidelberg: Springer. https://doi.org/10.1007/3-540-45748-8_24
- Engelke, K.M., Hase, V., & Wintterlin, F. (2019). On measuring trust and distrust in journalism: Reflection of the status quo and suggestions for the road ahead. *Journal of Trust Research*, 9(1), 66–86. <https://doi.org/10.1080/21515581.2019.1588741>
- Ferrara, E. (2018). Measuring social spam and the effect of bots on information diffusion in social media. *Complex Spreading Phenomena in Social Systems* (pp. 229–255). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-77332-2_13
- Fink, K. (2019). The biggest challenge facing journalism: A lack of trust. *Journalism*, 20(1), 40–43. <https://doi.org/10.1177/14648849188070>
- Jin, J. (2022). Convolutional neural networks for biometrics applications. *SHS Web of Conferences: 2022 International Conference on Science and Technology Ethics and Human Future*, 144, 03013. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202214403013>
- Kaur, G., & Verma, C.K. (2014). Comparative analysis of biometric modalities. *International Journal of Advanced Research in Computer Science and Software Engineering*, 4(4).
- Kavazi, D., Smirnov, V., Shilina, S., MOZGIII, Li, M., Contreras, R., Gajera, H., Lavrenov, D. (2021). *Humanode. Whitepaper v. 0.9.6 “You are [not] a bot”*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.25572.91528>
- Kolo, C., Mütterlein, J., & Schmid, S.A. (2022). Believing journalists, AI, or fake news: The role of trust in media. *Proceedings of the 55th Hawaii International Conference on System Sciences*. Retrieved September 21, 2023, from <http://hdl.handle.net/10125/79727>
- Park, S., Fisher, C., Flew, T., & Dulleck, U. (2020). Global mistrust in news: The impact of social media on trust. *International Journal on Media Management*, 22(2), 83–96. <https://doi.org/10.1080/14241277.2020.1799794>
- Pennycook, G., & Rand, D.G. (2021). The psychology of fake news. *Trends in Cognitive Sciences*, 25(5), 388–402. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.02.007>
- Prochazka, F., & Schweiger, W. (2019). How to measure generalized trust in news media? An adaptation and test of scales. *Communication Methods and Measures*, 13(1), 26–42. <https://doi.org/10.1080/19312458.2018.1506021>
- Raheem, E.A., Ahmad, S.M.S., & Adnan, W.A.W. (2019). Insight on face liveness detection: A systematic literature review. *International Journal of Electrical and Computer Engineering*, 9(6), 5865. <http://doi.org/10.11591/ijece.v9i6.pp5165-5175>
- Shao, C., Ciampaglia, G.L., Varol, O., Yang, K., Flammini, A., & Menczer, F. (2018). The spread of low-credibility content by social bots. *Nature Communications*, 9, 4787. <https://doi.org/10.1038/s41467-018-06930-7>
- Thakur, S., & Breslin, J.G. (2021). Rumour prevention in social networks with layer 2 blockchains. *Social Network Analysis and Mining*, 11, 104. <https://doi.org/10.1007/s13278-021-00819-y>
- Usher, N. (2018). Re-thinking trust in the news: A material approach through “Objects of Journalism”. *Journalism Studie*, 19(4), 564–578. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2017.1375391>

- Volkova, I.I., & Lazutova, N.M. (2017). Screen media and human ecology: From charming to joining. *Bulletin of Orenburg State University*, (12), 106–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.25198/1814-6457-212-106>
Волкова И.И., Лазутова Н.М. Экранные массмедиа и экология человека: от зачаровывания к присоединению // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 12 (212). С. 106–111. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-212-106>
- Vosoughi, S., Roy, D., & Aral, S. (2018). The spread of true and false news online. *Science*, 359(6380), 1146–1151. <https://doi.org/10.1126/science.aap95>
- Zhang, X., & Ghorbani Ali, A. (2020). An overview of online fake news: Characterization, detection, and discussion. *Information Processing & Management*, 57(2). <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2019.03.004>

Bio note:

Sasha Shilina, Ph.D. in Philology, Chief Research Officer, Paradigm Research Institute, 86 Gorgasali St, Batumi, 6000, Georgia. ORCID: 0000-0003-4696-0739. E-mail: sasha@paradigmfund.io

Сведения об авторе:

Шилина Александра Геннадьевна, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник, Парадайм Ресерч, Грузия, 6000, Батуми, Горгасали, д. 86. ORCID: 0000-0003-4696-0739. E-mail: sasha@paradigmfund.io

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-749-756
EDN: KRFKZD
UDC 0.70

Research article / Научная статья

Models and methods of controlled transgression of media in crisis conditions

Sergey V. Zykov , Eduard A. Babkin , Boris I. Ulitin

HSE University, 11 Pokrovskii Bulvar, Moscow, 109028, Russian Federation
 bulitin@hse.ru

Abstract. The creation and transgression of mediaobjects is a complicated process that involves making difficult decisions. Under such conditions, the risk of media crises inevitably increases, for example, inadequate perception by the reader of information released by the media, etc. To avoid such crises, it is necessary to take into account all possible factors, both quantitative and qualitative, characterizing mediaobjects and media in general, as well as precise evaluation methods. The focus of the study is on developing a new approach to decision-making that will aid in the controlled transgression of mediaobjects during crisis situations. The method for making decisions based on a hierarchy of cross-disciplinary criteria that takes into account the concept of crisisology is proposed. Additionally, the authors suggest the use of a decision support software service that utilizes an ontology-based mechanism to adopt the user interface dynamically. The proposed method is universal and can be applied to assess different types of medical objects, reducing the likelihood of crisis situations (caused, among other things, by incorrect assessment of the reliability of information).

Keywords: decision support, multi-criteria choice, crisisology, mediaobject

Acknowledgements and Funding. The research is supported by grant of the Russian Science Foundation (project no. 23-21-00112).

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted July 2, 2023; revised August 15, 2023; accepted August 28, 2023.

For citation: Zykov, S.V., Babkin, E.A., & Ulitin, B.I. (2023). Models and methods of controlled transgression of media in crisis conditions. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 749–756. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-749-756>

Модели и методы управляемой трансгрессии медиа в условиях кризиса

С.В. Зыков , Е.А. Бабкин , Б.И. Улитин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский б-р, д. 11
 bulitin@hse.ru

Аннотация. Создание медиаобъектов – сложный процесс, предполагающий принятие непростых решений. В таких условиях неизбежно возрастает риск медийных кризисов, например неадекватного восприятия читателем информации, выпускаемой различными

© Zykov S.V., Babkin E.A., Ulitin B.I., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

медиа. Во избежание таких кризисов необходимо учитывать все возможные факторы, как количественные, так и качественные, характеризующие медиаобъекты и медиа в целом, а также точные методы оценки. В исследовании рассмотрен новый подход к принятию решений на основе иерархии междисциплинарных критериев, учитывающий концепцию кризисологии, который поможет в контролируемой трансгрессии медиаобъектов в кризисных ситуациях. Представлен программный прототип поддержки принятия решений, основанный на механизмах онтологий с возможностями динамической адаптации пользовательских интерфейсов. Установлено, что предлагаемый метод является универсальным и может применяться для оценки различных видов медиаобъектов, снижая вероятность возникновения кризисных ситуаций (в том числе вызванных некорректной оценкой достоверности информации).

Ключевые слова: поддержка принятия решений, многокритериальный выбор, кризисология, медиаобъект

Благодарности и финансирование. Исследование поддержано грантом Российского научного фонда (проект № 23-21-00112).

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 июля 2023 г.; отрецензирована 15 августа 2023 г.; принята к публикации 28 августа 2023 г.

Для цитирования: *Zykov S.V., Babkin E.A., Ulitin B.I. Models and methods of controlled transgression of media in crisis conditions // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 749–756. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-749-756>*

Introduction

The problem of the crisis in the media is multifaceted. Examples of a media crisis are: inadequate perception by the reader of information released by the media; inadequate perception by a large media organization of information created by a correspondent author, etc. In this case, it is quite possible to use the classical model of information exchange, for example, based on the information theory of K. Shannon (Zykov, 2021, p. 16), which allows correcting individual errors in information communication due to redundancy of the mediaobjects representation. In the context of this study, the mediaobject is understood as professional media of any format and content (Belousova, 2018, p. 20). The basis of this model is the following objects: receiver, transmitter and communication channel. In our more complex case, the receiver and transmitter themselves are complex systems with many communication channels, as well as ‘internal’ receivers and transmitters.

In addition, there is ‘information noise’ in the channel, the reasons for which may also be several. One of the specific reasons is the conscious (deliberate) distortion of information during transmission (“mediatransgression”). Other reasons may be technogenic or anthropogenic in nature (human factor), but in any case lead to a distorted perception of information or the loss of a significant part of it from the point of view of its original significance.

The crisis in this case is a significant difference between the original and received information. To solve the identified problem of a crisis nature, models, methods and tools of the discipline of IT crisisology can be used, which systematically investigates crises in the production and use of digital products. The developed models are aimed at minimizing the potentially negative consequences of the crisis and, also at improving the accuracy, reliability, and quality of transmitted information.

There is a big problem in determining the value and correctness of information in the modern media space. A large number of sources, discrepancies in interpretation (and in the very essence of mediaobjects) give rise to crisis situations when the media must make a decision both about the form and content (Zykov, 2021, p. 89). Given the large number of alternative mediaobjects, the most difficult is the stage of choosing the target content and its evaluation from the recipient's point of view.

Sometimes, the information provided about a mediaobject and reviews of it may not be sufficient to evaluate its usability for recipients (users). While technical assessments can be automated to some extent, considering user requirements is a complex process that requires human input. It involves understanding the needs, preferences, and limitations of the target audience to ensure that the mediaobject meets their expectations. This user-centered (reader-centric in media terms) approach is crucial for designing effective and user-friendly mediaobjects of all types (Crawley et al., 2016, p. 72).

To solve these problems, in what follows we offer a multi-criteria selection system based on dynamic interfaces, that allows for each user (or groups of users) to define their own system of evaluation criteria (in linguistic form) with their own gradation scales for these evaluations. This approach makes it possible to unify the procedure for making a decision on the choice of a mediaobjects, while not requiring the introduction of a unified system (and scale) of assessment.

Methods and materials

When it comes to user requirements, they are often expressed through language-based evaluations, having their own set of criteria for assessment. This can range from simple scales to more complex ones like plausible-reliable. This means that a one-size-fits-all approach to rating systems may not work for everyone. However, what's crucial to note is that user ratings are heavily influenced by their personal experience and knowledge. This means that before making a final decision on mediaobjects, it's important to formalize user knowledge and consider all the necessary evaluations, even if they are expressed in different ways. By doing so, we can ensure that the final decision is well-informed and takes into account the diverse perspectives of all users.

There are certain attempts to solve this problem in the practical environment. For example, (Martínez et al., 2015, p. 11) provides a generalized decision-making model based on linguistic information that considers the number of matching and non-matching expert assessments. However, this system involves preliminary work in the form of creating a single 'terminological' base for experts and ranking all assessments using unified principles.

There are numerous attempts to elaborate new decision-making approaches or adopt existing ones (like TOPSIS (Dehe et al., 2015, p. 6719), ELECTRE, VIKOR (Senthil et al., 2014, p. 52)) to real-life cases, like healthcare (Dehe et al., 2015, p. 6721), performance evaluation of partnerships (Senthil et al., 2014, p. 54), etc. The considerable drawback is that these methods rely mostly on quantitative evaluations (Cid-Lopez et al., 2017, p. 353). On the other hand, estimations that are given by experts during problem discussion can be both quantitative and qualitative. In comparison with quantitative evaluations, qualitative evalua-

tions become more and more preferable in complex situations because of their ability to express fuzzy information. However, according to our rigorous analysis of the field, there is an emerging trend of combining traditional decision-making approaches with methods of processing qualitative evaluations (for example, the combination of TOPSIS and 2-tuple model) (Xu, 2004, p. 21).

Reliable and flexible means for analysis of qualitative evaluations are provided within the scientific area of ‘linguistic (multi-attribute) decision making’. These and other methods of processing qualitative evaluations now are generally called ‘computing with words’, among which the most popular are linguistic computational models (Xu, 2004, p. 22).

In many cases, information that comes from the experts is heterogeneous due to its multigranularity and there are approaches to work with such information: the fusion approach for managing multigranular linguistic information, the linguistic hierarchy approach and the method of extended linguistic hierarchies (Herrera et al., 2001, p. 229).

The current approaches to decision making mainly focus on analyzing either quantitative or qualitative assessments, but very few consider both types of estimations. Additionally, modern methodologies assume the availability of multiple experts without considering their specific areas of expertise, and fail to acknowledge that criteria can belong to different levels of abstraction. To incorporate all these gaps we offer a new approach – multilevel multi-attribute linguistic decision making (ML-MA-LDM). The proposed approach consists of several consecutive steps starting from defining the estimation rules and finishing with the communication stage. It is important to note that these steps can be found individually in various papers describing the decision-making process, for example in (Xu, 2004, p. 21), but never were fused in a consistent way.

Mathematical aspects and formalization of the approach are presented in detail in the work of A. Demidovskij and E. Babkin (Demidovskij, Babkin, 2022, p. 352). In this paper, we concentrate on the conceptual description of the approach, which includes:

1. Setting up rules for providing estimations and distribution of criteria weights assuming that the experts: a) give honest evaluations; b) believe each other; c) choose granularity of evaluations according to their experience and knowledge about a problem; d) have the same understanding of evaluations.

2. Defining available linguistic sets, a context-free grammar and transformation function.

3. Multi-level definition of the desired state, criteria and alternatives on each level of abstraction: a) analyzing the desired state; b) formulating criteria; c) formulating alternatives.

4. Giving multi-level and multi-criteria evaluations: a) aggregating information; b) searching for the best alternative; c) communicating the solution found.

Once experts have defined the criteria and alternatives, each expert provides one evaluation for each alternative, resulting in a matrix of evaluations. The best alternative can be determined by sorting these evaluations according to the rules of comparing hesitant 2-tuple fuzzy sets.

Through several aggregations of evaluations for each level of abstraction and transformations of these estimates, a total evaluation is obtained for each al-

ternative and level of abstraction. These assessments provide insights into how each alternative is measured on each level of abstraction and can be used by decision makers to better understand the scope of alternatives.

Results and discussion

In this case, we propose to evaluate the applicability of the proposed approach for solving the problem of choosing a mediaobject, taking into account the reliability of information (both at the level of the author and the media). The decision-making process involves both quantitative and qualitative factors:

- *cost*: this criterion is quantitative, the evaluation scale is inversely proportional to its values.

- *explicit characteristics of the media*: positioning in the media market, professional characteristics of the editorial staff, discourse around the activities of the publication.

- *latent characteristics of the media*: the value system of the mass media, manifested in the formation of the media agenda and the author's style of individual mediaobjects;

- *the ratio of the goals and interests of the media and the audience*: the type of mediaobject, its communicative goals, the absence of conflict between its elements, accuracy, completeness, sufficiency of information (i.e. adherence to logic when proposing hypotheses).

In addition to these characteristics, we can also consider *linguistic features of the mediaobject*: emotional connotation, complexity of perception, etc.

Instead of using a single scale, our adaptable approach suggests creating a customized scale for each expert involved in the assessment process, which allow for a more comprehensive evaluation based on multiple factors (fragment is represented in Table).

Mediaobject evaluation criteria evaluation scales

Criterion	Type	Scale (from least preferred to most preferred)
Cost	Quantitative	Any non-negative value
Positioning in the media market	Qualitative	Indefinite, personal, affiliated, official
Provider (media) reputation		Negative, indefinite, positive
Sufficiency of information		10 segments: from completely insufficient to perfectly sufficient
Quality		Worse/comparable//higher/is the standard

In the example shown below, we use these criteria to evaluate the mediaobjects of the RBC Internet portal, RIA Novosti, Mash and “Caution, News” telegram channels for assessing the reliability of information. For this purpose, we use a software prototype that includes a backend responsible for the ranking of alternatives and a frontend necessary for setting all the components required for evaluation.

The first step in deciding on the choice of a particular mediaobject is to determine the criteria for its selection. At the same time, it is important to remember that the criteria, by their nature, can be presented in various forms (numerical, textual (linguistic), etc.) and may differ in assessment scales in terms of quality (from

lower to higher and vice versa). Therefore, in the created service, the first stage is the creation of a system of criteria and the setting of scales for their evaluation.

Using the appropriate GUI (Figure 1), the user is able to first determine and save the names for the criteria system and each individual criterion, select the most appropriate data type to represent it. The supported data types are selected based on the nature of the possible criteria for selecting mediaobjects: *integer* (int) and *fractional* (float) numbers – to quantify mediaobjects (e.g. subscribers amount), *date* – in the case of distinguishing newer mediaobjects from older ones, *textual* (varchar) – for linguistic assessments. What is more important, we can use not only the data types, but full-fledged domains for each individual evaluation criterion, collecting them in the object-relation data-base (ORDB) structure. Once the criteria system and its evaluation scale are established, the system will switch to the mode of introducing alternatives by experts (Figure 2, a).

Criterion name	Data type
Cost	float
LearningCurve	varchar
Support	varchar
ProviderReputation	varchar
Volatility	varchar
Schedule	varchar
Quality	varchar

Add Criteria Field

Save

Figure 1. GUI for creating a criteria system

a

id_expert	cost	learningCurve	support	provider
1	15	intuitive	short-term	positive
1	6	simple	under the contract	positive
1	22	medium	short-term	indefinite
1	65	simple	long-term	positive

id_expert:

cost:

learningCurve:

support:

b

Alternative name	OverallResult	OverallRatingPosition
RBC Internet portal	9.8	1
RIA Novosti	9.2	2
Mash	8.6	3
Caution, News [*]	8.4	4

Cost - 3, Learning curve - 2.5, Support - 2...

Figure 2. GUI for entering (a) and displaying ranked (b) alternatives

The most significant advantage of the implemented GUI is its adaptability. If the system of criteria is modified, GUI will be updated completely automatically to allow the expert to make assessments in accordance with the updated criteria system.

After all experts have entered their own ratings of alternatives, the entered ratings as a JSON package are transferred to the service for comparing and ranking alternatives, and the processing result is displayed (Figure 2, *b*).

Conclusion

This article presents a new approach and tools for evaluating different alternatives based on linguistic data during the overcoming the media crisis. Unlike existing approaches (like Crawley et al., 2016, p. 73 or Martínez et al., 2015, p. 11) that require extensive preparation (like to unify the used scales), the approach proposed involves setting individual rating scales for each criterion and does not require a transition from qualitative to quantitative criteria. Our approach is universal and can be applied to various domains, helping decision-makers to make informed decisions by considering multiple criteria and linguistic data. In this case, we give an example of working with mediaobjects in crisis situations, when a large number of data sources and their heterogeneity can cause content to be unreliable.

What is the most important, any changes made to the evaluation criteria and expert assessments are done through a GUI that adapts and adjusts automatically to the initial system of criteria set for evaluating alternatives (without need to recreate it or re-enter expert assessments).

In the future, we plan to introduce into the prototype support for more complex rules for accounting for linguistic assessments, the ability to vary scales based on the mechanisms of category theory, to analyze a wider class of qualitative assessments, which are the most difficult to formalize and heterogeneous in a media crisis.

References

- Belousova, N.M. (2018). Evaluation of the competitiveness of a media project at different stages of its life cycle. *Media Economics of 21st Century*, (3), 18–23. (In Russ.)
Белуцова Н.М. Оценка конкурентоспособности медиапроекта на разных стадиях его жизненного цикла // *Медиаэкономика 21 века*. 2018. № 3. С. 18–23.
- Cid-Lopez, A., Hornos, M.J., Carrasco, R.A., Herrera-Viedma, E., & Chiclana, F. (2017). Linguistic multi-criteria decision-making model with output variable expressive richness. *Expert Systems with Applications*, 83, 350–362. <http://dx.doi.org/10.1016/j.eswa.2017.04.049>
- Crawley, E., Cameron, B., & Selva, D. (2016). *System architecture: Strategy and product development for complex systems*. Pearson Education.
- Dehe, B., & Bamford, D. (2015). Development, test and comparison of two multiple criteria decision analysis (MCDA) models: A case of healthcare infrastructure location. *Expert Systems with Applications*, 42(19), 6717–6727. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2015.04.059>
- Demidovskij, A., & Babkin, E. (2022). Neural multigranular 2-tuple average operator in neural-symbolic decision support systems. *Proceedings of the Fifth International Scientific Conference “Intelligent Information Technologies for Industry”* (pp. 350–359). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-87178-9_35

- Herrera, F., & Martinez, L. (2001). A model based on linguistic 2-tuples for dealing with multigranular hierarchical linguistic contexts in multi-expert decision-making. *IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics, Part B (Cybernetics)*, 31(2), 227–234. <https://doi.org/10.1109/3477.915345>
- Igoulalene, I., Benyoucef, L., & Tiwari, M.K. (2015). Novel fuzzy hybrid multi-criteria group decision making approaches for the strategic supplier selection problem. *Expert Systems with Applications*, 42(7), 3342–3356. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2014.12.014>
- Martínez, L., Rodríguez, R.M., & Herrera, F. (2015). *The 2-tuple linguistic model computing with words in decision making* (pp. 1–21). Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-24714-4>
- Senthil, S., Srirangacharyulu, B., & Ramesh, A. (2014). A robust hybrid multi-criteria decision-making methodology for contractor evaluation and selection in third-party reverse logistics. *Expert Systems with Applications*, 41(1), 50–58. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2013.07.010>
- Xu, Z. (2004). A method based on linguistic aggregation operators for group decision making with linguistic preference relations. *Information Sciences*, 166(1–4), 19–30. <https://doi.org/10.1016/j.ins.2003.10.006>
- Zykov, S.V. (2021). *IT crisisology: Smart crisis management in software engineering: Models, methods, patterns, practices, case studies*. Singapore: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-981-33-4435-8>

Bio notes:

Sergey V. Zykov, Doctor of Technical Sciences, Professor, Department of Business Informatics, Graduate School of Business, HSE University, 11 Pokrovskii Bulvar, Moscow, 109028, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2115-5461. E-mail: szykov@hse.ru

Eduard A. Babkin, PhD in Computer Science, Docent, Professor, Department of Information Systems and Technologies, Faculty of Informatics, Mathematics, and Computer Science, HSE University, 11 Pokrovskii Bulvar, Moscow, 109028, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2597-9043. E-mail: eababkin@hse.ru

Boris I. Ulitin, PhD in Computer Science, Docent, Department of Information Systems and Technologies, Faculty of Informatics, Mathematics, and Computer Science, HSE University, 11 Pokrovskii Bulvar, Moscow, 109028, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3774-2457. E-mail: bulitin@hse.ru

Сведения об авторах:

Зыков Сергей Викторович, доктор технических наук, профессор, департамент бизнес-информатики, Высшая школа бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский б-р, д. 11. ORCID: 0000-0002-2115-5461. E-mail: szykov@hse.ru

Бабкин Эдуард Александрович, кандидат технических наук, доцент, профессор, кафедра информационных систем и технологий, факультет информатики, математики и компьютерных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский б-р, д. 11. ORCID: 0000-0003-2597-9043. E-mail: eababkin@hse.ru

Улитин Борис Игоревич, кандидат компьютерных наук, доцент, кафедра информационных систем и технологий, факультет информатики, математики и компьютерных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский б-р, д. 11. ORCID: 0000-0003-3774-2457. E-mail: bulitin@hse.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-757-768

EDN: IWYVNU

UDC 004.351:070

Research article / Научная статья

Artificial journalism: the reverse of human-machine communication paradigm. Mapping the field of AI critical media studies

Marina G. Shilina^{1,2}, Irina I. Volkova³,
Andrey Yu. Bombin⁴, Anna A. Smirnova⁴

¹*Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanniy Pereulok, Moscow, 115054, Russian Federation*

²*Lomonosov Moscow State University,*

9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation

³*RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

⁴*Saint Petersburg State University of Economics,*

30–32 Naberezhnaya Kanala Griboedova, St. Petersburg, 191023, Russian Federation

 marina.shilina@gmail.com

Abstract. The study for the first time endeavours to elucidate the distinct conceptual nuances of AI-driven journalism, exploring how it reshapes the core technological and communicative attributes of the field while influencing societal dynamics. The crisis within AI-driven human-machine interaction in journalism rooted in the essence and processing of information is defined. Despite the paradigm of journalism is rooted in a human-centered approach, its AI-driven paradigm is the same – but in a reversible mode. Journalism involves the translation of personal perspectives and experiences through the filter of memory. Algorithms function without the nuances of personal and social memory, thereby undermining the core principles of the journalistic profession. The loss of genuine, “analog” memory among journalists and their audiences, alongside the digital “memory” of algorithms, jeopardizes the fundamental societal role of journalism-upholding social order. Re-thinking the AI phenomenon as artificial communication, the authors propose the term “artificial journalism”. At the basic technological level it is based on various forms of automation and embedded within digital infrastructures; at the societal level it is designed for the central purpose of journalism and entangled with human practices. Both the levels are reversible. The term could serve as an umbrella term for all the AI-driven journalism activities. Also it removes contradictions not only in human-machine communication but clarify the essence of AI performance in journalism and media studies, and for the users. The emergence of AI-driven media practices opens the basic crisis conceptual contradictions which provokes new realms of research and necessitates the establishment of critical AI media studies.

Keywords: automated journalism, artificial intelligence, communicative AI, artificial communication, artificial journalism, reversion, memory, crisis, AI-driven media trust divide, AI critical media studies

© Shilina M.G., Volkova I.I., Bombin A.Yu., Smirnova A.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 24, 2023; revised July 30, 2023; accepted August 27, 2023.

For citation: Shilina, M.G., Volkova, I.I., Bombin, A.Yu., & Smirnova, A.A. (2023). Artificial journalism: The reverse of human-machine communication paradigm. Mapping the field of AI critical media studies. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 757–768. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-757-768>

Журналистика и искусственный интеллект: реверс парадигмы взаимодействия человека и машины. Картирование новой сферы критических исследований медиа

**М.Г. Шилина^{1,2} , И.И. Волкова³ ,
А.Ю. Бомбин⁴ , А.А. Смирнова⁴ **

¹*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Российская Федерация, 115054, Москва, Стремянный пер., д. 36*

²*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1*

³*Российский университет дружбы народов,*

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

⁴*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова, д. 30–32*

 marina.shilina@gmail.com

Аннотация. В исследовании впервые предпринята попытка обозначить базовые концептуальные параметры журналистики, опосредованной искусственным интеллектом (ИИ). Изучены технологические изменения и коммуникативные трансформации в этой области, которые влияют на социум и социальные перемены. Выявлен кризис человеко-машинного взаимодействия в журналистике, опосредованной искусственным интеллектом, который априори заложен в сущность процесса обработки информации алгоритмами. Парадигмы обеих журналистик – классической и опосредованной искусственным интеллектом – основаны на человеко ориентированном подходе, однако ИИ-парадигма реверсивна. Журналистика предполагает передачу личных взглядов и опыта через фильтр памяти. Алгоритмы функционируют без учета нюансов личной и социальной памяти, тем самым разрушая основные принципы журналистской профессии. Утрата подлинной, «аналоговой» памяти журналистами и их аудиториями и специфика цифровой «памяти» алгоритмов ставят под угрозу фундаментальную социальную роль журналистики в поддержании общественного порядка. Переосмысливая феномен ИИ как коммуникацию человека и машины, человека и алгоритмов, авторы предлагают ввести термин «журналистика коммуникативного искусственного интеллекта». На базовом технологическом уровне термин основан на различных формах автоматизации и встроен в цифровые инфраструктуры; на социетальном уровне – предназначен для центральной цели журналистики и вплетен в человеческие практики. Оба уровня обратимы. Предложенный термин мог бы служить обобщающим, зонтичным для совокупности журналистской деятельности, основанной на искусственном интеллекте. Термин устраняет противоречия не только в человеко-машинном общении, но и проясняет суть применения ИИ в журналистике, исследованиях медиа и для пользователей. Появление и расширение медийных практик, основанных на ИИ, предполагает появление иных кризисных концептуальных противоречий. Обо-

значенные реалии провоцируют формирование новых областей исследований медиа и в частности возникновение критических исследований медиа, опосредованных искусственным интеллектом.

Ключевые слова: автоматизированная журналистика, коммуникативный искусственный интеллект, опосредованная искусственным интеллектом коммуникация, опосредованная искусственным интеллектом журналистика, реверсия, память, кризис, подрыв доверия

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24 июня 2023 г.; отрецензирована 30 июля 2023 г.; принята к публикации 27 августа 2023 г.

Для цитирования: *Shilina M.G., Volkova I.I., Bombin A.Yu., Smirnova A.A.* Artificial journalism: the reverse of human-machine communication paradigm. Mapping the field of AI critical media studies // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 757–768. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-757-768>

Introduction

Over the past decade, the landscape of artificial intelligence (AI) driven journalism has expanded significantly, growing in complexity and scope (Henestrosa et al., 2023). Algorithms have evolved to autonomously generate journalistic content, encompassing tasks such as data collection and analysis, news production and distribution, and audience behavior prediction, etc. This phenomenon, often referred to as automated media (Andrejevic, 2019), automated, algorithmic, or robot journalism, first of all involves the algorithmic generation of journalistic content (Graefe, Bohlken, 2020). It's noteworthy to distinguish between these terms: “automated” pertains to the mode of processing, while “algorithmic” and “robot” are more subject-oriented. Also the functions of AI in journalism are wider. In 2023, the International Center for Journalists (ICFJ, Chicago, the U.S.) presents some problem areas in the field of the interaction of artificial intelligence and journalists, among others the problem of information detecting, questions of so-called “AI hallucinations”, etc.

Throughout history, journalism has always been influenced by technological advancements, but the advent of AI brings about profound changes in how media content is produced, distributed, and discussed (Hepp et al., 2023; Volcic, Andrejevic, 2023). The fundamentals of AI-driven journalism diverge from those of human journalism. Despite the paradigm of journalism is rooted in a human-centered approach, its AI-driven paradigm is the same – but in a reversible mode. For instance, algorithms emulate human behaviors to generate predictive and relevant data; the technological disparities are manifold – machines generate data rather than information, and their “intelligence” and performance are distinct from human capacities.

From the inception of content automation to the present day, advancements in Natural Language Generation (NLG) have made AI-written media texts indistinguishable from those crafted by human hands. In essence, algorithms have become qualified “authors” in the realm of journalism, acting as quasi-actors. AI-driven journalism introduces a range of other non-direct quasi-actors, including platform and data owners, programmers, and more.

Within the realm of media studies, the impact of AI and automation on journalism constitutes a relatively recent area of research. Scholars from Russia and beyond delve into the overarching challenges posed by automated journalism and automated texts (Henestrosa et al., 2023), defining AI-generated content as a category of specific quasi-actors and media agents (Gambino et al., 2020). Ongoing scholarly discourse revolves around clarifying the landscape of more wide approach of research as human-machine communication (Hepp et al., 2023), particularly concerning the profound conceptual shifts catalysed by artificial intelligence.

This paper endeavours to elucidate the distinct conceptual nuances of AI-driven journalism, exploring how it reshapes the core technological and communicative attributes of the field while influencing societal dynamics. To address this inquiry, we will answer two central research questions:

RQ 1: What are the key features and inherent contradictions of AI-driven journalism in the context of machine-human communication?

RQ2: What defines the societal essence of AI-driven journalism and its broader impact?

Methodology

AI-driven journalism, and automated in particular, represents a form of communication that exists at the intersection of human and machine interaction. This phenomenon prompts researchers to delve into both its technological intricacies and its broader societal implications. This research orientation is closely aligned with multilevel methodology, which focuses on investigating digital and AI-driven communication from a societal vantage point. Over the past decade, this multifaceted approach has been successfully applied to our studies on digital media, data journalism, as well as critical analyses of Data and AI (Shilina, 2012, 2022). Consequently, our research aims to delineate the technical facets of AI implementation in journalism by elucidating its fundamental technological human-machine communicative attributes at a foundational level. Simultaneously, we intend to uncover the underlying societal significance of these technological features. Finally, we'll try to conceptualize all the analysed changes.

Artificial intelligence: technological level of human and machine performance

Despite the novelty surrounding the interaction between humans and machines within the realm of AI-driven journalism, discussions regarding the aspects of human and machine performance have been present since the 1980s within the realms of mathematical communication theory, informatics, and cybernetics. These conversations initially focused on technology-driven communication automation. By the 1990s, within media and communication studies, research into human-computer interaction gained momentum alongside the rise of digitalization.

Since the 2010s, the surge in digitalization catalyzed processes of mediation, mediatization, and the transgression of media during the COVID-19 crisis. As datafication and platform economics gained prominence, the fields of media and communication studies converged with technology studies, fostering a symbiotic relationship. Analysis of AI-driven practices spurred critical discourse concerning

datafication, automated data processing, and the institutionalization of critical data and AI studies, which is still a nascent field within media studies.

Presently, scholars continue to elucidate the conceptual shifts provoked by artificial intelligence across all facets of human-machine communication (Fortunati, Edwards, 2021; Richards et al., 2022).

At the foundational technological level, the key crisis paradox in contemplating AI-driven human-machine interaction lies in our conventional human-centric representations and limitations. However, drawing analogies between human and machine performance, such as thinking and acting, proves irrelevant. Notably, the disparity between human and machine “intelligence” arises due to vastly different underlying mechanisms. Even contemporary machine learning (ML) algorithms do not merely replicate or mimic human “intelligence”; generative AI “generate” new content in a specific unpredictable way, etc.

Crucially, algorithms do not generate information, a cornerstone of journalism, but rather data. Human information processing revolves around meaning, while this transformational shift is underpinned by the “revolutionary communicative meaning of big data... to produce information from data that is not itself information” (Esposito, 2022, p. 15). Additionally, algorithms operate solely on “secondary” information.

Algorithms exhibit exceptional speed and efficiency in processing data. However, the outcomes do not inherently reveal causation. Predictive and prescriptive analytical outcomes fail to facilitate a comprehensive understanding of both the analysed phenomena and the rationale behind predictable changes. The technological nature of AI inherently precludes deep comprehension (Hepp et al., 2022).

Thus, the crisis within AI-driven human-machine interaction in journalism stems from a fundamental technological contradiction, manifesting in the core element of journalism – the essence and processing of information.

Memory as the techno-social AI-driven contradiction?

The crisis of algorithmic performance arises from the absence of a human function and mental cognitive process, particularly intelligence in the form of memory. Human memory encompasses the processes of recording, storing, and subsequently recalling information, impressions, and experiences for present use. In digital era, memory is defined not only as a process, but also as “the ability of a living system record the fact of interaction with the environment (external or internal), and save the result this interaction in the form of experience and use it in behavior” (Druzhinin, 2023). Essentially, human memory allows individuals to draw upon past experiences in their current actions. It’s essence is culture-communicative while “memory lives and is preserved in communication. If the latter terminates, or if the referential framework of communicative reality disappears or changes, oblivion follows” (Assman, 2004, 37).

Despite algorithms relying on “secondary” data, a form of data from the past, they are engineered to function in the immediate “here and now” using a specific set of relevant data, even if it's extensive. Algorithms, in essence, calculate and operate without the need for remembering or forgetting.

For AI-driven human-machine interaction, the absence of memory, or more accurately, the lack of it, presents a genuine technological and professional challenge.

This shortfall in technological memory can lead to significant errors in the analysis and representation of even basic data. For instance, generative AI might produce drawings of humans with an incorrect number of fingers.

This problem has quite serious implications in future periods, which, as mentioned earlier, can range from minor errors to significant issues. The main aspects of this problem can be outlined in four directions: context and narrow specialized experience, potential data errors, lack of personalization and recognizability, as well as data security and confidentiality.

Context and narrow specialized experience. AI systems without memory may tend to “forget” information, especially if they are unable to generalize information/knowledge from previous interactions. This can limit their ability to adapt to various stories/scenarios and make decisions based on accumulated experience.

Potential data errors. The lack of memory can lead to the creation of erroneous data or content. Generative Adversarial Network (GAN) can produce images or texts that do not match real data if they are not provided with sufficient context.

Lack of personalization and recognizability. The absence of memory can also affect the AI system's ability to recognize and interact with specific users. This can result in less personalized and less satisfactory interactions between humans and machines.

Data security and confidentiality. If AI systems are unable to store and manage data, it can create vulnerabilities in terms of security and confidentiality. Ensuring secure and reliable data storage is crucial, especially when dealing with sensitive information. For instance, Google services continued to store location data even when users had turned off location tracking. This was a clear breach of user trust and their privacy.

To overcome this problem, AI developers and researchers are actively working on developing methods and technologies that would enable systems to retain and use information from previous interactions. This includes researching reinforcement learning techniques and developing more complex AI architectures capable of long-term learning and knowledge retention.

According to Esposito, “agents that manage data move in an eternal present, without remembering and without forgetting” (Esposito, 2022, p. 72). This shift away from analog memory is a consequence of digital media's influence, where modern societies now prioritize the ability to forget, shifting from individual to communicative frames of reference (Esposito, 2022, pp. 76–77).

The absence of social and personal memory poses a broader challenge in contemporary societies, extending beyond data privacy concerns in the digitalized world. The memory maintaining commonalities through mechanisms of social and national identity, which include many components, first of all, such as mentality and self-knowledge, social comparison, historical memory, national character, customs, traditions, etc. In the general sense, identical resilience is most often defined as something that allows a person to define his place in the socio-cultural space and navigate in the world (Oleshko, Oleshko, 2020).

The phenomenon of memory – or rather its absence in human sense – has the potential to lead to personal and even national catastrophes. To illustrate this point, consider the metaphors: the first is provided by Georgy Gospodinov, the winner

of the International Booker Prize 2023, in his novel “The Timeshelter” (2020), which depicts a European Alzheimer's disease rooted in the historical trauma of Nazism and World War II. Also Chingiz Aitmatov, a renowned Soviet and Kyrgyzstan writer, echoed similar concerns about memory loss and its consequences in “And the Day Lasts Longer than a Century” (1980) highlighting the plight of memory-deprived slaves named “mancourts”.

Thus, the loss of genuine, “analog” memory among journalists and their audiences, alongside the digital “memory” of algorithms, jeopardizes the fundamental societal role of journalism – upholding social order. Journalism involves the translation of personal perspectives and experiences through the filter of memory. Algorithms possess a digital form of “remembering and forgetting” that starkly contrasts with human analog memory. They function without the nuances of personal and social memory (Assmann, 2011), thereby undermining the core principles of the journalistic profession.

From artificial communication to artificial journalism?

Nowadays, the concept of the artificial intelligence is clarified by the communication researchers. Starting with the basic technological features analysis, they proposed to re-think this phenomenon not in terms of *artificial intelligence* but in terms of *artificial communication* (Guzman, Lewis, 2020; Esposito, 2022), because all the AI-driven core processes are machine-human and driven by communication. According to Hepp et al. (2023), if machines contribute to social intelligence, it will not be because they have learned how to think like us but because we have learned how to communicate with them. In other words, this reversible idea logically opens up a new approach and concept of *communicative AI*.

In communication studies, communicative AI is a sensitizing concept, leading to the human-centered communicative construction. For instance, according to Hepp et al., artificial communication is based on three criteria. First, it is based on various forms of automation, then designed for the central purpose of communication, and embedded within digital infrastructures, and entangled with human practices (Hepp et al., 2023, p. 50).

The differences between artificial communication and artificial journalism from a conceptual point of view can be seen in the process of determining the components of both phenomena. Table shows the results of a comparative analysis of the component parts of each of the analysed areas.

In order to gain an understanding of the presence of each of the elements proposed above in the two groups “Artificial Communication” and “Artificial Journalism” we will create a schematic representation of their presence by overlapping areas, each representing a specific element (Figure).

The Figure shows that a total of four elements are present in both groups. Based on this, we can conclude that the proportion of overlapping elements between the “Artificial Communication” and “Artificial Journalism” groups is approximately 44%.

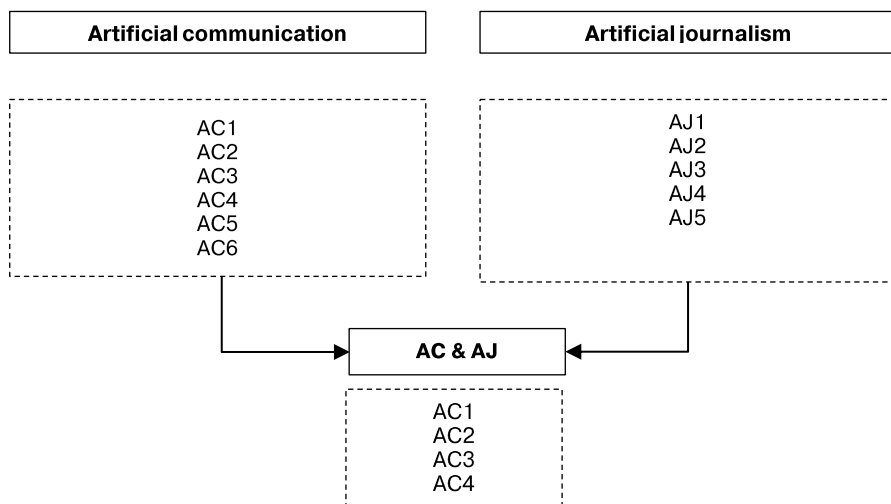
Thus, it is worth noting that artificial communication refers to the use of AI and related technologies to facilitate, improve, or automate communication between humans or between humans and machines. When, in turn, artificial journa-

lism is a subset of artificial communication focused specifically on the application of AI in the field of journalism. It involves using AI technologies to support or augment journalistic processes, such as news gathering, content generation, and distribution.

Component analysis of artificial communication and artificial journalism

Artificial communication (AC)		
AC1	Chatbots & virtual assistants	Chatbots and virtual assistants are AI-powered systems designed to engage in natural language conversations with users. They are used in customer support, information retrieval, and other communication-intensive tasks
AC2	Language translation	AI can be used to automatically translate text or speech from one language to another, enabling cross-cultural communication
AC3	Speech recognition	AI systems can transcribe spoken language into text, which is useful for applications like transcription services, voice assistants, and more
AC4	Content generation	AI can assist in generating written content, such as news articles, reports, or marketing materials
AC5	Social media analysis	AI tools can analyze social media data to understand trends, sentiment, and public opinion
AC6	Personalization	AI can tailor communication content based on user preferences and behavior, leading to more relevant and engaging interactions
Artificial journalism (AJ)		
AJ1	Automated news writing	AI algorithms can be employed to generate news articles quickly and efficiently, often based on structured data or information from various sources
AJ2	Fact-checking	AI can assist in fact-checking and verifying information presented in news articles, helping to combat misinformation and fake news
AJ3	Personalized news delivery	AI-driven recommendation systems can tailor news content to individual readers' preferences and interests
AJ4	Data journalism	AI tools can analyze large datasets to uncover trends, patterns, and insights that can inform news stories
AJ5	Audience engagement	AI can help media organizations understand their audiences better and engage with them through personalized content and interactions

Source: compiled by the authors.

Intersection of elements between the “Artificial Communication” and “Artificial Journalism” groups

Do the concepts of artificial communication and communicative AI fit for journalism studies? Such understanding and concept of AI as a communication phenomenon – and algorithm as an actor – fits for AI-driven journalism research from the technological point of view, professional and societal perspective because of basic AI-driven human-centered and human-driven background of technologies and hybrid communication (Shilina, 2012, 2022).

Artificial communication in journalism is a part of societal communication by origin. It is designed for the central purpose of journalism – to improve social values. AI-driven journalism is based on various forms of human-driven automation and embedded within digital infrastructures, and entangled with human practices.

Thus, artificial journalism could be defined as a specific field of artificial communication, and AI-driven digital journalism based on communicative AI. Artificial journalism at the basic technological level is based on various forms of automation and embedded within digital infrastructures; at the societal level it is designed for the central purpose of journalism and entangled with human practices. Both the levels are reversible.

The term “artificial journalism” is as metaphoric as the majority terms of phenomena of post-modernity. But it is more wide and complex than all the previous ones and could serve as an umbrella term for all the AI-driven journalism activities. Also it removes contradictions not only in human-machine communication, but clarify the essence of AI performance in journalism and media studies, and for the users.

Conclusion

The realm of AI-driven journalism is intricately tied to the reversible paradigms of human-machine interaction within the technosocial landscape and could provoke a couple of crisis contradictions. At its core, a profound professional contradiction arises at the basic technological level, centering around the essence and processing of information in journalism. The unique and opaque nature of AI technologies, coupled with the outcomes of data analysis, inherently limits clear interpretation and understanding the mechanism of content production.

Algorithms have the capacity to provide audiences with information that aligns with their preferences rather than objective reality. While both human-created and algorithm-generated media content share similar quality, it rises ethical problems. This shift towards AI-driven experiences in daily life has potentially mitigated this contradiction, as truth and trust remains a pivotal factor in journalism. This dynamic has given rise to ethical dilemmas, which could be conceptualized as the “AI-driven Media Trust Divide”.

De facto, there is no strict contradiction in text of machine and human, but the technological and human specific features of AI-driven interaction is rather reversible.

Journalism involves the personal creative process of translating personal vision and experience, a process inherently tied to person’s memory. Algorithms are designed for immediate and specific tasks, possessing a form of digital “remembering and forgetting” that diverges significantly from human “analog” memory. The absence of “personal” and “social” memory within algorithms could under-

mine the sociocultural memory as a foundation of journalism. This potential loss of genuine memory, within the digital “memory” of algorithms and both among journalists and their audiences, erodes the personal and professional identification of journalist, and its societal mission – to uphold social order. It is crucial to recognize that the essence of journalism lies in the sharing of personal human experiences, something that cannot be reduced to mere lines of code.

However, drawing direct analogies between “analog” and digital AI-driven journalism proves problematic, as their conceptual frameworks differ. Emerging ideas within media and communication scholarship suggest adopting a new perspective by replacing the vague term “artificial intelligence” with “communicative AI” as a sensitizing concept that fosters human-centered communicative constructs, in AI-driven “artificial” journalism in particular.

A proposed term “artificial journalism” is encompassing the wide and intricate practices of contemporary digital AI-driven journalism. Artificial journalism, seen as a digital techno-human phenomenon and process of AI-driven media communication, extends beyond mere content generation to encompass the broader landscape of media processing. This term, while metaphoric like many concepts in post-modernity, is more systematic and encompassing. It resolves contradictions in human-machine communication research, clarifies AI's role in journalism and media studies, and provides greater clarity for target audiences.

Since its inception, AI-driven journalism has been marked as a field of contradictions. The emergence of AI-driven media practices opens the basic crisis conceptual contradictions which provokes new realms of research and necessitates the establishment of Critical AI Media Studies. Ultimately, the concept of artificial intelligence potentially serves as a catalyst for deeper reflections within the field.

References

- Andrejevic, A. (2019). *Automated media*. New York: Taylor & Francis Group, Routledge.
- Assmann, A. (2004). Four formats of memory: From individual to collective constructions of the past. In C. Emden & D. Midgley (Eds.), *Cultural Memory and Historical Consciousness in the German-Speaking World since 1500* (pp. 19–37). Bern: Peter Lang.
- Assmann, A. (2011). *Cultural memory and Western civilization: Functions, media, archives*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Druzhinin, V.N. (2023). *The psychology of general ability*. Moscow: Urait Publ. (In Russ.)
Дружинин В.Н. Психология общих способностей. М.: Юрайт, 2023.
- Esposito, E. (2022). *Artificial communication: How algorithms produce social intelligence strong ideas*. New York: The MIT Press.
- Fortunati, L., & Edwards, A.P. (2021). Moving ahead with human-machine communication. *Human-Machine Communication*, 2, 7–28. <https://doi.org/10.30658/hmc.2.1>
- Gambino, A., Fox, J., & Ratan, R. (2020). Building a stronger CASA: Extending the computers are social actors paradigm. *Human-Machine Communication*, 1, 71–86. <https://doi.org/10.30658/hmc.1.5>
- Graefe, A., & Bohlken, N.A. (2020). Automated journalism: A meta-analysis of readers' perceptions of human-written in comparison to automated news. *Media and Communication*, 8(3), 50–59. <https://doi.org/10.17645/mac.v8i3.3019>
- Guzman, A.L., & Lewis, S.C. (2020). Artificial intelligence and communication: A human-machine communication research agenda. *New Media & Society*, 22(1), 70–86. <https://doi.org/10.1177/1461444819858691>

- Henestrosa, A.L., Greving, H., & Kimmerle, J. (2023). Automated journalism: The effects of AI authorship and evaluative information on the perception of a science journalism article. *Computers in Human Behavior*, 138, 107445. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107445>
- Hepp, A., Jarke, J., & Kramp, L. (2022). *New perspectives in critical data studies*. London: Palgrave Macmillan.
- Hepp, A., Loosen, W., Dreyer, S., Jarke, J., Kannengießer, S., Katzenbach, C., Malaka, R., Pfadenhauer, M., Puschmann, C., & Schulz, W. (2023). ChatGPT, LaMDA, and the hype around communicative AI: The automation of communication as a field of research in media and communication studies. *Human-Machine Communication*, 6, 41–63. <https://doi.org/10.30658/hmc.6.4>
- Oleshko, V., & Oleshko, E. (2020). Reading as a democratic value and resource for the formation of the communicative and cultural memory of a nation. *KnE Social Sciences*, 4(2), 284–298. <https://doi.org/10.18502/kss.v4i2.6347284-298>
- Richards, R., Spence, P., & Edwards, C. (2022). Human-machine communication scholarship trends: An examination of research from 2011 to 2021 in communication journals. *Human-Machine Communication*, 4, 45–65.
- Shilina, M.G. (2012). The theory of public relations: Creating non-classical methodology. *Mediascope*, (1). Retrieved September 24, 2023, from <https://mediascope.ru/node/1028>
- Shilina, M.G. (2022). Mediatization in the context of the global crisis: Temporality as a research modality. *Russian School of Public Relations*, 24, 45–57.
- Volcic, Z., & Andrejevic, M. (2023). Automated media and commercial populism. *Cultural Studies*, 37(1), 149–167. <https://doi.org/10.1080/09502386.2022.2042581>

Bio notes:

Marina G. Shilina, Dr. Sc., Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Design, Plekhsnov Russian University of Economics, 36 Stremyannyi Pereulok, Moscow, 117997, Russian Federation; Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9608-352X. E-mail: marina.shilina@gmail.com

Irina I. Volkova, Dr. Sc. in Philology, Professor, Professor of the Department of Mass Communication, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2693-1204. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

Andrey Yu. Bombin, senior lecturer, Department of Communication Technologies and Public Relations, Saint Petersburg State University of Economics, 30–32 Naberezhnaya Kanala Griboedova, St. Petersburg, 191023, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1151-7721. E-mail: bombin.a@unecon.ru

Anna A. Smirnova, senior lecturer, Department of Communication Technologies and Public Relations, Deputy Dean of the Faculty of Humanities, Saint Petersburg State University of Economics, 30–32 Naberezhnaya Kanala Griboedova, St. Petersburg, 191023, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1392-2832. E-mail: smirnova.aa@unecon.ru

Сведения об авторах:

Шилина Марина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36; профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-9608-352X. E-mail: Marina.shilina@gmail.com

Волкова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-2693-1204. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

Бомбин Андрей Юрьевич, старший преподаватель, кафедра коммуникационных технологий и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова, д. 30–32. ORCID: 0000-0002-1151-7721. E-mail: bombin.a@unecop.ru

Смирнова Анна Андреевна, старший преподаватель, кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью, заместитель декана гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова, д. 30–32. ORCID: 0000-0003-1392-2832. E-mail: Smirnova_a.a.spb@mail.ru

МЕДИА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА MEDIA IN THE CONTEXT OF POLITICAL CRISIS

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-769-779
EDN: FGNRCC
UDC 654.197

Research article / Научная статья

Crisis of political communication: is there a silencing effect in Russian media?

Yulia I. Dolgova¹, Petr V. Gulenko²

¹*Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation*
²*Charles University, 5 Patkova St, Prague, 18200, Czech Republic*
 YIDolgova@gmail.com

Abstract. The authors investigate the agenda of the so-called ‘big three’ TV channels and popular online media during the presidential elections 2018 in Russia. In the context of an election campaign, the significance of qualitative public awareness grows exponentially. The given research studies the agenda of those media, the coverage of the election campaign, and also the possible ‘silencing effect’. An unique research design that allowed the content comparison between evening TV news and online media is developed, and also the notion of ‘silencing effect’ is conceptualized. Online media are often considered more qualitative and full-fledged sources of information; nevertheless, the research demonstrates that information concerned the elections was published on the Internet on a smaller scale and irregularly. The study confirmed that television in Russia, first of all, was an assistant to the government, directing its efforts to inform citizens about authorities and their socially significant initiatives. Besides, television covered the presidential elections in a better extent. Online media devoted more attention to scandalous news, attempted to criticize the government; however, they overlooked significant social issues.

Keywords: television, online media, election covering, Russian Presidential election, inter-media agenda

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 29, 2023; revised March 6, 2023; accepted May 24, 2023.

For citation: Dolgova, Yu.I., & Gulenko, P.V. (2023). Crisis of political communication: Is there a silencing effect in Russian media? *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 769–779. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-769-779>

Кризис политической коммуникации: есть ли эффект умалчивания в российских медиа?

Ю.И. Долгова¹, П.В. Гуленко²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1

²Карлов университет, Чешская Республика, 18200, Прага, ул. Паткова, д. 5

 YIDolgova@gmail.com

Аннотация. Исследуется повестка дня телеканалов «большой тройки» и популярных онлайн-медиа в период перед президентскими выборами 2018 г. В условиях предвыборной кампании значение качественного информирования значительно возрастает. Изучены повестка дня выбранных медиа, освещение предвыборной кампании, а также возможный «эффект умалчивания». Предлагается уникальная методика сравнения контента вечерних телевизионных новостей и онлайн-медиа, а также концептуализируется понятие «эффект умалчивания». Онлайн-медиа часто воспринимаются как более качественные и полноценные источники информации, однако исследование показало, что сообщения о выборах в интернете появлялись в меньшем количестве и нерегулярно. Анализ подтвердил, что телевидение в России, прежде всего, выступало в качестве помощника правительства, направляя его усилия на информирование граждан о деятельности властей и их социально значимых инициативах. Именно телевидение лучше освещало предвыборную кампанию. Онлайн-медиа уделяли больше внимание скандальным новостям, пытались критиковать власть, однако упускали из внимания важные социальные темы.

Ключевые слова: телевидение, онлайн-медиа, освещение выборов, выборы президента России, повестка дня

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 29 января 2023 г.; отрецензирована 6 марта 2023 г.; принята к публикации 24 мая 2023 г.

Для цитирования: *Dolgova Yu.I., Gulenko P.V. Crisis of political communication: is there a silencing effect in Russian media? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 769–779. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-769-779>*

Introduction

At the times of crisis, one cannot underestimate the significance of information for the modern political system functioning. The process of obtaining social and political information by citizens as a major component of democratic processes and the formation of social power. In the modern multi-channel environment, the matter of parallel study of media agendas of various types of mass media entering competition for the consumer's attention and determining his picture of the world increases enormously.

In this article attention will be focused on the information agendas formed by Russian television and online media during the 2018 election campaign. The pre-election period (March, 2018) is one of the most interesting times for analysis, when the main trends of modern political communication emerge (Stromback,

Kaid, 2008). At that period television retained its leadership in Russia, however, only among the older audience, while simultaneously losing leading positions among young people¹ (Proskurnova et al., 2021). Besides, in our view, it is of particularly interesting to compare television and online media coverage during the election campaign using the case of Russia. This country embarked on the path of democratization in the early 1990s, however, according to researchers, it is not always successfully coping with it (Voltmer, 2004). Until recently independent online media being able to present alternative points of view were considered relatively free in Russia. The comparison of media agendas allowed us to discover the possible silencing effect which Russian media are often blamed for².

Literature review and conceptual development

The presidential campaign of 2018 in Russia remains the understudied issue in academics. At the same time, while some scholars assume the silencing effect to be an important measure when estimating the conditions of country's political system (Kellam, Stein, 2016), the number of empirical and theoretical research on the topic is still insufficient.

The concept of silencing developed in Communication studies initially related to discursive practices in interpersonal communication, while later its elements were adapted to media studies (e.g., Lumsden, Morgan, 2017). According to the discourse silencing theory, silencing is an active and socially constructed practice while being the result of personal choice (Abdulla, 2022). Simultaneously, it could be used in political communication through mass media and educational institutions to displace from the public sphere unacceptable ideas or to support dominant ideology (Thiesmeyer, 2003). For the purposes of our study, we apply the notion of silencing effect to the phenomenon that emerges when media intentionally avoid covering events or facts valuable for society.

It is evidently that main Russian TV channels provide predominantly a pro-government position (Gulenko, 2021; Gulenko, Dolgova, 2021; Dolgova, Pimenova, 2020). Television all over the world has been subjected to a high level of state control from the very beginning of its existence (McQuail, 2010). Moreover, in Russia television, as a type of media formed during the Soviet period of the country's history, was only the state-owned outlet until 1991. In addition, television was well integrated into the system of television political information and propaganda. Online media began to form in completely different conditions in Russia, initially as a commercial enterprise in the late of 1990s, early 2000s. Therefore, it is quite natural that we can expect different approaches to the coverage of events from these two types of media. Another important characteristic: Online sources have more bandwidth. Television channels of general interest offer newscasts every

¹ Krivobok, R. (2018, September 18). Research: Most Russians learn news from the Internet. *RIA News*. (In Russ.) Retrieved August 15, 2019, from <https://ria.ru/20180918/1528757085.html>

² Bogomolov, Yu. (2017, March 26). The silence of federal TV channels about mass actions in Russia is not a surprise. *Ekho Moskvу*. (In Russ.); Petrovskaya, I (2017, March 2). Shut up, you'll get into the first. What the viewers of the main federal TV channels did not find out about. *Novaya Gazeta*. (In Russ.) "Ekho Moskvу" and "Novaya Gazeta" were liquidated in 2022, and the former editors-in-chief were recognized as foreign agents in Russia.

three hours, online media update news constantly, which often leads to less demanding journalists on the quality and nature of the posted information (Williams, Delli Carpini, 2004). In addition, digital sources have to compete with other resources of the Internet environment: blogs of journalists, social networks that are less demanding of published information (Mancini, 2013). New communication technologies can increase the diversity of published information by expanding the information flow and giving the floor to people whose point of view is often ignored (Maier, 2010). Meanwhile studies of media agendas of various types of mass media, as a rule, demonstrate its similarity (Maier, 2010, Maier, Tucker, 2012; Cushion et al., 2016; Valenzuela et al., 2017).

Methodology

The information agendas of the leading online information sources and the main universal TV channels of Russia was analyzed during the weekdays of the three weeks preceding the presidential election 2018 in Russia (from 26.02.2018 to 16.03.2018). That year had not been complicated by significant foreign policy crises, and therefore it also seems essential to us.

Three most popular Russian TV channels (“Channel One”, “Russia-1” and NTV) were selected for the study, as well as three most popular online media: RBC (1534.5 thousand visitors per month), “Gazeta.ru” (1254.2 thousand people), “Lenta.ru” (1015.4 thousand people per month)³. We have abandoned the websites of print publications and news agencies. All three editions are private. “Lenta.ru” and “Gazeta.ru” were part of one media holding “Rambler & Co”. Until 2014 “Lenta.ru” was considered an oppositional media. RBC is an information portal that appeared as part of the development of the economic information agency RBC (today it is a large multimedia holding). In addition to economic information, the site issues current messages, not only related to the economy.

The information agenda of the TV channels was studied by evening information programs: “Vremya” (“Time”) at 21.00 (“Channel One”), “Vesti at 20.00” (“News in 20.00”) (“Russia-1”) and “Segodnya” (“Today”) at 19.00 (NTV).

Since the presentation of news in a television program and in online media is significantly different, we will separately focus on data collection technology. The news of online publications was investigated at 21.00 on weekdays, i.e. at the moment when all the newscasts on TV channels had already passed. “Lenta.ru” study included messages that were under the heading “Main News”, we also considered the main materials that were published on the first pages of the online media. The website of “Gazeta.ru” was considered on a similar principle. The sample included materials from the “News of the Hour” column, representing important news that was published during the day, and not necessarily for the last hour. On the Internet resource RBC, the study included the main news of the day published at the very top of the page, as well as the main materials for the past day.

During the study all publications were systematized according to two main thematic blocks: “domestic topics” and “international topics”, each of which was also divided into sections. Domestic topics included the following categories:

³ WEB-Index: Audience of Internet projects. Research results: Desktop. (2017, October). *Mediascop*.

“domestic political news”, “economic news”, “sports news”, “socio-cultural news”, “criminal news and news about emergencies”. The following categories were identified in international topics: “international political news” and “international non-political news”. In the course of qualitative analysis, the existence of a particular event in the agenda of both types of media were verified, and also size and format of the report.

Intermedia agenda

The study showed that TV channels paid considerable attention to news related to Russia. The leader in the category of “domestic news” turned out to be the TV channel “Russia-1”, where during the entire period Russian-related news occupied more than 60% of a broadcast, the “Channel One” lagged slightly behind. Television news featured more domestic political content. The leader here was also the TV channel “Russia-1” (Figure 1). The least interest in the domestic political agenda was shown by the online information website “Lenta.ru”.

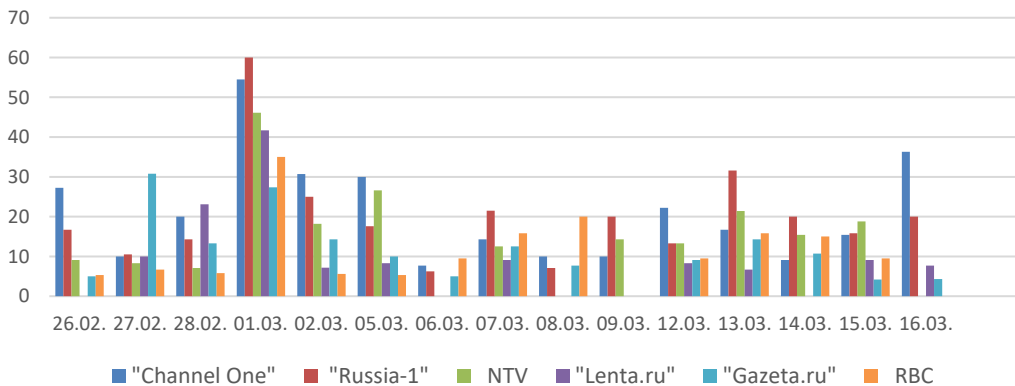

Figure 1. Domestic political topics

The domestic political agenda of TV channels and online media often did not coincide. For example, on March 5, 2018, there were reports in the television news about events with the participation of Russian President Vladimir Putin (the congress of transport workers of Russia, a meeting of the commission on military-technical cooperation), as well as reports on preparations for the election. Online media did not talk about these topics, but wrote about possible evidences of Russian interference in the US elections, and also talked about compromising information on Russian businessman Oleg Deripaska.

On TV channels about 8 minutes every day were allocated for materials about the presidential election (only the NTV twice did not include such news). Online sources did not post materials about the election regularly. Much attention in the Internet was paid to the scandal surrounding the deputy Leonid Slutsky who was accused of harassment. The only channel that casually mentioned this topic was the “Russia-1” TV channel, which in the plot about the election reported on the participation of presidential candidate, liberal politician Ksenia Sobchak in the action against deputy Slutsky (the essence of the protest was not explained).

In terms of the number of materials on economic topics the information resource RBC was naturally ahead (Figure 2). Among the TV channels high indicators, some days close to RBC, were observed on the NTV channel, which integrated a special heading into the structure of the news show. Economic stories on TV channels, as a rule, were associated with the figure of the president or the prime minister, as well as economic initiatives on the part of the authorities. Online media, mainly RBC, talked about the news of enterprises, including falling or rising profits, presented the floor to the owners of companies. Neither “Gazeta.ru” nor “Lenta.ru” were seriously interested in economic topics, for a third of the period these publications did not have such materials.

TV channels covered only major sporting events. In particular, the period of study coincided with the completion of the Olympic Games in Pyeongchang. In general, the share of sports materials in online media was slightly higher (Figure 3). To a greater extent, this topic was the characteristic of “Gazeta.ru” (the source publishes online reports from football matches, hockey and other sporting events), as well as of RBC. It is worth noting the difference in the frames of informational occasions, which we can observe in sports topics coverage. For example, on March 1, TV channels aired information about awarding of Russian winners and prize-winners of the Olympic Games with cars, the studied online media also reported this information, but focused on the fact that they did not give the cars that were promised. This detail was not reported by the TV channels.

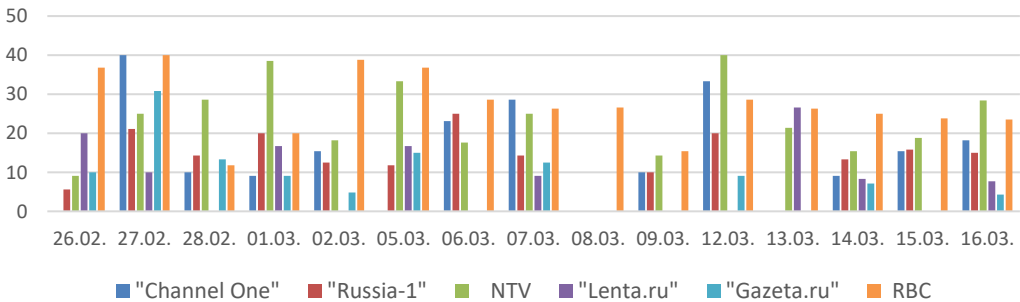

Figure 2. Economic news

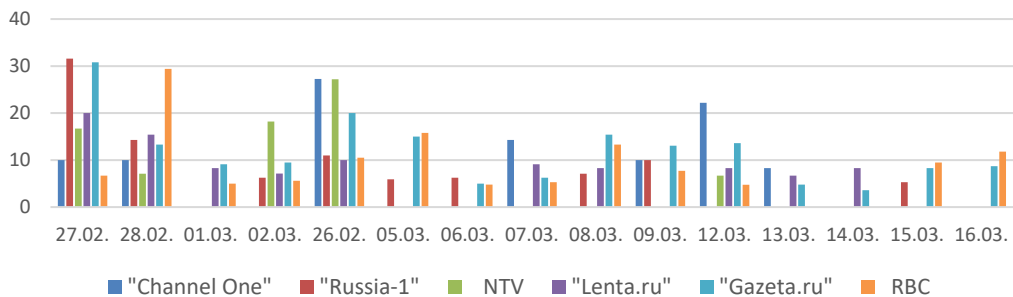

Figure 3. Sports news

Cultural and social topics occupied an insignificant place in the TV news shows (Figure 4). During the analyzed period, there were many days when this

type was absent at all. However, it was observed in considerable numbers of such stories on the pre-holiday and public holiday, March 7 and 8. As for online media, they repeatedly covered socio-cultural topics, often those that were not related to any event. Such stories can be described as entertaining, for example: ratings of the most beautiful actresses or, specially created for the day of cats, “the top-100 most beautiful cats of the Internet”. At the same time, implementing the function of a “watchdog”, online media covered in detail the problem with landfills in the Moscow region, which the Russians actively opposed. TV channels published materials on this topic only once, on April 6, with a positive connotation. TV preferred to cover social issues from a pro-government position (for example, they told about the meeting of V.V. Putin with medical workers).

The share of materials on criminal topics, as a rule, was small both on TV channels and on the studied online media (Figure 5). The interest in this type is higher among the Web sources. In the case of significant emergencies, they were on the agendas of both TV channels and online media, in other cases TV channels and the Internet paid attention to different information occasions. For example, TV have repeatedly talked about gangs of scammers, deceived shareholders a housing construction. Online media, in turn, did not post this news, paying closer attention to the conflict between Telegram and the FSB as well as some high-profile corruption cases. For example, on March 5 information about the total amount of bribes in Russia appeared in the Internet (only NTV mentioned this information in passing in its economic review and RBC wrote in detail).

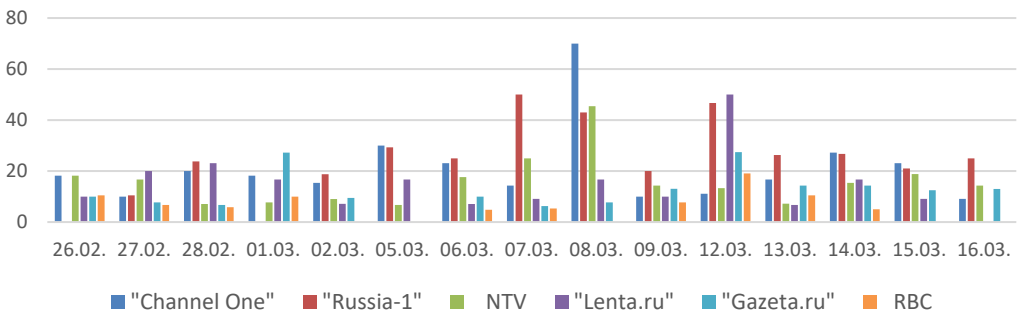

Figure 4. Socio-cultural news

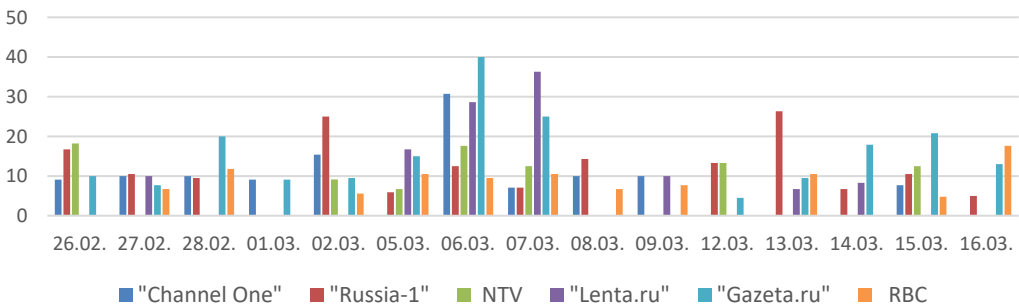

Figure 5. Criminal news and news about the state of emergency

In general, the share of international topics in the information agenda of Internet resources was higher than on TV channels (Figure 6). Nevertheless, international news coincided on television and online media in the case of significant events. There was also a difference in the choice of informational occasions, for example, on March 6, “Lenta.ru” and “Gazeta.ru” covered the accident with Skripals, while TV were silent on this topic, the information appeared in TV show the next day. Besides, TV channels devoted large materials to possible American interference in the Russian elections, while small notes – to possible Russian interference in the US elections. In contrast, online media wrote about the Russian interference in the American elections in detail.

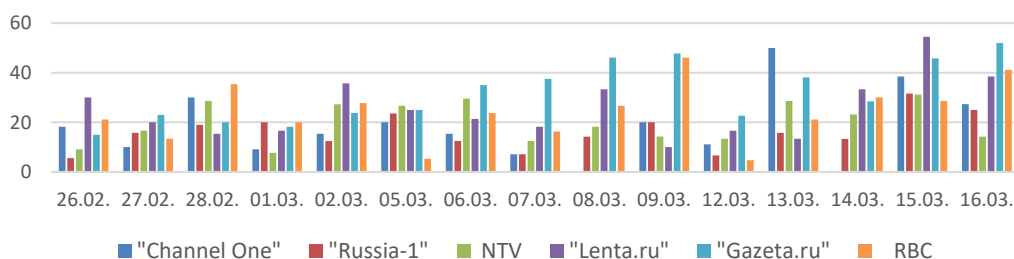

Figure 6. International politics

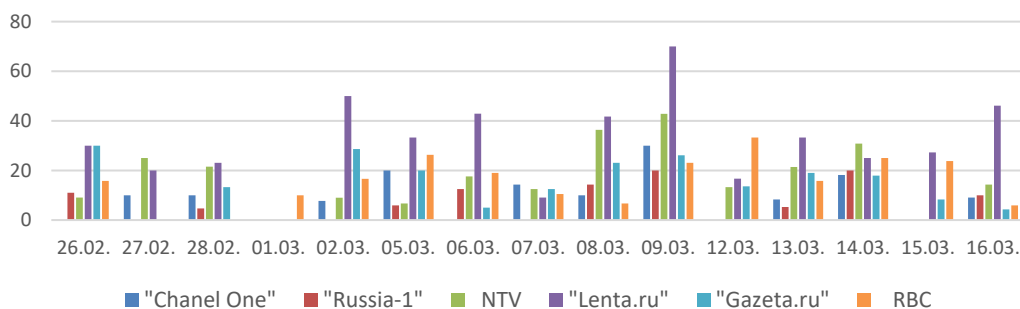

Figure 7. Non-political international information on television and in online media

Events in the Ukraine occupied an insignificant place in news broadcast and online media. The Internet covered the demand for compensation for the loss of Crimea and the investigation of the murder of former deputy of the State Duma of the Russian Federation Denis Voronenkov in Kiev. TV channels kept silence about that. They reported on the events on the territory of the LPR and DPR and the conflict between the Russian company “Gazprom” and the Ukrainian “Naftogaz”.

Interest in international topics unrelated to politics is noticeably higher among online media than among TV channels (Figure 7). Of particular note was the web source “Lenta.ru”. TV channels paid attention to this type of materials only on days of significant non-political events (for example, March 14, the day of the death of the great scientist Stephen Hawking).

Discussion

In discussion let's mention the history around compromising material on Russian businessman Oleg Deripaska. Online media wrote about him, but TV channels kept silence. However, we cannot talk about the silence about the event, but rather about the refusal to promote the topic of compromising material. Here it would be important to analyze the reasons for the appearance of such information in the pre-election period. Unfortunately, in modern media, when implementing the “watchdog” function, they are often limited to publishing scandalous information without trying to understand the causes and consequences. In this sense, television was either not involved in this game as a stricter gatekeeper or did not support the person who ordered compromising material on the businessman. Thus, we would not apply the silencing effect in this case.

Here we can also continue Entman's argument that the implementation of the “watchdog” function interferes with the maximum objectivity of the media, forcing journalists to look exclusively for negative information reasons in relation to the authorities (1990). It can be assumed that the function of reporting information about the activities of the current government and the control function contradict each other, but this requires further research.

Conclusion

In 2018, the media agenda in Russia functioned according to the principles of an open information space: neither TV channels nor web sources could not talk about the key news mentioned by other media. This is clearly seen in the coverage of the scandal surrounding the poisoning in London of a former GRU employee, Sergei Skripal, and his daughter Yulia. TV channels were late in covering this news, but, nevertheless, they could not completely keep silent about it, since the media in Russia and abroad wrote about the event. Nevertheless, media often do not inform about the events that do not conform their editorial policy. The agendas of television and online media coincided when key events took place. Meanwhile, the choice of smaller-scale topics, as a rule, differed. In addition, we can observe general trends among various types of media (television and web) and at the same time fix differences related to the individual information policy of a particular media.

The study once again confirmed that television in Russia, first of all, is seen as an assistant to the government, directing its efforts to inform citizens about the authorities and their socially significant initiatives. Online media paid more attention to scandalous topics, as well as news not related to any information occasion. They also performed the “watchdog” function better and showed themselves to be big, albeit rather soft, critics of the government. However, in an effort to become a controller of power, the online media often missed other important social problems that it would be important for Russians to know about (for example, the problem of deceived shareholders, reports about gangs of scammers), irregularly covered the election campaign.

References

- Abdulla, S.M. (2022). The concepts of deictic shift theory and discourse theory of silencing. *Education Quarterly Reviews*, 5(1). <https://doi.org/10.31014/aior.1993.05.01.441>
- Cushion, S., Kilby, A., Thomas, R., Morani, M., & Sambrook, R. (2018). Newspapers, impartiality and television news: Intermedia agenda-setting during the 2015 UK general election campaign. *Journalism Studies*, 19(2), 162–181. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2016.1171163>
- Dolgova, Yu.I., & Pimenova, M.V. (2020). Interactive elements in the program “Direct Line with Vladimir Putin” (2001–2018). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (1), 59–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2020.5978>
Долгова Ю.И., Пименова М.В. Интерактивные элементы в программе «Прямая линия с Владимиром Путиным» (2001–2018) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2020. № 1. С. 59–78. https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2020.5978
- Entman, R.M. (1990). *Democracy without citizens: Media and the decay of American politics*. Oxford University Press.
- Gulenko, P.V., & Dolgova, Yu.I. (2021). Evolution of interactive elements in socio-political talk shows in post-Soviet Russia. *Global Media and Communication*, 17(1), 25–43. <https://doi.org/10.1177/1742766520946471>
- Gulenko, P.V. (2021). Political discussion as a propaganda spectacle: Propaganda talk shows on contemporary Russian television. *Media, Culture & Society*, 43(5), 906–924. <https://doi.org/10.1177/01634437209742>
- Kellam, M., & Stein, E.A. (2016). Silencing critics: Why and how presidents restrict media freedom in democracies. *Comparative Political Studies*, 49(1), 36–77. <https://doi.org/10.1177/0010414015592644>.
- Lumsden, K., & Morgan, H. (2017). Media framing of trolling and online abuse: Silencing strategies, symbolic violence, and victim blaming. *Feminist Media Studies*, 17(6), 926–940. <https://doi.org/10.1080/14680777.2017.1316755>
- Maier, S.R., & Tucker, S. (2012). Online news readers get different news mix than print. *Newspaper Research Journal*, 33(4), 48–62. <https://doi.org/10.1177/073953291203300405>
- Maier, S.R. (2010). All the news fit to post? Comparing news content on the web to newspapers, television, and radio. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 87(3–4), 548–562. <https://doi.org/10.1177/107769901008700307>
- Mancini, P. (2013). Media fragmentation, party system, and democracy. *International Journal of Press/Politics*, 18(1), 43–60. <https://doi.org/10.1177/1940161212458200>
- McQuail, D. (2010). *Mass communication theory*. London: Sage.
- Proskurnova, E.L., Tran Thi Thuy Dung, & Volkova, I.I. Prospects of news television: Materials of in-depth interviews. *Nauchnyi Dialog*, (3), 157–170. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>
Проскурнова Е.Л., Чан Т.Т.З., Волкова И.И. О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью // Научный диалог. 2021. № 3. С. 157–170. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170
- Stromback, J., & Kaid, L.L. (2008). A framework for comparing election news coverage around the world. In J. Stromback & L.L. Kaid (Eds.), *The Handbook of Election News Coverage Around the World* (pp. 1–21). New York: Routledge.
- Thiesmeyer, L. (Ed.) (2003). *Discourse and silencing: Representation and the language of displacement*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Valenzuela, S., Puente, S., & Flores, P.M. (2017). Comparing disaster news on Twitter and television: An intermedia agenda setting perspective. *Journal of Broadcasting and Electronic Media*, 61(4), 615–637. <https://doi.org/10.1080/08838151.2017.1344673>
- Voltmer, K. (2004). *Mass media and political communication in new democracies*. New York: Routledge.
- Williams, B.A., & Delli Carpini, M.X. (2004). Monica and Bill all the time and everywhere: The collapse of gatekeeping and agenda setting in the new media environment. *American Behavioral Scientist*, 47(9), 1208–1230. <https://doi.org/10.1177/0002764203262344>

Bio notes:

Yulia I. Dolgova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Television and Radio Department, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8861-0521. E-mail: YIDolgova@gmail.com

Petr V. Gulenko, PhD in Philology, PhD Candidate of Historical Sociology, Department of Sociology, Faculty of Humanities, Charles University, 5 Patkova St, Prague, 18200, Czech Republic. ORCID: 0000-0002-6084-821X. E-mail: pgulenko@gmail.com

Сведения об авторах:

Долгова Юлия Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры телевидения и радиовещания, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0001-8861-0521. E-mail: YIDolgova@gmail.com

Гуленко Петр Васильевич, кандидат филологических наук, докторант кафедры социологии, факультет гуманитарных исследований, Карлов университет, Чешская Республика, 18200, Прага, ул. Паткова, д. 5. ORCID: 0000-0002-6084-821X. E-mail: pgulenko@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-780-789

EDN: EXDADM

UDC 070.19

Research article / Научная статья

Visual aspects of online political communication in Belarus during the political crisis of 2020

Kristina L. Zuykina

*Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation*
 chris-zu@ya.ru

Abstract. An empirical study of the visual political communication via Telegram channels during the political crisis in Belarus in 2020 is introduced. The method of qualitative and quantitative content analysis was applied to 625 images and videos retrieved from competing Belarusian Telegram channels during two weeks before and after the election day of August 9, 2020. The results revealed both the general characteristics of the visual political communication in Belarusian Telegram sector and the way opposing political forces used visual content in the period under analysis. The pro-government channels maintained a value-oriented approach, engaging visuals to broadcast Belarusian values and state power symbols. Their visual content involved prominent public and political figures. The opposition channels applied visuals to denounce the authorities and their supporters, as well as to mobilize the opposition-minded Telegram users. They employed a greater variety of visual forms, relying mostly on user-generated content, e.g., live reports from protest sites. Visuals with protesting crowds, casualties, and opposition symbols were aimed at evoking a sense of involvement: they were meant to become triggers for transiting from online activism to actual offline protests.

Keywords: visual communication, visual activism, Telegram channels, content analysis

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 12, 2023; revised September 27, 2023; accepted October 22, 2023.

For citation: Zuykina, K.L. (2023). Visual aspects of online political communication in Belarus during the political crisis of 2020. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 780–789. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-780-789>

© Zuykina K.L., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Визуальные аспекты сетевой политической коммуникации Беларуси в период политического кризиса 2020 г.

К.Л. Зуйкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1

✉ chris-zu@ya.ru

Аннотация. Представлено эмпирическое исследование визуальной политической коммуникации в Telegram-каналах во время политического кризиса в Беларуси в 2020 г. Метод качественного и количественного контент-анализа применялся к 625 изображениям и видео, полученным из конкурирующих белорусских Telegram-каналов в течение двух недель до и после дня выборов 9 августа 2020 г. Определены общие характеристики визуальной политической коммуникации в белорусском секторе Telegram. Установлено, как противоборствующие политические силы использовали визуальный контент в анализируемый период. Проправительственные каналы придерживались ценностно ориентированного подхода, привлекая визуальные средства для трансляции белорусских ценностей и символов государственной власти. В их визуальном контенте задействовались известные общественные и политические деятели. Визуальный контент оппозиционных каналов служил обличению власти и ее сторонников, а также мобилизации оппозиционно настроенных пользователей Telegram. Они использовали большее разнообразие визуальных форм, опираясь в основном на пользовательский контент, например прямые репортажи с мест протестов. Визуальные образы с протестующими толпами, жертвами и символами оппозиции нацеливались на то, чтобы вызвать чувство причастности: они должны были стать триггерами для перехода от онлайн-активизма к реальным оффлайн-протестам.

Ключевые слова: визуальная коммуникация, визуальный активизм, Telegram-каналы, контент-анализ

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 сентября 2023 г.; отрецензирована 27 сентября 2023 г.; принята к публикации 22 октября 2023 г.

Для цитирования: Zuykina K.L. Visual aspects of online political communication in Belarus during the political crisis of 2020 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 780–789. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-780-789>

Introduction

Today, social media are an important constituent of political communication worldwide. However, most scientific publications concentrate on their potential to affect and direct civic activism (Jost et al., 2018; Barbera et al., 2019; Boulianne et al., 2020; Howard, Parks, 2012; Bronnikov, 2020; Volodenkov, Artamonova, 2020). As a rule, it is verbal communication that comes to the scientific focus (Bennett,

Segeberg, 2013; Doerr et al., 2013) while the influencing potential of visual forms remains largely understudied. Those publications that do dwell upon the visual potential of social media in political communication still put too much emphasis on the verbal aspect (Highfield, Leaver, 2016; Rossi et al., 2016). In social media, such artifacts of engagement as photographs, videos, memes, posters, etc., become effective manipulation and personalization tools that shape the public attitudes and perception of political reality. According to Roland Barthes, visual devices have many advantages over the verbal ones in that they impose the intended meaning in its totality, without breaking it up, and the resulting impact is almost immediate (Barthes, 1994, pp. 76–78). In this study, we made an attempt to reconsider visual forms of political communication as an important strategy that political opponents employ to win the minds of Internet users.

In the recent period of social unrest, Telegram became a key communication means in Belarus¹. Our goal was to determine how political Telegram channels used the visual potential of social media to represent current events and build certain media images. In our attempt to reveal a collective identity of Belarusian protesters, we also tried to evaluate the role of visual communication in digital activism and the way user-generated content was exploited by opposing channels.

Theory and methods

This research falls in the concept of *digitally-enabled social activism*, which uses Internet technologies to mobilize and involve citizens in the political process, thereby forming a new digital repertoire of actions (Earl, Kimport, 2011). *Visual activism* is just a special case of this civic activity. Originally, the term described the way various activists employed visual arts to draw public attention to social and political issues. One of the first academic works in this area featured the *action art* of the Fierce Pussy, a US lesbian art group that handled the problems of various minorities, AIDS, etc. (Cvetkovich, 2001). *Artivism* and *artistic activism* are alternative terms for visual activism (Pyrma, 2021, p. 144), which are associated with political protests. For instance, the Arab Spring triggered surge of political graffiti in Cairo (Khatib, 2013). The Ballerina and the Bull poster published by The Adbusters encouraged citizens to join the Occupy Wall Street movement (McKee, 2016). A penguin in a gas mask became a graffiti symbol of the Turkish Gezi Park protests in 2013 (Jenzen et al., 2021).

As the role of Internet technologies in political communication continue to grow, visual activism gains a much broader meaning. These days, visual activism studies cover user-generated visual content, i.e., photos, videos, posters, demotivators, memes, maps, etc., which also inform protestants about offline events and coordinate their actions (Grijdanus et al., 2020; Poell, Van Dijck, 2018). In addition, they serve as a tool for expressing political attitudes and protest identities (Gerbaudo, Treré, 2015, p. 868).

¹ Herasimenka, A., Lokot, T., Onuch, O., & Wijermars, M. (2020, September 11). There's more to Belarus's 'Telegram Revolution' than a cellphone app. *The Washington Post*. Retrieved January 13, 2023, from <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/09/11/theres-more-belaruss-telegram-revolution-than-cellphone-app/>

In this article, we also strive to decode the symbolic meaning behind some images involved in political actions (Mattoni, Doerr, 2007; Ziemann, 2008). In a way, visual activism is a cooperation of pixels and actions that can change the world (Mirzoeff, 2019, p. 321).

The method of qualitative and quantitative content analysis made it possible to identify the frequency profile of visual communication, as well as the engagement strategies employed by competing political Telegram channels. When developing the codes, we relied on the classification that Jenzen et al. developed to analyze visual communication in Twitter during political protests in Türkiye (Jenzen et al., 2021). We adapted and expanded it for the specific Telegram content. We selected the following categories of analysis to cover both structural and semantic components of the visual content: static image format, video format, key actors, and content composition.

The Telegram channels were selected using the *Tgstat.ru* analytics service, which compiles thematic ratings. The sampling involved such factors as follower count, originality, and availability of content for July 27 – August 23, 2020, i.e., two weeks before the election day of August 9 (Period I) and two weeks after (Period II), which saw the main wave of protests. As a result, we selected four channels: *Пул Первого* (@pul_1) and *Желтые Сливы* (@zheltyeslivy) represented the pro-government cluster while NEXTA Live (@nexta_live) and *Беларусь головного мозга* (@belamova) were run by the opposition.

The empirical material involved posts with a visual element, i.e., static image or video. We sorted out posts that were not directly or indirectly related to politics. The sampling involved a total of 625 visual objects: 370 from opposition channels and 255 from pro-government channels. Some of the data was processed using the SPSS software.

Results and discussion

Visual format

The research material involved 56.6% photo content and 43.7% video content ($N > 100\%$); one case involved both video and photo content. This photo vs. video ratio was almost the same for all four channels: 57.3 vs. 42.7% in the pro-government channels, 56.2 vs. 44.3% in the opposition channels. Apparently, images prevail in online communication in social media; this general trend is known to marketers and visual communication researchers (Jenzen et al., 2021; Cornet et al., 2017).

Static images predominated (53.4%) (Table 1), probably, because photographs program a certain mood in the audience, which then influences their perception of the text (Brantner et al., 2011, p. 526).

Most photographs were published in the post-election period, associated with public protests. They show protest actions, rallies, representatives of the current government and the opposition, ordinary citizens, etc. However, the pro-government channels posted memes that ridiculed the actions of the opposition, screenshots of posts in social networks, and photocollages. The opposition channels preferred posters, screenshots, sketches, and guidelines for protesters. The posters and sketches called for protests while the guidelines explained how to resist security forces.

Video content was less variable. In general, 71.5% showed live user-generated content from protest sites or polling stations while 15% were edited cuts of television and radio programs and 8% were video messages from political figures. The pro-government channels often turned to media content and posted propaganda videos in support of the current government. The opposition channels confined to the here-and-now mode: they used live video content and on-air broadcasting to shape an alternative information agenda (Table 2).

Table 1

Image format	Channel type	
	Pro-government, % total	Opposition, % total
Photo	49.3	56.3
Photocollage	6.8	2.4
Screenshot	13	8.2
Guidelines	0	5.7
Meme	16.5	1.4
Sticker	0.7	0.5
Poster	2.7	13
Sketch/cartoon	3.4	6.3
Graphics/infographics	0.8	0.9
Map	0	2.4
Scan	0	3.4
Photomontage	6.8	0
Miscellaneous	0	0

Note: $N > 100\%$ caused variability in the data for the opposition channels.

Table 2

Video format	Channel type	
	Pro-government, % total	Opposition, % total
Live	45.9	88.5
TV/radio cuts	35.8	1.2
Interview	1.8	1.2
Video address	8.3	7.9
Propaganda	6.4	1.2
Miscellaneous	1.8	0

Note: $N > 100\%$ caused variability in the data for the opposition channels.

Most photographs and videos posted by the opposition were user-generated. This content peaked during Period II, i.e., after the elections. The main purpose of user-generated content was to shape a different picture, alternative to the one broadcasted by the pro-government media. However, in such a way protesters also broadcasted their personal narrative, as well as attitude to the political situation and protest actions. They want to show people the difference between what they experienced and what the official TV channels show to make the following statement: *They lie to you, see?* (Jenzen et al., 2021, p. 430).

Visual content

As for the composition, most visuals showed people, e.g., crowds (35.5%), groups (17.4%), one person (18%), and symbols (41%). The pro-government channels focused on small groups or personalities, e.g., politicians, celebrities, athletes, etc., who called to preserve the rich historical and cultural heritage of the country, to vote for stability, and support the elected president.

The opposition channels showed crowds in photo and video reports from protest events. As a result, their photo and video content in the post-election period also included a lot of cars from motorist rallies or traffic jams caused by protesting crowds, as well as casualties in clashes between protesters and security forces (Table 3).

Table 3

Composition	Channel type	
	Pro-government, % total	Opposition, % total
Crowds	26.7	41.6
Groups of 2–4 people	24.3	12.7
Separate people	24.7	13.2
Nature	2.3	1.1
Cultural heritage	6.7	3
Symbols	41.2	40.8
Industries	2.3	1.1
Cars	6.3	12.5
Casualties	3.1	9.5
Torchlight processions	1.6	5.8
Clashes	7.8	5.9
Animals	1.6	0
Not detected	2	8.3
Miscellaneous	1.6	0.5

Note: $N > 100\%$ caused variability in the data for the opposition channels.

The rivalrous channels used visual content to create a positive collective identity of *us* vs. *them*, thus competing for public visibility and antagonizing each other through visual narratives (Rossi et al., 2016).

Symbolism appeared to be the most important compositional element in both types of channels. The pro-government channels posted the official red-and-green Belarusian flag and coat of arms, cultural heritage objects, brown-and-black St. George's ribbon, etc. The opposition channels demonstrated images of the white-red-white flag, i.e., a historical flag used by the Belarusian Democratic Republic in 1918, white ribbons, white flowers, and gestures, e.g., clenched fist, V-sign, heart, etc. The opposition channels also posted images of torchlight processions, i.e., night rallies with smartphone flashlights. Such symbolism creates the *us* vs. *them* effect, facilitating identification and differentiation of opposing forces. In addition, symbolism addresses collective memory: symbolism and ritualism evoke knowledge of the past (Halbwachs, 1992), which makes them an effective mobilization tool. According to Michael Schudson, a cultural symbol has the greatest impact when it

possesses four key characteristics. First, it is retrievable, i.e., recognizable. Second, it has certain rhetorical power. Third, its connection with local traditions gives it resonance. Fourth, it possesses institutional stability (Schudson, 1989). The above-mentioned symbols meet these conditions: as a result, they attract people and resonate with their collective memory (Liao, 2010, p. 38), mostly because they appeal to history and traditions.

Table 4

Actors	Channel type	
	Pro-government, % total	Opposition, % total
Political leaders	44.7	14.6
Public persons	6.6	4
Community organizations	1.6	1.1
Industrial enterprises	0.4	2.7
Children	1.2	1.4
Young adults	0.8	1.4
Old age pensioners	0.8	1.4
Security forces	2.4	12.4
Professional communities	2.4	11
Protestants	38	50.3
Voters	1.5	6.5
Not detected	2	1.6

Note: $N > 100\%$ caused variability in the data for the opposition channels.

As for the actors, 45.3% were protesters, 27% were political figures, and 8% were security forces. The pro-government channels paid more attention to political leaders and broadcasted their opinions (44.7%) whereas the opposition channels concentrated on protesters (50.3%) (Table 4).

Conclusion

Opposing political Telegram channels use visual strategies to broadcast their political views and engage users into political communication. In this study, the pro-government Belarusian channels employed visual content from traditional media to demonstrate Belarusian cultural values. They posted photos and videos with native right-wing politicians, political experts, athletes, and celebrities, who voiced their support of the current government. The opposition channels employed more diverse visuals to involve and mobilize their supporters, e.g., guidelines, posters, maps of protest routes, etc. They showed live content of protests and protesters to create a sense of involvement and encourage protest communication.

The data obtained confirm Pierre Bourdieu's ideas on *symbolic power* (Bourdieu, 1991) and Ervin Panofsky's concept of *mental habitus* (Panofsky, 1957). When Telegram moderators post a particular visual element, be it a static image or a video, they are guided not only by the socio-political situation and the intentions and *mental habits* (Panofsky, 1957) of their online users, but also by those of offline protesters. The latter visualized events to convey their version of reality and involve the former in offline protests.

Our results can be interpreted and further explored in line with the theory of *media imaginaries* to understand how protesters use digital communications to facilitate mobilization, as well as how social media become more and more important in such representations (Treré, 2018). In our study, opposition channels proved to make the most of the visual potential in social media. By publishing user-generated content during protests, they broadcasted the way their audience perceived the events and what they see as important, thereby creating a model of reality. However, opposition channels published user-generated content with a particular purpose in mind, thus distorting both the transmission of user-generated reality and the actual events themselves to end up with artificially constructed ideas.

Our research adds to previously published observations about the visual content and strategies in political communication, thus clarifying the structure and content of Telegram channels as the key communication platforms in time of political crisis in Belarus. The research prospects involve the effect of visual content on the transition from online activism to actual offline protests. In our next study, we will continue to develop the topic of *artifacts of involvement* as a trigger mechanism.

References

- Barbera, P., Casas, A., Nagler, J., Egan, P., Bonneau, R., Jost, J., & Tucker, J. (2019). Who leads? Who follows? Measuring issue attention and agenda setting by legislators and the mass public using social media data. *American Political Science Review*, 113(4), 883–901. <https://doi.org/10.1017/S0003055419000352>
- Barthes, R. (1994). *Collected works: Semiotics. Theory of poetry*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994. 222 с.
- Bennett, W.L., Segerberg, A., & Walker, S. (2014). Organization in the crowd: Peer production in large-scale networked protests. *Information, Communication & Society*, 17(2), 232–260. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.870379>
- Boulianne, S., Koc-Michalska, K., & Bimber, B. (2020). Mobilizing media: Comparing TV and social media effects on protest mobilization. *Information, Communication & Society*, 23(5), 642–664. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1713847>
- Bourdieu, P. (1991). *Language and symbolic power*. Harvard University Press.
- Brantner, C., Lobinger, K., & Wetzstein, I. (2011). Effects of visual framing on emotional responses and evaluations on news stories about the Gaza conflict. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 88(3), 423–540. <https://doi.org/10.1177/107769901108800304>
- Bronnikov, I.A. (2020). Civic activism in network communities. *Moscow State University Bulletin. Series 12. Political Science*, 1(1), 7–18. (In Russ.)
Бронников И.А. Гражданский активизм в сетевых сообществах // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 1 (1). С. 7–18.
- Cornet, V.P., Hall, K.N., Cafaro, F., & Brady, E.L. (2017). How image-based social media websites support social movements. *CHI EA'17: Proceedings of the 2017 CHI Conference Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems* (pp. 2473–2479). <https://doi.org/10.1145/3027063.3053257>
- Cvetkovich, A. (2001). Fierce pussies and lesbian avengers: Dyke activism meets celebrity culture. In E. Bronfen & M. Kavka (Eds.), *Feminist Consequences: Theory for the New Century* (pp. 283–318). New York: Columbia University Press.
- Doerr, N., Mattoni, A., & Teune, S. (2013). *Advances in the visual analysis of social movements*. Bingley: Emerald Group.

- Earl, J., & Kimport, K. (2011). *Digitally enabled social change: Activism in the Internet age*. Cambridge, Mass: MIT Press.
- Gerbaudo, P., & Treré, E. (2015). In search of the ‘we’ of social media activism: introduction to the special issue on social media and protest identities. *Information, Communication & Society*, 18(8), 865–871. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1043319>
- Grijdanus, H., Fernandes, C., Turner-Zwinkels, F., Honari, A., Roos, C., Rosenbusch, H., & Postmes, T. (2020). The psychology of online activism and social movements: Relations between online and offline collective action. *Current Opinion in Psychology*, 35, 49–54. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.03.003>
- Halbwachs, M. (1992). *On collective memory*. Chicago: University of Chicago Press.
- Highfield, T., & Leaver, T. (2016). Instagrammatics and digital methods: Studying visual social media, from selfies and GIFs to memes and emoji. *Communication Research and Practice*, 2(1), 47–62. <https://doi.org/10.1080/22041451.2016.1155332>
- Howard, P.N., & Parks, M.R. (2012). Social media and political change: Capacity, constraint, and consequence. *Journal of Communication*, 62(2), 359–362. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01626.x>
- Jenzen, O., Erhart, I., Eslen-Ziya, H., Korkut, U., & McGarry, A. (2021). The symbol of social media in contemporary protest: Twitter and the Gezi Park movement. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 27(2), 414–437. <https://doi.org/10.1177%2F1354856520933747>
- Jost, J., Barbera, P., Bonneau, R., Langer, M., Metzger, M., Nagler, J., Sterlin, J., & Tucker, J. (2018). How social media facilitates political protest: Information, motivation, and social networks. *Political Psychology*, 39(1), 85–118. <https://doi.org/10.1111/pops.12478>
- Khatib, L. (2013). *Image politics in the Middle East: The role of the visual in political struggle*. London: I.B. Tauris.
- Liao, T. (2010). Visual symbolism, collective memory, and social protest: The case of the 2009 London G20 protest. *Social Alternatives*, 29(3), 37–43.
- Mattoni, A., & Doerr, N. (2007). Images within the Precarity Movement in Italy. *Feminist Review*, 87(1), 130–135. <https://doi.org/10.1057/palgrave.fr.9400356>
- McKee, Y. (2016). Occupy and the end of socially engaged art. *E-flux Journal*, (72). Retrieved August 23, 2023, from <https://www.e-flux.com/journal/72/60504/occupy-and-the-end-of-socially-engaged-art/>
- Mirzoeff, N. (2019). *How to see the world*. Moscow: Ad Marginem Press; Garage Museum of Contemporary Art. (In Russ.)
Мирзоев Н. Как смотреть на мир. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2019. 344 с.
- Panofsky, E. (1957). *Gothic architecture and scholasticism*. New York: Meridian Books, World Publishing Company
- Poell, T., & Van Dijck, J. (2018). Social media and new protest movements. In J. Burgess, A. Marwick & T. Poell (Eds.), *The SAGE Handbook of Social Media* (pp. 546–561). London: Sage.
- Pyрма, R.V. (2021). The content of modern civil activism. *The Authority*, 29(2), 141–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8021>
Пырма Р.В. Содержание современного гражданского активизма // Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 141–147.
- Rossi, L., Neumayer, C., & Vilpius, J. (2016). Images of protest in contested social media: Production, propagation and narratives. *AoIR Selected Papers of Internet Research*, 6. Retrieved August 25, 2023, from <https://spir.aoir.org/ojs/index.php/spir/article/view/8643>
- Schudson, M. (1989). How culture works: Perspectives from media studies on the efficacy of symbols. *Theory and Society*, 18(2), 153–180.
- Treré, E. (2018). *Hybrid media activism. Ecologies, imaginaries, algorithms*. London: Routledge.
- Volodenkov, S.V., & Artamonova, Y.D. (2020). Information capsules as a structural component of contemporary internet communication. 2020. *Tomsk State University*

Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, (53), 188–196. (In Russ.)
<https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>

Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188–196. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>

Ziemann, B. (2008). The code of protest. Images of peace in the West German peace movements, 1945–1990. *Contemporary European History*, 17(2), 237–261. <https://doi.org/10.1017/S0960777308004396>

Bio note:

Kristina L. Zuykina, Candidate of Philology, senior researcher, Department of Sociology of Mass Communication, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2199-197X. E-mail: chris-zu@ya.ru

Сведения об авторе:

Зуйкина Кристина Львовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, кафедра социологии массовых коммуникаций, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-2199-197X. E-mail: chris-zu@ya.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-790-799

EDN: EJAJT1

УДК 654.19(4/9):002.2(4/9)

Научная статья / Research article

Политический кризис vs. кризис медиа: специфика генезиса венгерской прессы периода Габсбургов в XVIII в.

Т.Ю. Пынина

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*
 tanyi@inbox.ru

Аннотация. Исследуется начальный период венгерской прессы: от появления в 1703 г. первой венгерской газеты *Mercurius Hungaricus*, связанной с антигабсбургской освободительной войной во главе с Ференцем Ракоши II, до начала издания в 1780 г. первой венгероязычной газеты. Особенность данного периода заключается в том, что периодика выходила на латыни и немецком языке. Актуальность исследования состоит в анализе исторического опыта генезиса медиа в политической системе многонационального государства, рассмотрении специфики формирования национальной прессы, имевшей свою политическую позицию, в условиях подчиненного положения Венгрии в монархии Габсбургов, что изначально закладывало кризисные аспекты ее самостоятельного развития. Рассмотрены ситуация в европейской периодике, исторический и политический контексты Габсбургской монархии в XVIII в., в условиях противостояния которой на латинском и позже на немецком языках зарождалась венгерская печать. В текущих реалиях глобального мира и цифрового общества представляется целесообразным обращение к историческому опыту контрпропаганды, который прослеживается в противостоянии венгерской газеты *Mercurius Veridicus ex Hungaria* изданию монаршего двора – венской *Wienerisches Diarium*, а также к анализу информационной войны в монархии Габсбургов.

Ключевые слова: Венгрия, венгерская периодическая печать, газета, венгерская журналистика, монархия Габсбургов, куруцы, *Mercurius Hungaricus*, *Mercurius Veridicus ex Hungaria*, *Nova Posoniensia*

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 4 сентября 2023 г.; отрецензирована 18 сентября 2023 г.; принята к публикации 15 октября 2023 г.

Для цитирования: Пынина Т.Ю. Политический кризис vs. кризис медиа: специфика генезиса венгерской прессы периода Габсбургов в XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 790–799. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-790-799>

© Пынина Т.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Political crisis vs. media crisis: specifics of the genesis of the Hungarian press of the Habsburg period in the 18th century

Tatiana Yu. Pynina

RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

✉ tanyi@inbox.ru

Abstract. The early period of the Hungarian press – from the appearance of the first Hungarian newspaper “Mercurius Hungaricus” in 1703, associated with the anti-Habsburg liberation war led by Ferenc Rakosi II, to the beginning of the first Hungarian-language newspaper in 1780, – is studied. The peculiarity of this period is that the periodicals were published in Latin and German. The relevance of the study lies in analysing the historical experience of the genesis of the media in the political system of a multinational state, considering the specifics of the formation of the national press, which had its own political viewpoint, in the conditions of Hungary's subordinate position in the Habsburg monarchy, which initially laid down the crisis aspects of its independent development. The situation in European periodicals and the historical and political contexts of the Habsburg monarchy in the 18th century, in the face of which the Hungarian press was born in Latin and later in German, is considered. In the current realities of the global world and the digital society, it seems appropriate to refer also to the historical experience of counterpropaganda, which can be observed in the opposition of the Hungarian newspaper “Mercurius Veridicus ex Hungaria” to the publication of the monarch's court – the Viennese “Wienerisches Diarium”, and to analyse the information warfare in the Habsburg monarchy.

Keywords: Hungary, Hungarian periodicals, newspaper, Hungarian journalism, Habsburg monarchy, Kurutsi, Mercurius Hungaricus, Mercurius Veridicus ex Hungaria, Nova Posoniensia

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 4, 2023; revised September 18, 2023; accepted October 15, 2023.

For citation: Pynina, T.Yu. (2023). Political crisis vs. media crisis: Specifics of the genesis of the Hungarian press of the Habsburg period in the 18th century. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 790–799. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-790-799>

Введение

Поскольку медиа, по сути, являются, с одной стороны, системообразующим фактором формирования государства и общества (Deudney et al., 2023), в том числе фактором влияния на менталитет нации (Николайчук и др., 2020), а с другой стороны, отражают саму социально-политическую историю (Ачкасов, 2018), то и начальный период венгерской журналистики, который относится к XVIII в., эпохе Просвещения, напрямую связан с историческими условиями и политической ситуацией в Центральной Европе (Боди, 2020; Филюшкин, 2020). Первой венгерской газетой стала Mercurius Hungaricus (1705–1710 гг.), в дальнейшем – Mercurius Veridicus ex Hungaria. Она выходила в монархии Габсбургов, в которую входила Венгрия, в венгерских типографиях, в городах нынешней Словакии. Газета имела четкую полити-

ческую позицию, отражая венгерскую борьбу за национальную независимость, и выраженный информационный характер, освещая события войны куруцев, издавалась на международном тогда языке – латыни, так как в первую очередь предназначалась для внешнеполитических целей, была оружием контрпропаганды, противостоя газете *Wienerisches Diarium*, предшественницы *Wiener Zeitung*, вела информационную войну с официальным изданием монаршего двора в интерпретации и освещении ситуации в Венгрии. В дальнейшем венгерские газеты выходили на латыни и немецком – официальном языке дунайской монархии. Первой газетой на венгерском языке стала основанная Матьяшем Ратом *Magyar Hírmondó* (1780–1790 гг.). До начала издания венгероязычной газеты журналистика Венгрии и ее периодическая печать прошли сложный путь формирования в условиях как противостояния официальной Вене, так и конформизма, что отражало особенности существования бывшего великого средневекового Венгерского Королевства в составе мощной Дунайской монархии – монархии Габсбургов.

Исторический и политический контексты

К началу XVIII столетия Венгрия, ослабленная 140-летним турецким игом и освобожденная, помимо императорских, и европейскими войсками анти-турецкого альянса, подчинилась могущественным Габсбургам: «в 1687 г. венгерские сословия признали за Габсбургами наследственные права на корону святого Стефана» (Шимов, 2003, с. 109). Государственное собрание Венгрии также «отказалось от „права сопротивления“ – привилегии феодалов Венгрии, существовавшей с 1222 г. Королевство Венгрии стало наследственным владением Габсбургов» (Исламов, Пушкаш, Шушарин, 1991, с. 131). С 1699 г., по Карловицкому мирному договору, «Венгерское Королевство стало составной частью формирующейся дунайской монархии» (Шимов, 2003, с. 111), то есть Габсбургской. Отметим, что после двух столетий религиозных, гражданских, международных войн, зарождения нового социально-экономического устройства и этических цивилизационных основ с началом эпохи Просвещения, XVIII в. в европейской истории «примечателен тем, что вернул старому континенту его бывшее величие» (Контлер, 2002, с. 243). Не исключением была и Венгрия, которой изгнание турок давало «шанс принять участи в этом все-европейском динамичном процессе обретения уверенности в собственных силах, хотя конкретные условия ее существования весьма затрудняли возможность этим шансом воспользоваться» (Контлер, 2002, с. 244), поскольку «население Венгрии за два года отдало императорским войскам столько, сколько не взяли за 100 лет османы» (Исламов и др., 1991, с. 133). Большие венгерские территории была разоренными и обезлюдившими, население подвергалось непомерным налогам, а его протестантская часть – окатоличиванию, «освободители вели себя в Венгрии как в завоеванной стране. Государственное собрание не созывалось после 1697 г., что было грубейшим нарушением венгерской конституции» (Исламов и др., 1991, с. 135).

Результатом стало восстание крестьян, начавшееся на северо-востоке страны в 1687 г., которое переросло в 1703 г. в венгерскую освободительную войну против Габсбургов (Даниш, 2020). Таким образом, на рубеже XVII–XVIII вв. по-

степенно формировалось венгерское национальное противостояние официальной Вене, вылившееся в войну за независимость, которую и возглавил Ференц Ракоци II (избран князем Трансильвании в 1704 г., годом позже получил титул «князя-предводителя Венгрии»), воодушевленный, как отмечает венгерский историк Ласло Контлер, идеей свободы, стремлением раскрыть потенциал страны и ускорить общественно-экономический прогресс. По этой причине армия Ракоци была общесословной, имела «общеклассовую солидарность в самом начале войны» (Контлер, 2002, с. 240). В освободительной войне принимали участие крестьяне, беглые и демобилизованные солдаты, горожане, дворяне, отдельные представители родовой элиты и, помимо венгров, армия Ракоци включала также немало словаков, закарпатских русин, валахов. «По аналогии с участниками восстания 1514 г. под руководством Дьёрдя Дожи повстанцы называли себя „куруцы“, и история сохранила за ними это гордое имя» (Исламов и др., 1991, с. 135). Подчеркивая значение борьбы куруцев в XVIII в., Контлер пишет: «война за независимость под руководством Ракоци, а также ее результаты достойны пристального внимания как открывшие одну из основных тем венгерской истории: тему сложного, случайно складывающегося соотношения между конституционной независимостью, национальными интересами, связанными с самосохранением, и политическим, социально-экономическим и культурным прогрессом» (Контлер, 2002, с. 241). В таких исторических реалиях и социально-политических условиях начиналась венгерская журналистика в «лице» первой венгерской газеты *Mercurius Hungaricus*, напрямую связанной с войной за независимость Ференца Ракоци II.

Ситуация в европейской периодике

В Европе периодическая печать началась в 1609 г. «Возникновение и развитие печатной периодики тесно связаны с развитием европейской буржуазии и ее действиями против феодальных классов»¹. Характерной чертой содержания прессы XVII в. было то, что она носила сугубо информационный характер, публиковала только сообщения о международных и внутренних событиях. В эпоху абсолютизма развитие периодической печати тормозили правительственные ограничения, связанные с цензурой и лицензированием. Со второй половине XVII в. постепенно появляются журналы, предшественниками которых можно считать еженедельники и переписку ученых. Расцвет журнальной литературы происходил в XVIII в., «когда буржуазия стала все более эффективно выступать против феодализма, а также использовала газеты и журналы в своих целях и для распространения идеологии Просвещения»². Побудительным мотивом издания периодики в западноевропейских странах можно считать и стремление получить прибыль, однако значимость прессы выходила за рамки исключительно увеличения доходности предпринимателей, поскольку печатное средство массовой коммуникации было рассчитано на широкую читательскую аудиторию и в первую очередь на городскую буржуазию. Запуск первых регулярно выходивших изданий ознаменовал

¹ См.: *A magyar sajtó története*. URL: <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/SajtoTortenet-a-magyar-sajto-tortenete-1/> (дата обращения: 14.10.2023).

² Там же.

новый этап развития периодики, что напрямую связано с работой почтовой службы, которая занималась распространением прессы. Такая значимая особенность, как периодичность, отличала газету от листовок, брошюр, книг, выделяя ее в новое медиа с актуальным и разнообразным содержанием, способное формировать общественное мнение. В течение XVIII в., благодаря периодичности выхода, газета из сухого информатора стала фактором влияния на социум, «газетой, которая оценивала и даже значительно поддерживала социальную борьбу. <...> Приверженцы Просвещения с воодушевлением приветствовали это новое средство информации, предоставляющее возможность распространения идей и знаний»³.

В Центрально-Восточной Европе, в монархии Габсбургов, периодика медленно развивалась из-за строгих условий цензуры, и первые газеты были запущены в 1703 г. Австрийская *Wienerisches Diarium* (изменила свое название на *Wiener Zeitung* в 1780 г.)⁴, как и *Gazette* во Франции, стала практически официальной газетой, характерной для абсолютных монархий. Ряд новостей, особенно связанных с революциями и восстаниями, разрешалось публиковать только после данной венской газеты, так что другие могли считаться отраслевыми изданиями *Wienerisches Diarium*.

Начало венгерской журналистики

Венгерская пресса, хотя и с некоторым отставанием, развивалась параллельно с европейской периодикой. Это отражало «включенность» страны в общие цивилизационные процессы. В то время в Европе газеты выходили на национальных языках, однако в монархии Габсбургов адресованные венгерской аудитории газеты выходили и на немецком, и на латыни, которой свободно владела образованная часть венгерского общества в той же степени, что родным и немецким языками. В эпоху Просвещения латинский язык не утратил своей ведущей роли, «в Венгрии он был не только церковным языком, но и языком законодательства, государственной власти и образования, а также литературным и научным»⁵.

В отличие от газет, книги на венгерском языке появились значительно раньше: «в Будапештской типографии уже в 1473 г. напечатаны две книги, а ученик Декарта Янош Апацаи в 1653 г. писал свою философскую прозу по-венгерски, в то время как во всей Европе лишь сам Картезий осмеливался употреблять свой национальный язык, а остальные ученые и писатели пользовались латынью» (Костолани, 2002, с. 29–30). Несмотря на то что книгопечатание в Венгрии началось в 1472 г., в типографии Андраша Гесса в Буде, оно просуществовало недолго по причине турецкой оккупации и разорения страны. Поэтому развитие не только венгерской полиграфической промышленности, но и периодической печати сильно затянулось. В XVII в. в Венгрии суще-

³ См.: *A magyar sajtó története*. URL: <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/SajtóTortenet-a-magyar-sajtó-tortenete-1/> (дата обращения: 14.10.2023).

⁴ См.: *Magyar Médiatörténet*. URL: <https://mediatortenet.wordpress.com/> (дата обращения: 16.10.2023).

⁵ *Buzinkay G. Kis Magyar sajtótörténet*. URL: <https://mek.oszk.hu/03100/03157/03157.htm> (дата обращения: 10.10.2023).

ствовала живая брошюрная литература, листовки и прокламации, отражавшие религиозное противостояние, борьбу против турок, затем антигабсбургские движения, что наиболее ярко проявилось в памфлетах: «в 1681 г. трансильванский князь Михал Апаффи I обратился к „ народам мира “ в своей прокламации в Коложваре, объявив о союзе с турками и войне против Габсбургов. В 1684 г. Имре Тёкёли издал в Касселе также обращенную к „ народам мира и венграм в рабстве “ прокламацию на латинском языке»⁶.

Эта ранняя куруцкая публицистика считается предшественницей первой национальной газеты, «когда связанная с борьбой за свободу публицистическая деятельность Ференца Ракоци II, в ходе которой он обращался к венгерской и иностранной общественности с многочисленными памфлетами и манифестами, привела к появлению первой венгерской газеты, предназначенной для регулярного издания, *Mercurius Hungaricus*»⁷. После прекращения ее деятельности следующим венгерским периодическим изданием стала также выходившая на латыни еженедельная *Nova Posoniensia*, основанная в марте 1721 г. Матьяшем Белем, ректором лютеранского лицея в Братиславе, из которого вышло несколько поколений журналистов и редакторов газет. Целевой аудиторией газеты была не буржуазия, дворянство или крестьяне, а школьники: Матьяш Бел не только как редактор, но и как ректор Евангелического лицея в Братиславе стремился использовать газету в обучении. Школьное чтение газет, прослеживаемое с 1720 г., продолжалось в последние десятилетия века и сыграло значительную роль в развитии интереса к газетам и журналам⁸. Начиная с номера за 29 июля 1722 г. характер газеты претерпел значительные изменения, она попала в руки иезуитов⁹ и в сентябре прекратила свое существование. Первая венгерская немецкоязычная газета *Wochentlich zweymal neuankommender Mercurius*¹⁰ издавалась в Буде в типографии *Landerer*, была тесно связана с официальным венской газетой *Wienerisches Diarium*, подражая ей, брала из нее значительную часть новостного материала и таким образом «вступила в прямой конфликт не только с независимой линией *Mercurius Hungaricus*, но и значительно отличалась от *Nova Posoniensia*»¹¹. Начало немецкоязычной журналистики в Братиславе в 1764 г. связано с изданием Кароя Готлиба Виндиша *Pressburger Zeitung*¹². Под его влиянием продолжилось развитие венгерской немецкоязычной периодики с выходом в Вене в 1771 г. *Allergnädigst privilegierte Anzeigent*¹³. Издание было рассчитано на венгерскую аудиторию

⁶ A magyar sajtó története. URL: <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/SajtoTortenet-a-magyar-sajto-tortenete-1/> (дата обращения: 12.10.2023).

⁷ Там же.

⁸ См.: *Fehér K.* Iskolai újságolvasás Magyarországon a 18. században. URL: https://epa.oszk.hu/00000/00021/00041/mksz2004_2_03.htm#_ednref42 (дата обращения: 12.10.2023).

⁹ См.: *Magyar Médiatörténet*. URL: <https://mediatortenet.wordpress.com/> (дата обращения 16.10.2023).

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *A magyar sajtó története*. URL: <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/SajtoTortenet-a-magyar-sajto-tortenete-1/> (дата обращения: 12.10.2023).

¹² См.: *Magyar Médiatörténet*. URL: <https://mediatortenet.wordpress.com/> (дата обращения 20.10.2023).

¹³ См.: *Bécsi Magyar Érdekű lapok a hetvenes években*. URL: <https://mek.oszk.hu/04700/04727/html/26.html#page1-63> (дата обращения: 20.10.2023).

и отражение ее интересов: «это был немецкоязычный предшественник венгерских газет конца века, которые также издавались в Вене для Венгрии»¹⁴. После его закрытия, также в Вене и также отражая венгерские интересы, начала выходить другая газета, основанная Йжефом Керестури на латыни, *Ephemerides vindobonenses* (1776–1785 гг.)¹⁵, на которую влияло венское Просвещение. Газета ориентировалась на образованную часть общества, что удовлетворяло венский двор, остерегавшийся распространения периодической печати в народной среде. Существенно, что в 1780 г. Матьяш Рат создал первую венгероязычную газету *Magyar Hirmondó*¹⁶. Начался новый период формирования прессы и журналистики на национальном языке.

Информационная война. Первая венгерская газета

Первое периодическое издание Венгрии, газета *Mercurius Hungaricus*, вышла на венгерском языке 14 апреля 1705 г. в многонациональной монархии Габсбургов, а со второго номера имела название *Mercurius Veridicus ex Hungaria* и издавалась на латыни. Ее появление напрямую связано с освободительной войной (1703–1711 гг.) Ференца Ракоци II с целью противостояния официальной пропаганде монарха и его двора в освещении борьбы венгров за свою автономию и независимость от власти, влияния и политических интересов Габсбургов. Идея создания *Mercurius Hungaricus* принадлежала генералу графу Анталу Эстерхази, который подготовил первый номер издания. «Без достоверной информации борьба за свободу не могла получить реальной поддержки из-за рубежа, а контрпропаганда Вены могла даже подавить потенциальное сочувствие или интерес. Это осознал граф Антал Эстерхази весной 1705 г.»¹⁷. Со своей стороны, Ракоци, читая периодику западноевропейских стран, обратил внимание, что «пропаганда Габсбургов также оказала свое влияние на западную прессу и что даже такой писатель, как Дефо, который был защитником английской революции, осудил венгерское восстание как „беззаконное“, поэтому «Ракоци думал о противодействии односторонней пропаганде венской *Wienerisches Diarium*»¹⁸.

Необходимость издания газеты, отражающей точку зрения куруцев и их борьбу за независимость, заключалась, бесспорно, в том, что причины войны, которая начиналась, что называется, снизу, как антикрепостное крестьянское восстание, не были известны в крупных западных европейских странах, где информацию о действиях Ракоци и его войск получали только из широко рас-

¹⁴ A magyar sajtó története. URL: <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/SajtoTorteneta-magyar-sajto-tortenete-1/> (дата обращения: 19.10.2023).

¹⁵ См.: Bécsi Magyar Érdekű lapok a hetvenes években. URL: <https://mek.oszk.hu/04700/04727/html/26.html#page1-63> (дата обращения: 20.10.2023).

¹⁶ Magyar Hirmondó (1780–1790), Magyar Mercurius. URL: <https://mediatortenet.wordpress.com/2014/11/30/magyar-hirmondo-1780-1790/> (дата обращения 22.10.2023).

¹⁷ *Buzinkay G.* Kis Magyar Sajtótörténet. URL: <https://mek.oszk.hu/03100/03157/03157.htm> (дата обращения: 12.10.2023).

¹⁸ A magyar sajtó története. URL: <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/SajtoTorteneta-magyar-sajto-tortenete-1/> (дата обращения: 12.10.2023).

пространенных там газетных публикаций, ориентированных на Габсбургов. «Целью официальной „придворной“ газеты восстания Ференца Ракоци II, куруцкой газеты на мировом языке (латыни), ориентированной на западный мир, было противопоставление габсбургской (лейбанской) пропаганде и односторонним сообщениям венской прессы (*Wienerisches Diarium*)... В то время наиболее распространенной в нашей стране была предшественница нынешней *Wiener Zeitung* – *Wienerisches Diarium*, которая также много сообщала о событиях в Венгрии, но, как правило, в искаженном виде. Она публиковала самые абсурдные новости о походах Ракоци (*sic!*), в своих восхвалениях побед имперских армий доходила до преувеличения лжи, с такой мелочностью отзывалась о венгерских „повстанцах“, что венгры постоянно называли официальную венскую газету „печатной ложью“. Следующая венгерская газета вышла в Братиславе в 1721 г. – *Nova Posoniensia*, также на латинском языке, но с совершенно иными целями»¹⁹. Именно поэтому со второго номера и весь период своей деятельности (1705–1710 гг.) газета *Mercurius Hungaricus*/*Mercurius Veridicus ex Hungaria* издавалась на латыни, поскольку в большей степени предназначалась для внешнеполитических целей, информирования и формирования международного общественного мнения о борьбе венгров. Поэтому же значение первой венгерской газеты в истории венгерской прессы трудно переоценить. «Запуск венгерской периодики связан с именем Ференца Ракоци II: он первым в Венгрии признал важность периодической печати с точки зрения информации и влияния на общественное мнение. Его газета *Mercurius Hungaricus* (или со второго номера *Mercurius Veridicus ex Hungaria*) является заметным участником истории венгерской прессы не только потому, что именно с нее началась наша газетная литература, но и потому, что она была продуктом события, отслеживаемого по всей Европе, великой войны за независимость куруцев, а также и потому, что газета выступала за социальный прогресс»²⁰.

На протяжении всего времени своей деятельности газета *Mercurius Veridicus ex Hungaria* отражала позицию куруцев и освещала в информационном ключе ход войны за независимость Ракоци, которая проходила в непростой геополитической ситуации общеевропейской истории того времени и завершилась заключением Сатмарского мира 30 апреля 1711 г. Деятельность газеты, связанной с освободительной войной, завершилась годом ранее. «После Сатмарского договора экземпляры этого издания исчезли с мировой арены вместе со всей печальной историей, которую оно документировало практически ежечасно, став дипломатической и архивной сокровищницей»²¹. *Mercurius Veridicus ex Hungaria* выходила лишь короткий промежуток времени, но дала импульс развитию венгерской периодики, противостоя прессы венского двора, занималась контрпропагандой, способствовала самосознанию венгров как единой нации в многонациональной Габсбургской монархии.

¹⁹ A magyar sajtó története. URL: <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/SajtoTorteneta-magyar-sajto-tortenete-1/> (дата обращения: 12.10.2023).

²⁰ Там же.

²¹ *Mercurius Veridicus ex Hungaria* (1705–1711). URL: <http://epa.oszk.hu/00900/00904/mv.html> (дата обращения: 12.10.2023).

Заключение

Венгерская периодическая печать формировалась в контексте развития европейской прессы, с некоторым отставанием от стран Западной Европы, в эпоху Просвещения. Начальный период венгерской журналистики связан с историческими условиями и политической ситуацией в Центральной Европе: проходил после 140-летнего периода турецкой оккупации, Карловицкого мирного договора, когда Венгерское Королевство стало составной частью монархии Габсбургов, в начале XVIII в., на фоне борьбы за независимость под руководством Ференца Ракоци II, в условиях противостояния венской прессе. Это противостояние венгерской газеты *Mercurius Veridicus ex Hungaria* и австрийской *Wienerisches Diarium* можно расценивать как ранний пример информационной войны в медийном пространстве. Деятельность латиноязычной *Mercurius Veridicus ex Hungaria* значима в контексте развития политической системы венгерского общества: газета, в противовес официальным изданиям монаршего двора, занималась контрпропагандой в интерпретации и освещении ситуации в Венгрии. И в дальнейшем венгерская периодика издавалась на латыни и немецком языке, тем не менее заложив основы прессы страны. Первой венгероязычной газетой в 1780 г. стала *Magyar Hírmű*, которая способствовала совершенствованию и обновлению национального языка, консолидировала венгров через родной язык, отражала многовековые ценности и героическое прошлое народа, открыла новую эпоху венгероязычной журналистики. Итак, начальный период венгерской периодики, связанный с борьбой за независимость Венгрии от Габсбургов, заканчивается возникновением венгероязычной прессы и началом борьбы за национальный язык.

Список литературы

- Ачкасов В.А.* Национальная идентичность как исторический нарратив // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 19–26. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-19-26>
- Боди Ф.* Двигатель развития Венгрии – миграция и образовательная политика в XVIII веке... и последствия для современной эпохи // Этнодиалоги. 2020. Т. 61. № 3. С. 90–112. <https://doi.org/10.37492/ETNO.2020.61.3.005>
- Даниш М.* Сословное восстание под руководством Ференца Ракоци Второго в контексте российской дипломатии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. № 3. С. 865–882. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.310>
- Исламов Т.М., Пушкаш А.И., Шушарин В.П.* Краткая история Венгрии. М.: Наука, 1991. 608 с.
- Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь мир, 2002. 656 с.
- Костолани Д.* Венгры и Европа: сборник эссе. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 560 с.
- Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С.* Управление прошлым. Массмедиа, мифотворчество, идентичность. М.: Икар, 2020. 340 с.
- Филюшкин А.И.* Как сегодня изучать историю Восточной Европы? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. Т. 27. № 1. С. 3–24. <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.101>
- Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М.: Алгоритм, 2014. 496 с.
- Deudney D., Ikenberry G.J., Postel-Vinay K.* Debating worlds: Contested narratives of global modernity and world order. Oxford University Press, 2023. 312 p.

References

- Achkasov, V.A. (2018). National identity as a historical narrative. *Administrative Consulting*, (10), 19–26. (In Russ.)
- Bódi, F. (2020). Engine of Hungary's development – migration and education politics in the 18th century... and consequences for the modern age. *Ethnialogues*, 61(3), 90–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.37492/ETNO.2020.61.3.005>
- Danis, M. (2020). The uprising of Francis Rákóczi the Second in the context of Russian diplomacy. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 65(3), 865–882. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.310>
- Deudney, D., Ikenberry, G.J., & Postel-Vinay, K. (2023). *Debating worlds: Contested narratives of global modernity and world order*. Oxford University Press.
- Filyushkin, A.I. (2020) How to study the history of Eastern Europe today? *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 27(1), 3–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.101>
- Islamov, T.M., Pushkash, A.I., & Shusharin, V.P. (1991). *A brief history of Hungary*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Kontler, L. (2002). *History of Hungary. Millennium in the center of Europe*. Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russ.)
- Kostolani, D. (2002). *Hungary and Europe: Essay collection*. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ. (In Russ.)
- Nikolaychuk, I.A., Yanglyeva, M.M., & Yakova, T.S. (2020). *Managing the past. Mass media, myth-making, identity*. Moscow: Ikar Publ. (In Russ.)
- Shimov, Ya. (2003). *Austro-Hungarian empire*. Moscow: Algoritm Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Пынина Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; член Союза журналистов Москвы, член правления Общества российско-венгерской дружбы. ORCID: 0000-0001-5248-6792. E-mail: tanyi@inbox.ru

Bio note:

Tatiana Yu. Pynina, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Mass Communications Department, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; member of the Union of Journalists of Moscow, member of the Board of the Russian-Hungarian Friendship Society. ORCID: 0000-0001-5248-6792. E-mail: tanyi@inbox.ru

МЕДИАКОНТЕНТ: PRO ET CONTRA

MEDIA CONTENT: PRO ET CONTRA

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-800-808

EDN: ACFUEL

UDC 071

Research article / Научная статья

Emotion vs conflict-generating communication in a hybrid media environment

Valentin N. Stepanov

*International Academy of Business and New Technologies,
80 Sovetskaya St, Yaroslavl, 150003, Russian Federation*

✉ vsrhetor2000@mail.ru

Abstract. The research is devoted to the phenomenon of emotional and conflict-generating communication. Pragmatic information was chosen as the object of study, which is based on the intention of implication, the hidden intention of the addresser. The subject of the study is special, provocative speech genres, regarded as tools for presenting pragmatic information, their system and typology. Provocative discourse is considered in the work as a special type of intentional discourse, and provoking is understood as the infection of the interlocutor with the real or imaginary (skillfully imitated) intentional state of the speaker. Provoking, therefore, is a typical example of emotional contagion, emotiogenicity. The material for the analysis was mass communication texts; the body of the study consisted of the headlines of direct mail advertising texts. Two basic provocative genre strategies – confession and concern – are identified, each of which includes, as identifiable elements, the (elementary) provocative genres of confession, presentation, maxim, demonstrative, complaint, advice, notation, reproach, provocative question, propheseme.

Keywords: emotion, emotion-generating communication, conflict, provoking, manipulation, provocative discourse, provocative genres, genre-related strategies

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 12, 2023; revised September 29, 2023; accepted October 15, 2023.

For citation: Stepanov, V.N. (2023). Emotion vs conflict-generating communication in a hybrid media environment. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 800–808. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-800-808>

Эмоциогенная и конфликтогенная коммуникация в гибридной медиасреде

В.Н. Степанов

Международная академия бизнеса и новых технологий,
Российская Федерация, 150003, Ярославль, ул. Советская, д. 80

✉ vsrheter2000@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено феномену эмоциогенной и конфликтогенной коммуникации. В качестве объекта выбрана информация прагматическая, в основе которой лежит намерение подразумевания, скрытое намерение адресанта. Предметом стали особые, провокативные, речевые жанры как инструменты представления прагматической информации, их система и типология. Провокативный дискурс рассматривается как особая разновидность интенционального дискурса, а под провоцированием понимается заражение собеседника реальным или мнимым (умело имитируемым) интенциональным состоянием говорящего. Провоцирование, таким образом, представляет собой типичный пример эмоционального заражения, эмоциогенности. Материалом для анализа послужили тексты массовой коммуникации, корпус исследования составили заголовки рекламных текстов прямой рассылки. Выделены две базовые провокативные жанровые стратегии – признания и заботы, в состав каждой из которых входят на правах опознаваемых элементов (как элементарные) провокативные жанры признания, представления, сентенции, демонстратива, жалобы, совета, нотации, укора, провокативного вопроса, професемы.

Ключевые слова: эмоции, конфликт, провоцирование, провокативный дискурс, провокативный жанр, провокативная стратегия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 сентября 2023 г.; отрецензирована 29 сентября 2023 г.; принята к публикации 15 октября 2023 г.

Для цитирования: *Stepanov V.N. Emotion vs conflict-generating communication in a hybrid media environment // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 800–808. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-800-808>*

Introduction

The connection between culture and information is unambiguous: “Culture is a device that produces information. <...> Transforms non-information into information. It is an anti-entropic mechanism of mankind” (Lotman, 1992, p. 9). Transformations in the field of mass communication are determined by mediatization (Lundby, 2014), by which we propose to understand the formation of a new environment with the help of mass communication channels, virtualization and imprinting of social experience (Stepanov, 2012). Mediatization modifies modern media reality, and media communications become multimodal – “transmediations” (Salmoose, Elleström, 2019). Traditional bidirectional mass communication characterizes the outgoing (media) era and is contrasted with immersive communication – at the present stage (Qin, 2019) of the development of media communications (“the third media age”). Digital tools and platforms actively interacting

with the stat (Polyakov, 2023), while increasing their status of public accessibility and transforming contemporary media culture into a hybrid one (Lindgren, 2019).

Communication practices and digital technologies are being tested and diversified in social networks, actively “exploiting” a purely human attribute – his emotions (Ellis, Tucker, 2020), which become a weapon in real ideological confrontation and determine the outlines (boundaries) of modern propaganda (Boyer, Davis, 2020). The increasing share of emotions in public communication characterizes the latter as emotional communication – “generating” emotions.

Networks (Field, 2008; Algavi, Al-Khanaki, 2013) allow people to share their values in communities, use these communities as a resource and thereby form a certain kind of capital – social, in other words, networks help people interact with each other for mutual benefit. The formula for social capital is simple and takes into account the category of relationships: “relationships matter”.

Researchers note that social capital has a “dark” side, on which disinformation and populism “lurk,” which today demonstrate a cross-border nature, transcending the boundaries of countries, political and media systems. Among the negative phenomena of modern public communication, S.A. Samoilenko considers reputational threat (character assassination), which he understands as a communicative strategy to discredit a person or group within the framework of subversive communication (Samoilenko, 2021).

The entire variety of information circulating through communication channels is conventionally divided into two classes – on the one hand, subject-logical (factual) information, and on the other hand, pragmatic information (evaluative, subjective, related to the situation and participants in communication). The object of study in this work is pragmatic information, which is based on the intention of implication, the hidden intention of the addresser. The subject of the study is special, provocative speech genres, considered as tools for presenting pragmatic information, their system and typology.

Results and discussion

B.F. Porshnev introduced the concept of influential communication (Porshnev, 1971), or an influence that is considered in this article as an impact on a person’s activity (activity and behavior) and with the aim of changing it. The main methods of speech influence include persuasion (argumentation), suggestion, provoking.

Belief is primarily an influence on a person’s cognitive processes; it is associated with a person’s ability to build logically correct judgments and conclusions based on the cause-and-effect relationships of arguments and consequences. Suggestion as a method of speech influence, is associated with the categories of attitude and mass consciousness, and the main “target” of suggestion is the sphere of the unconscious. A special type of influence is provoking during which the provoker demonstrates an intentional state that he actually experiences or skillfully imitates in order to induce in the provoked a psychological state similar to the one being demonstrated. Provocation is a typical example of emotional contagion, emotigenicity, and in modern conditions of digital communication it is also a tool for multi-code and multi-channel immersive communication, serving the symbolic capitalization of emotions.

Provocative discourse is a complex (para)genre formation in a combination of linguistic and pragmatic factors, expressing the provocative intention (of the provocateur) to correct the emotional state and communicative activity of the provoked person, causing in him an intentional state similar to the one being demonstrated and not corresponding to the current emotional state of the recipient (Stepanov, 2008).

The nomenclature of provocative genres consists of ten elementary speech genres as part of two basic genre strategies that have a supra-linguistic nature: the first strategy is confession, the second strategy is care.

A speech genre is a typical textual organization with the help of which people form (create) and convey their own life experience of communication in a given language community and perceive the experience of others. Speech genres as part of provocative discourse in conditions of immersive communication belong to the sphere of indirect communication and are called provocative genres. This allows us to assume the existence of a special kind of goals that correspond to the intention of the provocateur's implication and represent his internal (emotional) state, relaying it to the interlocutor and thereby infecting the addressee (provoked) with it, influencing his emotional and cognitive mental spheres – emotiogenic impact. The content of provocative genres becomes an indirect message about the real or simulated internal state of the speaker. The exchange of information during such communication is indirect in nature, designed for an emotional response and has a predictable and even programmable communicative effect.

The *provocative strategy* (PS) of confession is an appeal to the speaker himself in order to demonstrate his intentional state – this is an emphasis on the sphere of the addresser. The nomenclature of PS confession consists of the elementary speech genres of confession, complaint, maxim, presentation, demonstrative.

In the provocative strategy (PS) of care, the sphere of the addressee is emphasized; it is this sphere that is the subject of speech in the genres of this strategy of provocative behavior. The nomenclature of PS of concern consists of the elementary speech genres of advice, provocative question, notation, reproach, propheseme.

The message about the internal (intentional) state of the provocateur in order to demonstrate the psychological state of frankness and confession is contained in the genres of PS confession – this is an emphasis on the addresser's sphere.

As linguistic features of the elementary provocative genre (EPG) of confession, one should point out the personal forms of the verb in combination with actually present or implied first-person pronouns (I, we). The content of confession is a frank message about the internal (intentional) state of the provocateur and a call for reciprocity.

In the explication of the emotional state “we *love* you” there is implicitly the conversion meaning of the prescription “love us”: *Valentin, we love you! The third item in your order is free!* (Wildberries).

In the explication of the action “we are preparing” heterogeneous meanings are implicitly represented – the states “we are waiting”, “we invite”, the prescription “come”: *Making Cosmic Dessert at Miles Restaurant*. In the explication of intention, speech prescriptions can be presented *explicitly* – “hurry up to get it”: *Giving away an expensive book, hurry up to get it for free!* (профессионалы.ru),

and **implicitly**: *We are not kidding! 20% discount on entertainment, restaurants and food delivery* (Biglion); *Valentin, we give you 2000 rubles for shopping!* (Wildberries); *You are special! We give you a promo code for up to 50% off* (Lamoda).

In the explication of etiquette formulas of phatic communication, prescriptions express a conversion meaning and can be presented explicitly and implicitly, for example, “we apologize – excuse us”, “we give – accept”: *Sorry, we won't do it again! We give you 1000 rubles for shopping!* (Wildberries) – explicitly; *Valentin, congratulations! Your VIP status has been confirmed!* (compare it to “we confirmed”) (Wildberries) – implicitly.

The description of a provocative situation can be openly convertive, presented at the grammatical level and thereby emphasize the state and status of the recipient: *Valentine, you are invited to a private sale!* (compare it to “we invite you”) (Wildberries).

The next elementary provocative genre is a complaint. This genre contains a message about the internal state of the provocateur, which causes him pain, harm, poses a threat, and implies a prescription to regret in response: *This heaviness in my stomach won't go away* (Activia). With the help of maxims, the generalized (generalized) social experience of a person is expressed, the universal nature of this experience is affirmed: *Holidays are available to everyone! See for yourself* (Biglion).

The elementary provocative genre of demonstrative contains an indication of one or another component of the actual communicative situation as a result or process of perception by the speaker.

The psychological provocative mechanism of demonstration contains an implicit prescription (invitation to participate) to become part of the situation: *It's just cosmos!* (L'Etoile); *This promotion is not on the site! Minus 30% for subscribers* (Lamoda); *[this] Almost free! Discounts up to 75%!* (Lamoda); *It's yours! Up to 70% off on trainers, trainers and boots!* (Lamoda); *[it's] Almost Black Friday!* (Wildberries); *Valentine, [this is] your access to the secret sale! Just for a few hours!* (Wildberries); *That kick and 50% off in this email* (Biglion); *[it's] On! Cosmic days at WB!* (Wildberries).

The most typical demonstrative signs are words that belong to the class of egocentric and are associated with the coordinates “I – here – now”: demonstrative pronouns this, that; personal pronouns “I”, “we”, “you”, “you”, “he”, “she”, “they”; possessive pronouns; adverbs of time and place “now”, “then”, “there”, “here”, “today”, “tomorrow”; articles (in foreign languages). These words can be omitted and are easily restored from the context.

As part of the provocative strategy of recognition, the elementary provocative genre of the presentation is implemented, in which the provocateur introduces, names a third person (*Valentine, here's the winner: the world's best airline. TripAdvisor. Introducing Gillette's new Venus Passion®, “Gillette”*) or himself, indicating the first name, last name and, most often, social status, while using the personal pronoun, the indicative of the verb “introduce” or impersonal constructions (my name is): *I'm a Faberlik consultant*.

In the PS of care, the sphere of the addressee (the provoked) is emphasized; it is this sphere that is the subject of speech in the genres of this strategy of provocative behavior.

The elementary provocative genre of the council as part of the PS of care explicates the regulatory function of provocation and contains a benevolent recommendation to the addressee regarding his behavior, individual actions, actions or relationships with others and the outside world.

In the conditions of multi-code and multi-level immersive communication, presuppositions in statements related to this genre contain an indication that it is not necessary to follow the recommendations made, and recognition of the addressee's right to make their own decisions. The generally accepted assumptions also include that the provocateur, it seems, offers this or that (valuable) advice absolutely disinterestedly, or at least without any visible benefit for himself (this is the difference between advice and, for example, a request, in expressing which the speaker demonstrates varying degrees of own interest in its result, or an order). As a distinctive linguistic feature of this genre, one can point to its predominantly actional nature (*Valentine, let's fly to a happy future!* (Anna Matari); *Yay, Friday! Plan your weekend with up to 90% off* (Biglion); *Run for trainers with up to 60% off* (Lamoda); *Don't panic! There are still 4 hours!* (Wildberries); *Men, hold on! Discount to help!* (Wildberries)) and the use of verb forms of the imperative (*Take everything! Up to 70% + up to 40% extra* (Lamoda); *Don't do it!* (Wildberries)).

The content of the elementary provocative genre of reproach is affective in nature and represents an explicitly (*And Seryozha overslept!* (Wildberries); *You might have missed it* (LiveJournal) or implicitly (*Hmm...No writing activity last week?* (Grammarly Insights); *Oops, you forgot something in the cart!* (Sunlight)) expressed negative assessment of the behavior or actions of the subject of speech:

In the form of a question, as an elementary provocative genre included in the nomenclature of PS of care, there is hidden a statement of a different illocutionary nature and, accordingly, a different communicative content: an invitation to conversation, surprise, annoyance, irony, complaint, joy, sympathy, etc.

Interrogative intonation in oral speech and the corresponding terminal punctuation mark in written speech, as well as characteristic interrogative pronouns act as linguistic features of this genre: *Did you like it? Leave your review on the product!* (Wildberries); *Undecided on your choice? It's about time* (Tom Tailor); *Do you dream of the sea? Let's make your dreams come true!* (Sunrise Tour); *Do you love secret places and routes? S7 Airlines Feeling blue today? Our hot sale \$12.99 comfy flats have 10 colors* (Newchic.com).

Notation as one of the elementary provocative genres of care at the value level is a teaching that contains the speaker's desire to draw the addressee's attention to a certain degree of standard (within society or a particular situation) or desired behavior of the subject of speech (often a third party) – specific (*Wildberries begins a fashion reboot!*; *Lenta recommends!*), vague (*The man earned 670,820 in a month!* (профессионалы.ru)) or generalized (*Everyone is discussing these hot new products!* (Wildberries); *Everyone is talking about this!* (Wildberries)). The presupposition of statements of this type hides a value-based, negative assessment of previous actions or the entire behavior of the recipient.

The elementary provocative genre of a propheseme is “a meaning-defining invariant unit of prophetic communication and contributes to the identification, dif-

ferentiation and delimitation of forms of representation of prophetic meaning” (Stepanov, 2017, p. 11). As part of the PS of care, the propheseme contains a forecast or prescription regarding a person’s behavior in the future and thereby, to a certain extent, regulates the behavior of the provoked.

The predicted meanings in the propheseme are presented implicitly, indirectly. The implicit nature of causation and prediction in relation to the behavior and actions of the provoked in the future can be represented in the propheseme in the form of a collapsed proposition, which is represented at the external level using pronominalization (*Valentin, with these [if you accept our offers] offers you will immediately start packing your bags (Booking.com)*); generalization (*Valentin, it’s time to change something [if you need to change something in life], but you don’t know where to start? The answer is in the letter! (Anna Matari)*); temporalization (*Valentine, March 14 [if you come on March 14] You will learn the tasks of your Soul at an open meeting! (Anna Matari)*); presupposition (*Do it! [if you hurry] You will be in time for the gift in Sunlight! (Sunlight)*).

In the conditions of multi-code and multi-channel immersive communication of elementary provocative genres, the external speech and semantic levels of their organization do *not coincide – they compete*. Elementary provocative genre’ competition can take place within PSs or between them and be determined semantically (semantic competition) or positionally (positional competition). In the case of semantic competition, thanks to semantic transformations, one elementary provocative genre (at the external level) “hides” another (at the internal level) and the perlocutionary effect is formed simultaneously. In the case of positional competition, elementary provocative genres are contextually linked into a para-genre unity, the perlocutionary effect of which is formed successively. Genre competition within the framework of provocative discourse indicates its paragenre nature.

Conclusion

In conclusion, we note that emotional communication in a hybrid environment is considered in this article as provocative, immersive and influential communication.

The immersive nature of emotiogenic, provocative communication is determined by the underlying intention of the implication. Provoking becomes a life-giving environment for the capitalization of emotions, strengthening the symbolic role of emotions in the interaction of communicants, for the formation of their heterogeneous affective identity. The regulatory-affective nature of provocation determines the interactivity, convertibility and prescriptiveness of provocative communication.

Provocative discourse is a paragenre formation, a special type of intentional discourse and a linguistic representation of a special method of speech influence – infection (provocation); provocation is understood as infection of the interlocutor with a real or imaginary (skillfully imitated) intentional state of the speaker. Provoking is a typical example of emotiogenic contagion.

References

- Algavi, L., & Al-Khanaki, J. (2013). Issues in social media effectiveness. *Journalism and Society: Collection of Scientific Papers* (vol. 15, pp. 191–202). Moscow: RUDN University. (In Russ.)
Алгави Л.О., Аль-Ханаки Д.А. Проблемы эффективности социальных медиа // Журналистика и общество: сборник научных трудов. М.: РУДН, 2013. Т. 15. С. 191–202
- Boler, M., & Davis, E. (Eds.). (2020). *Affective politics of digital media: Propaganda by other means*. Abingdon, New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003052272>
- Ellis, D., & Tucker, I. (2020). *Emotion in the digital age: Technologies, data and psychosocial life*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315108322>
- Field, J. (2008). *Social capital*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203930519>
- Lindgren, S. (Ed.). (2019). *Hybrid media culture: Sensing place in a world of flows*. Abingdon, New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203385852>
- Lotman, Yu.M. (1992). Articles on semiotics and topology of culture. *Selected Works* (vol. 1). Tallinn: Aleksandra Publ. (In Russ.)
Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры // Избранные статьи: в 3 томах. Том 1. Таллин: Александра, 1992.
- Lundby, K. (Ed.). (2014). *Mediatization of communication*. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Polyakov, M. L. (2023). The interaction of digital platforms and states: Events and phenomena 2019–2022. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, (1), 116–120. (In Russ.)
Поляков М.Л. Взаимодействие цифровых платформ и государств: события и явления 2019–2022 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 116–120.
- Porshnev, V.F. (1971). Countersuggestion and history (elementary social-psychological phenomenon and its transformations in the development of mankind). *History and Psychology* (pp. 7–36). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
Поршнева В.Ф. Контрсуггестия и история (элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // История и психология. М.: Наука. С. 7–36.
- Qin, L. (2019). *Immersive communication: The communication paradigm of the third media age*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429355530>
- Salmose, N., & Elleström, L. (Eds.). (2019). *Transmediations: Communication across media borders*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429282775>
- Samoilenko, S.A. (2021). Character assassination: The sociocultural perspective. *Journal of Applied Social Theory*, 1(3), 186–205.
- Stepanov, V.N. (2008). *Provocation in social and mass communication*. St. Petersburg: Roza Mira Publ. (In Russ.)
Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.
- Stepanov, V.N. (2012). Re to the question of emotiogenic communication. *Foreign Languages in Tertiary Education*, 20(1), 11–31. (In Russ.)
Степанов В.Н. К вопросу об эмоциогенной коммуникации // Иностранные языки в высшей школе. 2012. Т. 20. № 1. С. 11–31.
- Stepanov, V.N., & Borzova, I.A. (2017). Profeme as an invariant unit of profetic communication (on the material of astrological forecasts in English, Russian and Ukrainian languages). *Foreign Languages in Tertiary Education*, 3(42), 7–13. (In Russ.)

Bio note:

Valentin N. Stepanov, Ph. D. (Doctor of Philology), Professor, Merited Educator of Tertiary Education of the Russian Federation, Head of the Department of Mass Communication, International University of Business and New Technologies, 80 Sovetskaya St, Yaroslavl, 150003, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8198-2517. E-mail: vsrheter2000@mail.ru

Сведения об авторе:

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой массовых коммуникаций, Международная академия бизнеса и новых технологий, Российская Федерация, 150003, Ярославль, ул. Советская, д. 80. ORCID: 0000-0001-8198-2517. E-mail: vsrheter2000@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-809-817

EDN: AIPVTA

UDC 659.4

Research article / Научная статья

VR in promotion of territory in the New Normal: empirical and research approaches in the times of crisis

Julia Wirth¹, Marina G. Shilina^{2,3}✉,
Maria Sokhn¹, Leonid P. Preobrazhenskiy⁴

¹*HES-SO University of Applied Sciences and Arts of Western Switzerland,
21 Espace de l'Europe, Neuchâtel, 2000, Swiss Confederation*

²*Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanniy Pereulok, Moscow, 115093, Russian Federation*

³*Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation*

⁴*RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ marina.shilina@gmail.com

Abstract. In the New Normal, the most sought-after tools for territory promotion are digital and immersive, and closely intertwined with virtual reality technologies. This research centers on VR projects in Switzerland and Russia, two countries representing contrasting situations in the current tourist and promotion of territory landscape of 2023. The findings of the prior research on the incorporation of immersive VR technology in territory promotion in Switzerland with analogous research conducted in Russia are compared. By examining both theoretical and empirical data, including data analysis and semi-structured interviews with VR project managers in Switzerland and owners/managers in Russia, differences between Switzerland and Russia are identified. A spreading value-centered qualitative approach in English- and French-language scientific discourse on VR-driven territory promotion is connected with cultural heritage and sustainable consumption and is novel for Russia. Conceptual frameworks in this scientific field are still in their early stages. In Switzerland, the VR projects are more complex and are used as a part of territory and corporate promotion, despite the not value-centered, but economic motivation. In Russia, VR is viewed as the next stage in the evolution of travel viewing and recreation, and it serves as an advertising tool to attract travelers to territory attractions. The ideas of VR-tours are connected with the past, and historical and cultural heritage. The best projects demonstrate the feasibility of combining on-site visits, VR, and sustainability awareness. VR-project in this case is the instrument of saving today's territory images and brands, and involve audience in active sustainable consumption.

Keywords: immersive promotion of territory, virtual reality, digital, hybrid, phygital, content, omnidirectional experience, value-centred approach, sustainable consumption

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 22, 2023; revised June 18, 2023; accepted July 30, 2023.

© Wirth J., Shilina M.G., Sokhn M., Preobrazhenskiy L.P., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Wirth, J., Shilina, M.G., Sokhn, M., & Preobrazhenskiy, L.P. (2023). VR in promotion of territory in the New Normal: Empirical and research approaches in the times of crisis. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 809–817. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-809-817>

VR в продвижении территории в условиях «новой нормальности»: эмпирические и исследовательские подходы во времена кризиса

Ю. Вирт¹, М.Г. Шилина^{2,3}✉, М. Сокн¹, Л.П. Преображенский⁴

¹*Университет прикладных наук и искусств Западной Швейцарии, Швейцарская Конфедерация, 2000, Невшатель, пл. Европы, д. 21*

²*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Российская Федерация, 115093, Москва, Стремянный пер., д. 36*

³*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1*

⁴*Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

✉ marina.shilina@gmail.com

Аннотация. В условиях «новой нормальности» наиболее востребованными инструментами продвижения территорий являются цифровые и иммерсивные инструменты, в том числе виртуальной реальности. В исследовании проанализированы теоретические и эмпирические подходы проектов виртуальной реальности в Швейцарии и России, туристической индустрии которых находятся на различных полюсах индустриального ландшафта в 2023 г. Распространяющийся ценностно ориентированный качественный подход в англо- и франкоязычном научном дискурсе по VR-продвижению территорий связан с культурным наследием и устойчивым потреблением, что является новым для России. Анализ полуструктурированных интервью с менеджерами VR-проектов также выявил различия. В Швейцарии VR-проекты более сложны и используются для территориального и корпоративного продвижения, несмотря на экономическую, а не ценностно ориентированную мотивацию. В России VR рассматривается как следующий этап эволюции туристического отдыха и инструмент рекламы достопримечательностей. Идеи VR-туров связаны с прошлым, историческим и культурным наследием. Лучшие VR-проекты демонстрируют возможность сочетания визитов на места, виртуальной реальности и продвижения идей устойчивого развития. VR-проект в данном случае является инструментом сохранения образов и брендов территорий, вовлечения аудитории в активное устойчивое потребление.

Ключевые слова: иммерсивность, новая нормальность, виртуальная реальность, цифровой, гибридный, физический, контент, разносторонний опыт, ценностно ориентированный подход, устойчивое потребление

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 22 мая 2023 г.; отрецензирована 18 июля 2023 г.; принята к публикации 30 июля 2023 г.

Для цитирования: *Wirth J., Shilina M.G., Sokhn M., Preobrazhenskiy L.P.* VR in promotion of territory in the New Normal: Empirical and research approaches in the times of crisis // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 809–817. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-809-817>

Introduction

The New Normal as a permanent crisis framework for promotion of territory is a problem. The World Tourism Organization, analyzing the impact of the special operation on the travel market, came to the conclusion that the protracted conflict could lead to a loss of \$14 billion in tourism revenues worldwide by the end of 2022. Conflict at the Far East at the end of 2023 also demonstrates the fragility of traditional territories famous due its tourist potential before. However, as traditional borders, the images of territory and its off-line promotion are collapsed and became a thing of the past.

In the era of the New Normal, the promotion of territories, whether on a global or national scale, is undergoing a transformation, shifting from traditional economic incentive models to those rooted in values (Han, 2021). In this perspective, communication is viewed as the dissemination of the values associated with a territory brand among stakeholders (Verma et al., 2022). The focal points for enhancing the effectiveness of territory promotion encompass omni-channel promotion and intricate personal immersive involvement and experience (Wirth, Shilina, 2023).

Presently, the most sought-after tools for territory promotion are digital, particularly in the post-COVID era. Primarily, these digital and internet-driven strategies enable audiences to engage in personalized, direct, 24/7, hybrid communication. These strategies are closely intertwined with technologies that afford the public a realistic, virtual, and/or hybrid visual encounter with the territory (Pestek, Sarvan, 2021). The most comprehensive communicative experiences with territories are facilitated by virtual reality (VR) technology, contingent on the level of user acceptance of the technology (Stienmetz et al., 2022).

Technologically, virtual reality is defined as a three-dimensional (3D) interactive computer-generated environment that incorporates a first-person perspective. It involves partial or complete, or hybrid (4D) immersion in the virtual/hybrid environment, whether distant or on-site, along with physical tactile sensory stimulation and other hybrid effects, providing a specific sense of “telepresence” (Steuer, 1992).

In a 3D project, users experience the illusion of being in a wholly different environment due to this omnidirectional encounter. In the realm of territory marketing, 360-degree virtual reality videos (360° VR videos) are gaining popularity. These videos offer advantages such as more intricate information, a higher level of interactivity, and a greater sense of immersion, presence, and embodiment, surpassing even classical 2D-based videos. The 360° VR videos expand the field of view and enhance the user's freedom to direct their attention (Choi, Nam, 2022).

Since the initial forays into virtual tourist tours in the mid-1990s, virtual reality technology has captured the attention of target audiences, providing a unique tourism experience and introducing specific dimensions of the real world to forge new models of reality cognition (Flavián et al., 2019). The surge in virtual tours during the COVID-19 pandemic underscores the worldwide public's interest in this type of experience.

In Russia, a recent online survey spanning 45 regions reveals that nearly half of respondents believe virtual reality can enhance the process of selecting a destination, making it more engaging. But demand for VR in tourist sphere in Russia is just beginning to emerge (Kartasheva et al., 2022).

In the New Normal, characterized by reduced and restructured tourist flows, virtual reality, as a significant technological shift, both digital/distant and hybrid/phygital, has the potential to introduce new challenges in the practical and research domains of territory promotion.

Research problem and methodology

In this research, we focus on the evolving landscape of territory promotion and its methodologies, both empirically and in terms of academic research, within the context of the New Normal. Our investigation centers on VR projects in Switzerland and Russia, two countries representing contrasting situations in the current tourist and promotion of territory landscape of 2023. To gain deeper insights, we address the following research questions:

RQ1a: What are the latest approaches in scientific research on the practical application of virtual reality (VR) in territory promotion in the New Reality?

RQ1b: Do these approaches emphasize values?

RQ2a: Does the integration of virtual reality in the practice and research of territory promotion differ between Switzerland and Russia in the New Reality?

RQ2b: If there are differences, what distinguishes the empirical and theoretical approaches?

We compare the findings of our prior research on the incorporation of immersive VR technology in territory promotion in Switzerland (2023) with analogous research conducted in Russia (2023). By examining both theoretical and empirical data, including data analysis and semi-structured interviews with VR project managers in Switzerland ($n = 12$) and owners/managers in Russia ($n = 5$), we identify key factors and approaches that motivated these entities to provide virtual experiences to their audiences during the New Normal.

Results and discussion

Conceptual framework. Despite the extensive exploration of virtual reality in various domains, such as education and professional training, spanning over twenty-five years, its application in territory promotion is relatively new. As of the 2020s, scientific research on VR technologies in promotion of territory is still in its early stages.

An analysis of international scientific discourses from 2015 to 2023 ($n = 74$) reveals a growing interest in exploring the affective potential of VR in territory promotion. While these tools are considered potentially effective, debates persist about their effects on target audiences. In the English-language discourse, VR efficiency is often measured by its real economic impact, whereas French-speaking researchers emphasize cause-and-effect relationships and conceptual value.

At the initial stage, the researchers investigated VR as a technological mode of travel that provides a person with a virtual experience in a 3D environment created using computer technology.

Researchers describe immersive, realistic and authentic sensory involvement in tourism, without physically moving (Lee, Kim, 2021). New experiences using in situ VR have also increased in the field of territorial promotion (Kim, Lee, Jung, 2020; Kim, Lee, Preis, 2020). The technology-centred approach is still

the main one. The research of VR technology experience of the public communication with a territory in virtual reality is possible to define as a quantitative one.

The emergence of VR technology has led to new research questions and a qualitative shift in scientific dialogue. It is mentioned that VR has great potential in various sub-sectors of place promotion: notably in the cultural heritage or sustainable development (Wirth, Shilina, 2023). The latest researches suggest that VR technology offers specific dimensions of the real world to create new models of reality cognition and positively influence audiences (Lee, Kim, 2021; Volkova, 2019). In the New Normal, researchers posit that VR technologies can impact the sustainable development of territories by promoting socially responsible destinations and practices (Zhu et al., 2023).

However, over the last decade, global research discourse on territory promotion has evolved from viewing VR as a technological mode of travel to recognizing its potential in cultural heritage, sustainable development, and influencing socially responsible consumption (Flavián et al., 2019; Wirth, Shilina, 2023). In Switzerland, the pioneering researchers in this field were made by the researchers of University of Applied Sciences and Arts Western Switzerland.

In the Russian research discourse, there is a notable lack of significant studies, during the New Normal crisis in particular, both theoretically and empirically, owing to the nascent implementation of VR technology. Theoretical and methodological approaches with a value-centered focus are just beginning to develop (Gorlova et al., 2020). In 2022, global economic, political, and cultural shifts prompted the need for operational changes in the promotion of Russian territories, as outlined in state documents like the “Strategy for Spatial Development of the Russian Federation until 2030”, and the Roadmap for the development of virtual and augmented reality technologies by Ministry of economic Development of RF (2019), and other initiatives for the digitalization of territories.

The literature review indicates a growing value-centered qualitative approach in English- and French-language scientific discourse on VR-driven territory promotion, highlighting its novelty for Russia. This approach is connected with cultural heritage and sustainable consumption, but conceptual frameworks in this scientific field relevant to modern marketing person- and value-centered paradigms are still in their early stages.

Empirical research results. Factors such as presence, immersion, and sensory stimulation motivate users to engage with VR projects and subsequently visit a particular area. Semi-structured interviews with VR project managers and owners ($n = 5$ in Switzerland, $n = 5$ in Russia) revealed parameters for integrating VR technology into communication strategies of territory.

All the respondents in Switzerland and Russia emphasized “quantitative” factors that go beyond the increase in tourist flows, such as access to inaccessible places to make historical or cultural content accessible to the public. VR serves as a means to access sites temporarily unavailable due to restoration or restrictions. For instance, in Switzerland, the Red Bull The Edge – Matterhorn VR project offers an eco-friendly solution for experiencing mountain travel when real alpine experiences pose safety and environmental challenges. VR is used to raise awareness of climate change, as seen in exhibitions focusing on glacial retreat. VR-visitors are encouraged to understand and imagine the future of the environment by taking

global warming into account, especially concerning glaciers (Diavoles in canton of Graubünden, and Naters in canton of Valais). Nanters presents Jungfrau, the largest Alpine glacier, a UNESCO world heritage site, and offers an exhibition with interactive multisensory terminals, touch screens and virtual experiences, like a virtual journey around the great glacier to feel the effects of global warming in the Alps across generations. In both cases, the objective of promoting local heritage is coupled with the objective of educating and raising visitors' awareness of climate change through glacial retreat. The results of the interviews in Switzerland show that the economic reasons in contradiction to development of value-centred behavior are primary motivation of the companies interviewed.

In Russia, VR projects are still rare and predominantly focus on historical heritage. Examples include the “Discover Moscow” project, recognized internationally (the winner of the international WSIS Prizes 2022). This full-fledged interactive city guide (including a portal and an application) helps to explore the city and its history, including more than 3.6 thousand objects in total in different formats, and 3D excursions and the application, appeared in 2023. “Moscow that never existed” presents a VR-travel through the grandiose projects of Soviet architects of the avant-garde period of the 1920s, the Stalin era and the post-war period, which were not implemented due to economic and political reasons. In Kazan, the VR-project “Perekhod” presents three locations of the city, as an entire journey into the past with comparison with modern city to see how it has changed. In Kaliningrad, at the Museum of the World Ocean, visitors can take a virtual dive into the depths of the world’s oceans, where the crew of the famous bathyscaphe “Mir-1” visited. There are VR tourist destinations to Altai or Crimea. Some travel agencies use VR glasses to get audiences an idea of different tourist regions and choose a paradise for upcoming vacation like the tour operator TUI.

The analysis of the expert interviews shows the traditional quantitative approaches to the VR-projects. The Russian VR market follows the general trend and the country has enough applications and solutions in this segment – both presentational and educational. VR can be compared to the next stage in the evolution of travel viewing, but as a type of leisure does not replace real tourism. VR travel catalogues will be developed, giving the opportunity to see a “demo version” of the upcoming trip. The main idea of the VR product is the creation of digital cultural heritage and its popularization using modern technologies. VR is viewed as the next stage in the evolution of travel viewing, not experiencing, and serves as a marketing tool to attract travelers. According to E. Kartasheva, V. Raik, D. Tsarev (2022), the capabilities of VR are still little known to the general public and underestimated by potential consumers of the product.

Conclusion

Our research is limited by the tiny number of projects to study, but it is possible to emphasize a few key results. Presently, VR projects are among the rather new and effective tools of the promotion of territory, both in Switzerland and Russia, although two countries represent contrasting situations in the current crisis tourist landscape of 2023. The practice and research of territory promotion differ between Switzerland and Russia.

The literature review indicates technology-centred, “quantitative”, than value-based, “qualitative” approach. But a value-centered qualitative approach in English- and French-language scientific discourse on VR-driven territory promotion is growing, highlighting its novelty for Russia. This approach is connected with cultural heritage and sustainable consumption. Conceptual frameworks relevant to modern person- and value-centered paradigms are still in their early stages. In other words, the theoretical approaches have to be revised and new frameworks be built.

In Switzerland, the VR projects are more complex and are used as a part of territory and corporate promotion, although the primary motivation for VR projects is not the development of value-centered behavior, but economic reasons. More and more projects are built for an active VR-tourism. In Russia, VR is viewed as the next stage in the evolution of travel viewing and recreation, and it serves as an advertising tool to attract travelers to territory attractions. Traditionally, the ideas of VR-tours are connected with the historical and cultural heritage.

What are the prospects? The study respondents express their intention to continue using VR tourism to satisfy their desire to travel. According to Swiss and Russian experts, economic considerations have not prioritized replacing virtual visits with on-site visits. It should not be forgotten that the income generated by in situ travel exceeds that generated by ex situ travel.

The best Swiss projects demonstrate the feasibility of combining on-site visits, VR, and sustainability awareness. VR-project in this case is the instrument of saving today’s territory images and brands, and involve audience in active sustainable consumption.

References

- Choi, H., & Nam, S. (2022). A study on attention attracting elements of 360-degree videos based on VR eye-tracking system. *Multimodal Technologies and Interaction*, 6(7), 54. <https://doi.org/10.3390/mti6070054>
- Flavián, C., Ibáñez-Sánchez, S., & Orús, C. (2019). Integrating virtual reality devices into the body: Effects of technological embodiment on customer engagement and behavioral intentions toward the destination. *Journal of Travel & Tourism Marketing*, 36(7), 847–863. <https://doi.org/10.1080/10548408.2019.1618781>
- Gorlova, I.I., Kovalenko, T.V., Bychkova, O.I., Naumenko, V.E., Kostina, N.A., & Gutsalov, A.A. (2020). *Ethnocultural branding of the territory in the context of the regional development strategy: Scientific and methodological approaches and practices*. Moscow: Russian Heritage Institute. (In Russ.) <https://doi.org/10.34685/HI.2019.36.91.012>
Горлова И.И., Коваленко Т.В., Бычкова О.И., Науменко В.Е., Костина Н.А., Гуцалов А.А. Этнокультурное брендинг территории в контексте стратегии регионального развития: научно-методические подходы и практики: монография. М.: Институт наследия, 2020. 114 с. <https://doi.org/10.34685/HI.2019.36.91.012>
- Han, H. (2021). Consumer behavior and environmental sustainability in tourism and hospitality: A review of theories, concepts, and latest research. *Journal of Sustainable Tourism*, 29(7), 1021–1042. <https://doi.org/10.1080/09669582.2021.1903019>
- Kartasheva, E., Raik, V., & Tsarev, D. (2020). Virtual reality in the hospitality and tourism industry in Russia: A consumer's view. A study of students of the Higher School of Economics. (In Russ.) Retrieved May 12, 2023, from <https://welcometimes.ru/opinions/virtualnaya-realnost-v-industrii-gostepriimstva-i-turizme-rossii-vzglyad-potrebitelya>
Карташева Е., Райк В., Царёв Д. Виртуальная реальность в индустрии гостеприимства и туризме России: взгляд потребителя. Исследование студентов Высшей школы

- экономики. 2020. URL: <https://welcometimes.ru/opinions/virtualnaya-realnost-v-industrii-gostepriimstva-i-turizme-rossii-vzglyad-potrebitelya> (дата обращения: 12.05.2023).
- Kim, M.J., Lee, C., & Preis, M.W. (2020). The impact of innovation and gratification on authentic experience, subjective well-being, and behavioral intention in tourism virtual reality: The moderating role of technology readiness. *Telematics and Informatics*, 49, 101349. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2020.101349>
- Kim, M.J., Lee, C., & Jung, T.H. (2020). Exploring consumer behavior in virtual reality tourism using an extended stimulus-organism-response model. *Journal of Travel Research*, 59(1), 69–89. <https://doi.org/10.1177/0047287518818915>
- Lee, W.-J., & Kim, Y.H. (2021). Does VR tourism enhance users' experience? *Sustainability*, 13, 806. <https://doi.org/10.3390/su13020806>
- Pestek, A., & Sarvan, M. (2020). Virtual reality and modern tourism. *Journal of Tourism Futures*, 7(2). <https://doi.org/10.1108/JTF-01-2020-0004>
- Steuer, J. (1992). Defining virtual reality: Dimensions determining telepresence. *Journal of Communication*, 42, 73–93.
- Stienmetz, J.L., Ferrer-Rosell, B., & Massimo, D. (Eds.) (2022). Information and communication technologies in tourism 2022. *Proceedings of the ENTER 2022 eTourism Conference, January 11–14, 2022*. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-94751-4>
- Verma, S., Warriar, L., Bolia, B., & Mehta, S. (2022). Past, present, and future of virtual tourism – a literature review. *International Journal of Information Management Data Insights*, 2(2), 100085. <https://doi.org/10.1016/j.ijime.2022.100085>
- Volkova, I.I. (2019). Virtual reality and game communications: Experiences of museums and the game industry. In N.A. Fedotova (Ed.), *Multimedia Journalism: Media Communications and the Media Industry* (pp. 122–125). Minsk: BSU Publ.
- Wirth, J., & Shilina, M. (2023). La réalité virtuelle en tant qu'outil de marketing durable du territoire: Analyse du contexte suisse. *39ème Congrès international de l'Association Française du Marketing (AFM), Association Française du Marketing (AFM), May 2023, Vannes, France*. Vannes.
- Zhu, C., Wu, D.C.W., Hall, C.M., Fong, L.H.N., Koupaei, S.N., & Lin, F. (2023). Exploring non-immersive virtual reality experiences in tourism: Empirical evidence from a world heritage site. *International Journal of Tourism Research*, 25(3), 372–383. <https://doi.org/10.1002/jtr.2574>

Bio notes:

Julia Wirth, Associated Professor, Higher School of Management, HES-SO University of Applied Sciences and Arts of Western Switzerland, 21 Espace de l'Europe, Neuchâtel, 2000, Swiss Confederation. ORCID: 0000-0002-1006-9349. E-mail: Julia.wirth@he-arc.ch

Marina G. Shilina, Dr. Sc., Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Design, Plekhsnov Russian University of Economics, 36 Stremyannyi Pereulok, Moscow, 117997, Russian Federation; Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9608-352X. E-mail: marina.shilina@gmail.com

Maria Sokhn, Professor, Higher School of Management, HES-SO University of Applied Sciences and Arts of Western Switzerland, 21 Espace de l'Europe, Neuchâtel, 2000, Swiss Confederation. ORCID: 0000-0001-7586-0564. E-mail: Maria.sokhn@he-arc.ch

Leonid P. Preobrazhenskiy, PhD student, Department of Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-1743-5691. E-mail: plvermar@gmail.com

Сведения об авторах:

Вирт Юлия, доцент, Высшая школы менеджмента, Университет прикладных наук и искусств Западной Швейцарии, Швейцарская Конфедерация, 2000, Невшатель, пл. Европы, д. 21. ORCID: 0000-0002-1006-9349. E-mail: Julia.wirth@he-arc.ch

Шилина Марина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36; профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-9608-352X. E-mail: Marina.shilina@gmail.com

Сокн Мария, профессор, Высшая школы менеджмента, Университет прикладных наук и искусств Западной Швейцарии, Швейцарская Конфедерация, 2000, Невшатель, пл. Европы, д. 21. ORCID: 0000-0001-7586-0564. E-mail: Maria.sokhn@he-arc.ch

Преображенский Леонид Петрович, аспирант, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0007-1743-5691. E-mail: plvermar@gmail.com

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ VS. КРИЗИС

MEDIA EDUCATION VS. CRISIS

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-818-829

EDN: ATKPOT

UDC 070:37.01

Research article / Научная статья

Building media literacy in Indonesia with the support of international organizations

Cut Fitri Indah Sari Hoesin , Natalia V. Poplavskaya

RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

 Indahoessin@gmail.com

Abstract. With the development of social media and the ease of information dissemination, fake news is becoming a serious problem. The role of media literacy as an antidote to misinformation has been widely studied around the world. In this regard, international organizations such as UNESCO and ASEAN, are helping Asian countries to fight fake news by creating conditions for improving media literacy. The work of these organizations in Indonesia is studied. The qualitative methods of analysis were used. By comparing the two approaches, recommendations were made for other Asian countries to optimize their media literacy efforts. The results showed that UNESCO and ASEAN are working effectively with the target groups in Indonesia. UNESCO has been active in promoting critical thinking among the public and working with local media companies, while ASEAN has focused on regional cooperation and developing comprehensive educational programs. Overall, a systematic and multifaceted approach is needed to raise the level of media literacy in the Asian region, which includes new educational programs, strengthening of legal regulation in the field of false information dissemination, cooperation between the government, media companies and the public, development of critical thinking among the population and increased activity of international organizations.

Keywords: digital literacy, UNESCO, ASEAN, misinformation, educational programs, Asian countries

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 2, 2023; revised June 30, 2023; accepted September 12, 2023.

For citation: Hoesin, C.F.I.S., & Poplavskaya, N.V. (2023). Building media literacy in Indonesia with the support of international organizations. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 818–829. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-818-829>

Повышение медиаграмотности в Индонезии при поддержке международных организаций

Ч.Ф.И.С. Хусин , Н.В. Поплавская

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*
 Indahoesin@gmail.com

Аннотация. С развитием социальных медиа и легкостью распространения информации фейковые новости становятся серьезной проблемой. В мире широко изучается роль медиаграмотности как антидота дезинформации. В связи с этим международные организации, такие как ЮНЕСКО и АСЕАН, помогают азиатским странам бороться с фейками, создавая условия для повышения уровня медиаграмотности. Исследование посвящено изучению работ этих организаций в Индонезии. Применялись качественные методы анализа. Сравнение двух подходов позволило сформулировать рекомендации по оптимизации работы в сфере повышения медиаграмотности для других азиатских стран. Полученные результаты показали, что ЮНЕСКО и АСЕАН эффективно взаимодействуют с целевыми группами в Индонезии. ЮНЕСКО ведет активную работу по повышению уровня критического мышления у населения и взаимодействию с местными медиакомпаниями, АСЕАН фокусируется на региональном сотрудничестве и разработке комплексных образовательных программ. В целом для повышения уровня медиаграмотности населения в азиатском регионе необходим системный и многосторонний подход, который включает новые образовательные программы, усиление правового регулирования в области распространения ложной информации, взаимодействия в этом направлении государства, медиакомпаний и общественности, развитие критического мышления у населения и повышение активности международных организаций.

Ключевые слова: цифровая грамотность, ЮНЕСКО, АСЕАН, образовательные программы, азиатские страны, дезинформация

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 2 июня 2023 г.; отрецензирована 30 июня 2023 г.; принята к публикации 12 сентября 2023 г.

Для цитирования: Hoesin C.F.I.S., Poplavskaya N.V. Building media literacy in Indonesia with the support of international organizations // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 818–829. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-818-829>

Introduction

Media literacy is “the knowledge, competencies and life skills needed to participate in contemporary society through accessing, analysing, evaluating and creating media messages in a wide variety of forms” (Hobbs, 2010). In today's world and in this digital age, where information is readily available through various sources, individuals need to be media literate to distinguish between credible and non-credible sources and identify fake news and disinformation.

According to research conducted by Forsman (2020), media literacy is believed to be strong as an antidote to the dangers of media concerning the younger generation. Through education, media literacy helps individuals recognize and

evaluate the credibility of information and its sources (Lessenski, 2022). Learning to assess news stories critically allows people to differentiate between genuine and fabricated news. For example, a media-literate individual would check the source of a news article, examine the author's credentials, and look for corroborating evidence from other sources.

The importance of media literacy in suppressing the spread of fake news and disinformation has become a concern in several countries (Knuutila et al., 2022), including Indonesia. Several countries have successfully implemented a media literacy framework and reduced the amount of disinformation, but several countries still need help increasing their media literacy level. However, a matter of media literacy to combat fake news and disinformation concerns countries and attracts international organizations. The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organizations (UNESCO) is one example, which has worked with several Asian countries to promote media literacy and combat disinformation. In addition, The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), a regional organization committed to promoting economic and social development in Southeast Asia, has also been active in promoting media literacy and combating disinformation in the region.

This study examines the programs and frameworks these two international organizations carried out to strengthen media literacy in Asian countries, with the study case of Indonesia. It is important to conduct research on this matter for several reasons. The first reason is the lack of media literacy in Indonesia, the country has a large population, and its media landscape is diverse and complex. However, studies have shown a significant lack of media literacy among the general population, which can lead to the spread of misinformation and fake news. This research will help identify the reasons for this lack of media literacy. The second reason is related to the role of international organizations in promoting media literacy in various countries worldwide. However, their role and impact in promoting media literacy in Indonesia are not well understood. This research can help identify the specific actions taken by international organizations in Indonesia and their effectiveness.

Overall, conducting research on the important role of international organizations in promoting media literacy in Indonesia can help improve our understanding of the current situation, identify specific challenges, and explore effective solutions to promote media literacy in the country and also expected to be a reference for other Asian countries to improve their efforts in fighting fake news and disinformation with media literacy.

Research method

Per the purpose of our research, this study will use qualitative and comparison methods. The qualitative method is carried out on an object of a research: a program and framework by international organizations (in this study, UNESCO and ASEAN) in promoting media literacy in Indonesia. This study examines two different frameworks from two international organizations.

The data sources we take from these methods come from programs and frameworks published by international organizations. This paper will analyze six aspects we will use as a comparison tool for the two programs of UNESCO and ASEAN. The six aspects are represented in the Table 1.

Six aspects as tool of comparison

Aspects	Description
Funding	The programs' funding sources may vary and could potentially originate from the association itself, non-governmental organizations, or various countries
Target audiences	The target audience for the program may include a diverse range of groups such as teachers, students, journalists, and the elderly
Types of activities	The program may encompass various types of activities, including but not limited to educational initiatives, legislative endeavours, structural or scientific events, and research programs
Specific actions	The outcome and realization of the programs
Cooperation with locals	In what manner does the program establish a connection with the local population, which may involve collaborative efforts with media corporations, administrative authorities, and other related entities
Media used	What forms of media are employed to promote or disseminate the program, which may encompass various platforms such as websites, social media pages, and journals

From this data collection, we will thoroughly compare each media literacy program and framework from each international organization and hopefully produce the best recommendations for other Asian countries to improve their media literacy levels.

Results

This chapter we divided into three parts; the first part discusses the media literacy framework and programs from UNESCO to promote media literacy in Indonesia. The second part concerns the media literacy framework and program initiatives by ASEAN. In the last part, we will compare each media literacy framework and provide recommendations.

UNESCO media literacy framework

UNESCO has developed a comprehensive media literacy framework to help people in Asian countries navigate the complex media landscape. UNESCO has provided technical assistance and support to governments and civil society organizations in countries such as Indonesia, Thailand, Japan, Laos, Myanmar, and other Asian countries to improve media literacy and counter disinformation¹.

UNESCO usually finances programs to promote media literacy in the Region through UNESCO's International Program for the Development of Communication (IPDC). In several programs, UNESCO and other countries jointly fund several media literacy programs, one of which is a safety training workshop organized by the Indonesian Alliance of Independent Journalists (AJI). The program, part of the 2017 World Press Freedom Day series held in Indonesia, is sponsored by UNESCO and Norway². In the same program, UNESCO and a US-based non-

¹ Kajimoto, M., Kularb, P., Guntarto, B., Salleh, S.M., Tuazon, R.R., Torres, T.P.S., & Falcone, G.M.C. (2020). *Media and information literacy education in Asia: Exploration of policies and practices in Japan, Thailand, Indonesia, Malaysia, and the Philippines*. UNESCO. Retrieved March 1, 2023, from <https://gcedclearinghouse.org/sites/default/files/resources/200725eng.pdf>

² *World Press Freedom Day 2017 highlights the protection of journalists*. (2017, March 17). UNESCO. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.unesco.org/en/articles/world-press-freedom-day-2017-highlights-protection-journalists>

governmental organization (NGO), IREX, financed a safety workshop focusing on the organization's concept of integrated safety that combines physical, digital, and psychosocial safety.

UNESCO's program promotes media literacy through formal and non-formal education (Grizzle et al., 2013). One of UNESCO's essential media literacy programs is its Media and Information Literacy (MIL) program. Their program provides resources and training to educators and journalists in Indonesia to help them integrate media literacy into their curricula and activities. It means that UNESCO mainly promotes MIL through education through teacher training (UNESCO Policies and Practices in Asia, 2020). But apart from teachers, through several other programs, UNESCO also initiated training for journalists, although more than the training program for teachers.

The realization of the UNESCO program to promote media literacy in Indonesia can be seen in several programs below:

1. The media and Information Literacy (MIL) Education Program in Asia is a regional initiative to provide training and capacity-building programs for educators and journalists to help them develop the skills and knowledge necessary to promote media literacy. Within this program, UNESCO is working to promote media literacy by integrating media literacy into formal education systems and providing training and capacity-building programs for educators. One example is MIL Curriculum Guide, UNESCO has developed a curriculum guide aimed at educators and teachers (Wilson et al., 2011). The guide provides a comprehensive overview of the critical concepts in promoting media literacy and provides practical resources and activities for educators to use in the classroom. In line with this project, UNESCO also has MIL for Teachers project that includes training for teachers to help them develop the skills and knowledge necessary to promote media literacy in the classroom. UNESCO also published its handbook *Journalism, 'Fake News,' and Disinformation* in 2018 as educational resources to increase media and information literacy. This handbook has also been translated into many languages in Asia, including Indonesian.

2. Asia-Pacific Regional Forum for World Press Freedom Day, is an annual event that brings together media literacy experts, educators, journalists, government officials, and NGOs from the Asia-Pacific region to discuss and share best practices on media literacy. The forum provides a platform to exchange ideas and collaborate on initiatives to promote media literacy in the region. In 2017, for the first time since this forum started in 2003, the event was held in Southeast Asia, in Indonesia. During this forum, AJI and UNESCO provide a safety training workshop for journalists in Indonesia.

3. MIL Policy Recommendations, UNESCO has developed policy recommendations aimed at governments and policymakers in the Asia-Pacific region. The recommendations guide how to promote media literacy in the region, including recommendations on government policies, educational programs, and stakeholder engagement. The latest offers were published in 2020 as an exploration of policies and practices of MIL Education in Asia.

In Indonesia's case, UNESCO works with local groups such as AJI to organize training for journalists and collaborate closely with the ministry of education to

integrate the MIL curriculum into formal education, even though till this paper was written, the MIL curriculum still not integrated into the formal education system in Indonesia. UNESCO also promotes media literacy through its collaboration with universities in Indonesia, one of them is UIN Sunan Kalijaga, in 2019, held International Talks, Visiting International Librarians as one of the programs from UNESCO MIL Alliance³.

Because UNESCO focuses on promoting media literacy through education, most of its programs are distributed in the form of digital or printed handbooks. All publications are also available for free on the UNESCO website. However, there is not much UNESCO engagement through social media.

ASEAN media literacy framework

The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) has recognized the importance of media literacy in the digital age and has taken several steps to promote it in the region⁴. In the first step in 2018, ASEAN member countries, including Indonesia, adopted the Framework and Joint Statement to Minimize the Harmful Effects of Fake News and launched its ASEAN Digital Literacy⁵. This framework includes key articles to improve digital literacy, strengthen national capacity to detect and respond to fake news, encourage stakeholders to build on the existing industry anti-fake news guideline, and also share best practices and experience (Smith et al., 2021).

ASEAN and its member countries jointly fund media literacy promotion programs in the region. For some programs, ASEAN also cooperates with other countries in the region that are not member countries, such as Japan, together supporting a Working Group in Information Media and Training⁶. Cooperation with NGOs and philanthropic institutions Google.org, ASEAN also organizes several programs to support media literacy, such as the ASEAN Digital Literacy Forum in 2021. From this Forum, Google.org will support the ASEAN Digital Literacy Programme (ADLP) from 2022 to 2024. The latest initiation support from Google.org is the new Youth Advisory Group (AYAG) Regional Workshop held in February 2023 in Jakarta, Indonesia.

The Target of ASEAN-initiated group programs in Indonesia is not only to focus on educators but also on young groups, elderly groups, and government officials⁷. The ASEAN program focuses on improving media literacy through non-

³ UNESCO MIL Alliance: *Media and information literacy skills. International talks. Visiting international librarians#1*. (2021, January 29). Perpustakaan UIN Sunan Kalijaga. Retrieved March 1, 2023, from <https://lib.uin-suka.ac.id/2021/01/29/unesco-mil-alliance-media-and-information-literacy-skills-international-talks-visiting-international-librarians1/>

⁴ Davis, S. (2021). *Media literacy training for Southeast Asian communities*. Retrieved March 27, 2023, from <https://blog.google/around-the-globe/google-asia/media-literacy-southeast-asia/>

⁵ ASEAN Digital Literacy Programme. (2022, February 11). ASEAN Foundation. Retrieved March 1, 2023, from https://www.aseanfoundation.org/asean_digital_literacy_programme/

⁶ Andarningtyas, N. (2021, March 11). Indonesia berpartisipasi dalam literasi digital di ASEAN. *Antara*. Retrieved July 29, 2023, from <https://www.antaraneews.com/berita/2037582/indonesia-berpartisipasi-dalam-literasi-digital-di-asean/>

⁷ Ramadhan, A. (2022, February 7). Perkuat Literasi Digital Lansia, MAFINDO meluncurkan Program Tular Nalar. *Tribun Jogja*. Retrieved March 1, 2023, from <https://jogja.tribunnews.com/2022/02/07/perkuat-literasi-digital-lansia-mafindo-luncurkan-program-tular-nalar/>

formal education, mainly digital media literacy, and the responsible use of digital technology through online and offline workshops, training, and webinars.

Here are some examples of ASEAN's programs to promote media literacy in Indonesia:

1. One of ASEAN's essential media literacy programs is Digital Literacy Programme (ADLP). This initiative promotes digital literacy and ensures that all citizens in the region have the necessary skills to participate effectively in the digital economy and protect themselves from cyber crimes. First initiated in 2021, the program is targeted to last until 2024. This Program will carry out various activities such as in-depth research, curriculum development, and Training-of-trainers. Under this program, ASEAN cooperates with universities in Indonesia, such as the Department of Psychology Universitas Brawijaya, which held an online forum called "Smart Using Social Media for Teenagers and Students" in November 2022⁸. Another realization is that, together with Ruang Guru, the largest education technology company in Southeast Asia, launched a digital skills training program to combat misinformation and disinformation in the region and Indonesia. The Program also partners with 32 provincial and 326 city and district governments in Indonesia⁹. Another realization under this program, in cooperation with *Masyarakat Antifitnah Indonesia* (MAFINDO), is initiating *Tular Nalar*. The program targets the elderly group (55 years and over) and involves young people as mentors. *Tular nalar* is an education in the form of modules and guides in improving digital literacy and reaching 25 cities in Indonesia¹⁰.

2. ASEAN Youth Advisory Group¹¹: This workshop aims at young people in ASEAN countries and provides them with the skills and knowledge necessary to evaluate and analyze media content and messages critically. This workshop will train 19 young ASEAN members from 10 ASEAN countries as agents of change¹². They will contribute to raising awareness of digital literacy's importance to their peers and communities. In training, they will be equipped with the necessary knowledge and skills to run awareness-raising campaigns on the importance of media literacy.

Overall, ASEAN's program to promote media literacy in Indonesia focuses on non-formal education and training. ASEAN works with local partners in Indonesia, such as MAFINDO, Ruang Guru, and universities, to promote media litera-

⁸ *Program Literasi Digital ASEAN*. (2022, November 24). Universitas Brawijaya. Retrieved July 29, 2023, from <https://psikologi.ub.ac.id/blog/2022/11/24/program-literasi-digital-asean-cerdas-menggunakan-media-sosial/>

⁹ Nugroho, I. (2022, October 17). ASEAN Foundation dan Ruangguru Gelar ASEAN Digital Literacy Programme. *Madaninews*. Retrieved March 1, 2023, from <https://www.madaninews.id/18497/asean-foundation-dan-ruangguru-gelar-asean-digital-literacy-programme.html>

¹⁰ Ramadhan, A. (2022, February 7). Perkuat Literasi Digital Lansia, MAFINDO luncurkan Program Tular Nalar. *Tribun Jogja*. Retrieved March 1, 2023, from <https://jogja.tribunnews.com/2022/02/07/perkuat-literasi-digital-lansia-mafindo-luncurkan-program-tular-nalar/>

¹¹ *New ASEAN initiative emphasizes education as the key to media literacy and countering disinformation*. (2022, January 24). Association of Southeast Asian Nations. Retrieved July 29, 2023, from <https://asean.org/new-asean-initiative-emphasizes-education-as-key-to-media-literacy-and-countering-disinformation/>

¹² *ASEAN youth advisory group of ASEAN digital literacy programme*. (n.d.). ASEAN Foundation. Retrieved July 29, 2023, from https://www.aseanfoundation.org/asean_youth_advisory_group_of_asean_digital_literacy_programme

cy with funding and support for media literacy initiatives and projects and to develop and implement media literacy programs and activities.

The ASEAN Program in promoting media literacy in Indonesia can also be accessed through ASEAN Foundation social media such as YouTube, Facebook¹³, and Twitter. This makes information related to their programs easily accessible through online news broadcasts, which makes the level of engagement of each program with community groups reasonably high.

Discussion

Based on the media literacy program promoted by these two international organizations above, similarities between UNESCO and ASEAN can be drawn. Both organizations adhere to a similar Media and Information Literacy (MIL) framework that emphasizes multiple competencies.

Regarding funding, there is no fundamental difference between UNESCO and ASEAN programs. Both rely on funding from member countries, NGOs, or other international groups with the same vision of promoting media literacy. ASEAN receives grants from Google.org, UNESCO is working with NGOs in global development and education, and IREX to initiate media literacy programs in Indonesia.

For the target audience, the ASEAN program in Indonesia includes more educators, students, youth, and the elderly group. This could have something to do with the type of activity supported by ASEAN is learning through non-formal education, so that the target audience is from different age groups and professions. While UNESCO focuses its programs on formal education, it can be seen from its programs that provide curriculum recommendations to be integrated into the Indonesian education system. Therefore, the goal of their program is more for teachers and the Ministry of education in charge of adopting the MIL education that UNESCO offers. However, ASEAN and UNESCO both see the importance of journalist groups in the fight against disinformation, so both include this group as a target audience and sponsor several training activities for journalists.

Based on the target audience of both groups, it can be seen that both focus on educational activities, be they formal or non-formal. In addition, UNESCO and ASEAN also sponsor activities that are capacity building and research programs, such as training journalists, teachers, and even young groups. Especially ASEAN through the AYAG program that trains young people to be agents of change in promoting media literacy in the region and Indonesia. ASEAN also established an online platform for all age groups to be more involved in promoting media literacy¹⁴.

Both organizations are involved with various local groups in Indonesia in cooperation with local partners, media groups such as AJI and MAFINDO, and several universities. But what should be underlined is that UNESCO's program approach is more to the government than the individual. Judging by their programs, they all involve the state's involvement as an organizer. Meanwhile, the approach of ASEAN programs directly touches local groups and individuals so that government is not too

¹³ Facebook is recognized as an extremist organization and banned in the territory of the Russian Federation.

¹⁴ ASEAN *Digital Literacy Programme*. (2022, February 11). ASEAN Foundation. Retrieved March 1, 2023, from https://www.aseanfoundation.org/asean_digital_literacy_programme/

involved. This is a plus point for ASEAN because if you only rely on the government as decision-makers, the program will experience delays due to bureaucracy and other reasons. Although in some programs such as Ruang Guru and TUTOR NALAR, ASEAN also cooperates with local governments in Indonesia; there are intermediaries in the program, namely Ruang Guru and MAFINDO, who are the implementers and catalysts for its success. The success of the ASEAN program can also be seen after one year of implementation in collaboration with 14 local implementing partners, 89 Training of trainers involving around 1,000 master trainers in ASEAN have been successfully held¹⁵. As of early January 2023, there are more than 68,000 people who have learned from 134 online and offline digital literacy workshops. This number includes 283 master trainers and 16,240 participants from Indonesia¹⁶.

The last aspect is the media both use in promoting media literacy programs in Indonesia. UNESCO needs to be more engaged with social media in spreading its program but focusing on printed handbooks translated into many languages, including Indonesian. All information related to their programs can also be found and downloaded on the UNESCO website. Like UNESCO, ASEAN provides free access to all information on its literacy programs on its websites. But ASEAN is more active in attracting readers and all groups interested in their programs by being active on social media such as Facebook¹⁷, Twitter, and YouTube. More precise comparison is represented in the Table 2.

Table 2

Comparison of UNESCO and ASEAN media literacy framework

Aspects	UNESCO	ASEAN
Funding		
International organization	√	√
NGO	√	√
Countries	√	√
Target audience		
Educators	√	√
Students	√	√
Journalists	√	√
Other groups (elderly)	–	√
Types of activities		
Educational program	√	√
Legislative program	–	–
Structural or scientific research program	√	√
Cooperation with local partners		
Media corporation	√	√
Universities	√	√
Administrative authorities	√	√
Local groups	√	√
Media used		
Social media	–	√
Journals	√	√
Web sites	√	√
Printed book	√	–

¹⁵ Liliyah, A. (2023). ASEAN Foundation Gelar Pelatihan Literasi Digital. *SWA Online*. Retrieved March 1, 2023, from <https://swa.co.id/swa/trends/asean-foundation-gelar-pelatihan-literasi-digital/>

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Facebook is recognized as an extremist organization and banned in the territory of the Russian Federation.

It is difficult to determine which organization is better for promoting media literacy programs in Indonesia, as each organization has its own strengths and areas of expertise. ASEAN and UNESCO have different approaches to promoting media literacy in Asia. The effectiveness of each organization's programs will depend on the specific needs and cultural context of the countries they are working in.

UNESCO has a global reach and a long history of promoting media literacy worldwide. UNESCO's media literacy initiatives in Indonesia are designed to be flexible and adaptable to the needs of different countries and regions. The organization provides a comprehensive approach to promoting media literacy. UNESCO's programs may mainly promote media literacy in countries lacking resources and infrastructure for media literacy education. UNESCO also strongly promotes media literacy in the digital age and has a comprehensive media literacy framework that includes education support and stakeholder collaboration.

ASEAN strongly focuses on regional cooperation and collaboration, which makes it well-suited to addressing regional media literacy challenges in Indonesia. ASEAN's programs may be particularly effective in promoting media literacy in countries lacking resources and infrastructure for media literacy education. However, the importance of media literacy promotion started by ASEAN (in 2020) quite late. It means there is a long way to establish the framework and see the achievement of their projects and programs.

The UNESCO media literacy framework is a comprehensive and holistic approach to media literacy that considers the complex and rapidly changing media landscape. Their framework is designed to adapt to the needs of different countries. Promoting critical thinking and active engagement with media helps individuals in Indonesia make informed decisions and take action to encourage responsible and ethical media use. Their framework is intended to guide policymakers, educators, and other stakeholders and support the development of media literacy initiatives and programs, especially in the digital era. And ASEAN media literacy framework provides a comprehensive and exclusive approach to promoting media literacy in Indonesia. All these programs and initiatives demonstrate ASEAN's commitment to advancing the development of media literacy in the region. Focus on regional collaboration, ASEAN promotes media literacy, helps build regional capacities, and promotes the development of media literacy education and training programs.

In conclusion, each of these organizations has strengths and areas of expertise that make it well-suited to promoting media literacy in different contexts in Indonesia. The most effective approach will depend on the targeted countries' specific needs and cultural context.

Conclusion

Improving media literacy in Asian countries can be done through several means, first through strengthening the education system. Incorporating media literacy education in school curriculums can help students understand and critically evaluate different forms of media.

Governments and media organizations can conduct awareness campaigns to educate the public about the importance of media literacy and how to recognize fake news and misinformation.

Strengthening the collaboration between media organizations, government agencies, and civil society groups also can help create media literacy programs and initiatives that are more effective and sustainable.

From the government's side, it is crucial to strengthen the regulation. It means regulating media content and holding media organizations accountable for spreading false information can also help improve media literacy in a country.

Focusing more on digital media literacy in this digital era is essential. With the increasing use of digital media, educating people on how to evaluate and use information from the internet effectively and safely is essential.

The last recommendation is how to create more media literacy programs. Not only governments and media organizations but international organizations or even non-governmental organizations should also be able to provide media literacy training programs for journalists and other media professionals to enhance their skills in verifying information and presenting it accurately to the public. Improving media literacy in Asian countries requires a comprehensive and multi-faceted approach that includes education, awareness, collaboration, regulation, and training.

References

- Forsman, M. (2020). Media literacy and the emerging media citizen in the nordic media welfare state. *Nordic Journal of Media Studies*, 2(1), 59–70. <https://doi.org/10.2478/njms-2020-0006>
- Grizzle, A., Moore, P., Dezuanni, M., Asthana, S., Wilson, C., Banda, F., & Onumah, C. (2013). *Media and information literacy: Policy and strategy guidelines*. UNESCO. Retrieved March 1, 2023, from <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000225606/>
- Hobbs, R. (2010). Media literacy. *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. Retrieved March 1, 2023, from https://www.academia.edu/17906096/Media_Literacy
- Knuutila, A., Neudert, L.-M., & Howard, P.N. (2022). Who is afraid of fake news? Modeling risk perceptions of misinformation in 142 countries. *Harvard Kennedy School (HKS) Misinformation Review*. <https://doi.org/10.37016/mr-2020-97>
- Lessenski, M. (2022). *How it started, how it is going: Media Literacy Index 2022*. Open Society Institute – Sofia, European Policies Initiative. Retrieved March 1, 2023, from https://osis.bg/wp-content/uploads/2022/10/HowItStarted_MediaLiteracyIndex2022_ENG_.pdf
- Smith, R.B., Perry, M., & Smith, N.N. (2021). ‘Fake News’ in ASEAN: Legislative responses. *Journal of ASEAN Studies*, 9(2), 117–137. <https://doi.org/10.21512/jas.v9i2.7506/>
- Wilson, C., Grizzle, A., Tuazon, R., Akyempong, K., & Cheung, C.K. (2011). *Media and information literacy curriculum for teachers*. UNESCO. Retrieved March 3, 2023, from <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000192971>

Bio notes:

Cut Fitri Indah Sari Hoesin, PhD student, Department of Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6718-5714. E-mail: Indahoedin@gmail.com

Natalia V. Poplavskaya, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7226-2526. E-mail: poplavskaya-nv@rudn.ru

Сведения об авторах:

Хусин Чут Фитри Индах Сари, аспирант, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-6718-5714. E-mail: Indahoesin@gmail.com

Поплавская Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-7226-2526. E-mail: poplavskaya-nv@rudn.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-830-841

EDN: ASKIFV

UDC 37.01

Research article / Научная статья

Modeling the media educational potential of the television industry as a post-crisis phenomenon

Aleksandr A. Yefanov^{1,2} , Maksim A. Pugachev^{3,4}

¹Russian State University for the Humanities,

6 Miusskaya Ploshchad', Moscow, 125047, Russian Federation

²HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation

³Orenburg State University, 13 Prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation

⁴State TV and Radio Company "Orenburg",

3 Televizionnyi Pereulok, Orenburg, 460024, Russian Federation

 yefanoff_91@mail.ru

Abstract. The modeling of the media educational potential of the television industry as a post-crisis phenomenon is considered. The complex of theoretical and empirical approaches such as modeling, case-study, semi-structured expert interviews was used. According to the results of this research, the fact that the television industry has the media educational potential and employs it in the professional activity is confirmed. There are three models of the media educational potential of the television industry (MEPTI), that are determined by differentiated professional aims: MEPTI in the media training of professionals; MEPTI in the qualification improvement of professionals; MEPTI in improving media literacy of broad audience. The realization of media educational potential is seen in federal and regional segments of the television industry, regardless the type of media companies. However, different forms of media educational potential are applied by the television industry that is seen not only in the collaboration with universities, but also in the autonomisation of media educational practices.

Keywords: media education, television, media communications, media literacy

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 29, 2023; revised March 6, 2023; accepted May 24, 2023.

For citation: Yefanov, A.A., & Pugachev, M.A. (2023). Modeling the media educational potential of the television industry as a post-crisis phenomenon. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 830–841. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-830-841>

Моделирование медиаобразовательного потенциала телевизионной индустрии как посткризисный феномен

А.А. Ефанов^{1,2} , М.А. Пугачев^{3,4}

¹Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

³Оренбургский государственный университет,

Российская Федерация, 460018, Оренбург, пр-т Победы, д. 13

⁴ГТРК «Оренбург», Российская Федерация, 460024, Оренбург, пер. Телевизионный, д. 3

 yefanoff_91@mail.ru

Аннотация. Рассматривается моделирование медиаобразовательного потенциала телевизионной индустрии как посткризисный феномен. Применялся комплекс теоретических и эмпирических методов: моделирование, кейс-стади, полуструктурированные экспертные интервью. Результаты проведенного исследования подтвердили, что телевизионная индустрия обладает медиаобразовательным потенциалом и использует его в своей профессиональной деятельности. Выделены три модели медиаобразовательного потенциала телевизионной индустрии (МПТИ), обусловленные дифференцированными профессиональными целями: МПТИ в медиаподготовке профессионалов; МПТИ в повышении квалификации профессионалов; МПТИ в повышении медиаграмотности широкой аудитории. Реализация медиаобразовательного потенциала наблюдается как в федеральном, так и региональном сегментах телевизионной индустрии, независимо от форм собственности медиакомпаний. При этом зафиксированы разные формы использования медиаобразовательного потенциала со стороны телевизионной индустрии, проявляющиеся не только во взаимодействии с университетами, но и в автономизации собственных медиаобразовательных практик.

Ключевые слова: медиа, медиаобразование, телевидение, медиакоммуникации, медиаграмотность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 29 января 2023 г.; отрецензирована 6 марта 2023 г.; принята к публикации 24 мая 2023 г.

Для цитирования: Yefanov A.A., Pugachev M.A. Modeling the media educational potential of the television industry as a post-crisis phenomenon // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 830–841. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-830-841>

Introduction

In the conditions of post-crisis development of interaction between media and educational institutions, television industry most obviously has media educational potential (Yefanov, Pugachev, 2023). Television companies have an opportunity to use technical facilities and industrial experience to prepare the staff and

form active audience with high culture of communication that is directly connected with media culture (Fedorov, 2019; Kirillova, 2020; Oleshko et al., 2021; Urazova et al., 2020). Despite federal state educational standards for specialists' training in media, there is not a unified methodology to educate them. The educational process is based on different approaches and it is the result of a long search of a better model of studying process. Having started working on television, young graduates of the journalism faculty go on improving skills before they are really professional and demanded. Due to the lack of practice in the universities and fast developing media, the education process does not often respond to modern times, does not go step by step with changes in the profession.

Materials and methods

The aim of this research is to single out some models of media educational potential of the television industry in the context of post-crisis development of interaction between media and educational institutions. The complex of theoretical and empirical methods such as: modeling; case-study; semi structured expert interviews ($n = 10$) are used.

The series of semi structured expert interviews was taken to estimate media educational potential of the television industry. Informants were searched according to their belonging to the group of specialists, that are working on television or are training journalists in the education system.

The interview of the experts ($n = 10$) was taken in 2023. The experts were the managers of RSTRC (All Russia State Television and Radio Broadcasting Company), STRC "Orenburg", STRC "Nizhny Novgorod", STRC "Alania", RT, "Moscow 24", media holding "Semerek", Orenburg State University, Khetagurov North Ossetian State University and the Academy of Media Industry. The interviews were taken in real communicative space or on the Internet. The received information was processed by data analysis.

The following research tasks were set in semi structured interviews:

- 1) to confirm the relevancy of the realized modeling – to single out MEPTI in media training of professionals; MEPTI in qualification improvement of professionals; MEPTI in improving media literacy of broad audience;
- 2) to work out the mechanisms of improving media literacy of broad audience via MEPTI.

Results and discussion

There are several views on journalistic education in the modern theory of journalism. The differences are in number of classes in the curriculum that are focused on practical skills. The supporters of total students' involving in the production process are mostly practical journalists that are working at present in the industry or ones that have certain professional experience (Blokhin et al., 2016; Lee, 2022; Shesterkina et al., 2021; Volkova et al., 2021; Volkova, 2019). They place high demands on the logistics support of the education process, they also demand on students the skill of making media texts. The students are offered to focus on one type of media and prepare for a certain work in print media, on radio, on television or on the Internet.

However, there is another approach of the students training (Fateeva, 2019; Young, Ronquillo, 2022; Zhilavskaya et al., 2020), when the fundamental academic training is brought to the fore and the emphasis is placed on the students' broad outlook. The teachers are concentrated on forming academic knowledge of their students, while applied skills are got in the practical training, where students try new skills that they will improve in their professional activity.

In the middle 2010s in Russian educational area the innovative approach for specialists training in media (in its broad meaning) started developing, this approach is considered to be the part of general system of media education. A new direction of training for "Media Communications" appeared in HSE University (later in another Russian universities) in 2015 (Kachkaeva et al., 2020; Sharikov, 2016; Yefanov, 2021). The educational program combines communication training, data analysis, media management, producing, and fundamentals of directing and media products creating. On the official website of the university they explain the new direction by the necessity to respond the challenges of the new era in specialists' training¹. Graduates are prepared not only for their work in media but also in culture industry, for instance, in production centers and recording studios, in the computer games and animation industry, in the sphere of telecommunications, connected with content making, in book publishing business, social marketing and also in press offices and in marketing agencies. In the direction of "Media Communications" students study general professional subjects like philosophy, history, sociology, psychology, they also study such subjects as web-design, media marketing, photography and image processing, video editing, website creation, animation production, the creation of mobile applications, the projects of virtual reality and projects with the usage of multimedia technologies in the modern art. There are academic teachers as well as specialists of the industry, the representatives of media holdings, the developers of multimedia projects in the educational process. This approach forms practical skills that might be used not only in the journalism.

There are innovative approaches in the universities that are interesting to be researched. L.P. Shesterkina in her work "Forming of Innovative Model for Journalists Training in the Terms of Formation of Convergent Media: Humanitarian and Technological Aspects" describes the educational experimental model, that was implemented in the beginning of 2000s in South Ural State University. The model is based on the creation of registered electronic Media in the university for the practical activity of the students. The students' material becomes the content for not only the university television and radio company "SUSU-TV" but it also becomes a personal portfolio for the final examination in addition to the traditional academic form. L.P. Shesterkina describes the advantages of this approach in the following way: "The company provides the students with ongoing practical training, arranges students' self-study and practical classes for getting skills of professional journalistic work of different competence and qualification level according to modern staff requests of Media" (Shesterkina, 2011, p. 294). At the moment of its creation it was the only licensed university television and radio company in Russia, that

¹ *Bachelor's program "Media Communications"*. (2015). HSE University. (In Russ.) Retrieved March 2, 2023, from <https://www.hse.ru/ba/media/passport?ysclid=ljiensvbw665594548>

was broadcasting on the Internet, on radio and on television and cable networks around the clock.

L.P. Shesterkina described all steps of “SUSU-TV” creation in details; she also analyzed the effectiveness of such kind of media in journalists’ training. Her conclusions became the part of her doctorate thesis; some positions were taken in the curriculum of the journalistic direction of South Ural State University. All students from all courses and all forms of educational process take part in the content making for “SUSU-TV”. This work is obligatory in the educational process according to the curriculum. L.P. Shesterkina mentions that daily making of the informative product increases professional skills and also helps in establishing business contacts with press offices, news agencies, advertisers: “The students’ staff TRC “SUSU-TV” use all genres of journalistic in their work – operational, analytical, artistic and publicistic. The special place is taken by the production of radio and television sketches and documentaries. The television and radio company keeps the balance between informative, educational, social, political, entertaining, cultural programs and also shows different opinions on controversial issues; it protects the social peace and social moral, positioning itself as “the first noncommercial channel” (Shesterkina, 2011, p. 13).

It is important that university television company managed to increase the coverage because some projects were shown on professional media platforms. For instance, one of the programs was on air after the students’ editorial office had taken part in the competition of the regional government. The opportunity of regional broadcasting makes the work of the students’ editorial office closer to professional journalism, as students have to develop not only university’s topics but also the problems that are interesting for broad audience. Let us emphasize that all the work of the experimental television company has been analyzed by different researchers. L.P. Shesterkina describes the achievements in the following way: “The faculty of journalism and the television and radio company “SUSU-TV”, responding to challenges of the modern time in the terms of innovative model for journalists’ training, have developed not only the case of convergent editorial office TRC “SUSU-TV”, built the model and implemented it in the structure of university television and radio company and the educational process, they also have found out the way the journalists’ activity has changed in terms of convergence, they have analyzed the work of convergent editorial office, singled out the main difficulties and controversial issues in the professional sphere and in the educational process of journalists. One of the problems is underestimating of some students the role of a universal journalist, who must get the skill to work in different media formats and use the technologies of convergent media without any difficulties” (Shesterkina, 2011, p. 268).

However, the model supposes making the corporate media. We can find the confirmation on the official website “SUSU-TV”, where the main aims and tasks of the company are written. The first of them is: “To enhance and promote the image of the university as the world leader of modern educational space”². It is

² *Broadcasting Company of the South Ural State University (2006–2014)*. (n.d.). SUSU-TV. (In Russ.) Retrieved March 2, 2023, from https://tvr.susu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=53&Itemid=65

evident that the management of the university considers this television and radio company to be the mean of making a business reputation and they can not help but interfere with the editorial policy. However, the topics should be chosen according to the requests of the audience but not the management. Young journalists must know it. It is not a secret that we can see special-order materials in the broadcast of any television companies that work under media business laws, however, professional media, valuing their audience, manage to keep the balance between journalistic, image and promotional materials. Otherwise they will lose their audience.

State Television and Radio Company “Orenburg” have been using their media educational potential for many years. The company needed young journalists and new ideas in 1990s, as they would help to keep up with the times. There was not professional training for journalists at that time in Orenburg. Having studied the experience of journalists training in different universities of the country, STRC “Orenburg” and Orenburg State University decided to start such trainings. In 1999 the faculty of journalism opened in OSU. Students got theoretical skills in the university, while they got practical skills in the television company. STRC “Orenburg” set up their experimental creative and production laboratory and gave about 500 of broadcasting time to student programs. The company allocated fee funds and appointed experienced journalists to be the heads of the laboratory, having set them free from broadcasts. It was a longtime experiment, as a result the company could solve the staff issues. 9 students were employed as media workers before their defense of the thesis. But this result is not the only one. By words of the assistant principal of STRC “Orenburg” (he took the position at that time) and professor of OSU U.M. Karasevich, the practical importance of the experiment was in “solving tasks of forms and methods for professional training of qualified specialists in cooperation between university and state television company, in singling out the prospects for improvements in the educational process in faculties of journalism of Russian universities” (Karasevich, 2004, p. 69).

There were not similar experimental platforms, made by the cooperation of classical university and television company in Russia at that time. This model of specialist training was the topic of dissertation research of U.M. Karasevich. Its main difference from the model of SUSU was that student programs were aimed at the audience of STRC “Orenburg”, while all teachers were working journalists, that is they combined teaching and making journalistic materials in the competitive environment, and this is a very important thing, as “being the participant of transformative practice, the journalist changes herself” (Karasevich, 2004, p. 11). All students were school children short time ago, they do not have enough life experience and it is difficult for them to estimate the events impartially. Besides theoretical knowledge and the knowledge of media texts making, students should have the skill of getting more information, they should be able to analyze and estimate facts, and they should size up the media field. Experienced practical journalists answer all this questions to make the educational process non-formal.

U.M. Karasevich set the following tasks: to systematize theoretical knowledge about the interaction between pedagogy and specialized practice in the educational process, to define more effective forms of this cooperation and to develop

methodical recommendations for journalists training: “Speaking about professional moral, there is an instrumental approach to its standards in the journalistic teams and it regulates only some aspects of journalist work, but not the personality. We tried to realize the main goal – extra task of the journalist training – to establish creative and valuable position of the student in theory and practice as the basis to form the professional competency of students-journalists” (Karasevich, 2004, p. 11). To broadcast on the federal channel RTR that was presented by STRC “Orenburg” for the educational model, students made storylines, where they made up topics themselves, consulting their practical teachers. As it was real broadcast, there were high demands on the material. Storylines were regularly analyzed. The authors were trying to find “weak” and “strong” sides in their works and then professionals analyzed them. This approach helps to single out certain point of view. U.M. Karasevich describes the so-called precedent approach: “A student analyses the case with the group to make a certain decision in given conditions and in real working media” (Karasevich, 2004, p. 60).

After the experiment Orenburg State University equipped production platforms, where students could keep getting professional practical skills. The specialists from STRC did not take part in that process anymore. However, the production laboratory quickly turned into a press center of the university and it was not an important link in the educational process from the position of media literacy distribution, however, the company had done a lot in getting some practical skills by the students.

Media education is not just getting practical skills, it can not be effective without safety, aesthetic, cultural and another functions. If the management of the educational institutions does not realize this thing, the technological competence of the students will be used for meeting practical needs of educational institutions but not for revealing creative potential of the students and their personal growth. The process will be more effective only if professionals of media industry will be invited to take part in it, as they have all necessary production skills, they know how to influence on the audience using media texts, these specialists are able to define the needs of the audience and have a big experience to single out and analyze insecure media content.

Experimental educational models of U.M. Karasevich and L.P. Shesterkina are similar as both of them offer for educational process professional media, as they have media educational potential to train demanded journalists. “As a result of this research, pedagogical conditions for television journalist training are defined, the problems that pedagogical staff of the faculties of journalism have are singled out. The training of journalists of advanced specialization should be taken into account. The marketing interests need universal journalists – professionals” (Karasevich, 2004, p. 125), – concludes U.M. Karasevich. “The main goal of the research is to explain theoretically, develop and implement in educational practice the innovative model for journalists’ training in terms of convergence, media and needs of modern media practice of journalist of the universal type” (Shesterkina, 2011, p. 14), – writes L.P. Shesterkina.

Authors’ works of L.P. Shesterkina and U.M. Karasevich are correlated with media educational potential of the television industry (MEPTI) in media training

of the professionals. However, except the given model, we can single out MEPTI in qualification improvement of professionals and MEPTI in improving media literacy of broad audience. The series of semi structured expert interviews ($n = 10$) was taken in 2023 to give an expert opinion of media educational potential of the television industry and to confirm the singled out models on the empirical level.

The lack of qualified specialists is one of the reasons why the majority of experts were all for using media educational potential of the television industry in media training of the professionals. The head of the media company in Tyumen, who was the student of the journalistic faculty of OSU and the participant of the experiment, that has been described above, thanks to that experiment she got “a good theoretical and practical basis” (Karasevich, 2004, p. 142), has her own vision: *“It is necessary to realize that in universities they prepare students for working on unreal market. I can say that in four or five years television will not be like the one we watched yesterday. However, the specialists are needed right now. That is why television company are interested in specialists’ training. Educational, work and pre-graduate practice should be close to real working conditions of television companies, ideally it should be done together with television companies, that take students – interns. Television channels should give a request to universities for graduates with certain characteristics”* (expert 1).

Speaking about the realization of media educational potential of the television industry, some experts mention the importance of cooperation between universities and television companies in regions: *“Famous universities of capital cities do not need technical base and media specialists as much as the regional universities do. A strong journalistic school can not appear on empty place, professionals are necessary. It is written in the curriculum that a student should have practical skills of video making, shooting and working on the air, only practical journalists can teach it. Regional universities are interested in having working journalists – teachers”* (expert 3). Specialized education does not guarantee the employment. Even having some practical skills, a graduate can be not demanded. To understand what he is expected in professional media and what personal features he should develop is possible only in the process of work in the company: *“High journalism education does not give students any creativity and new ideas. Everything is developing so fast at the age of social media and it is necessary to move away from patterns, a journalist should know what is interesting for the audience”* (expert 4).

However, not all experts are supporters of using the television platform for students’ education. Some of them think that it is enough for universities to attract media workers to take part in the educational process: *“The system of education is responsible for journalists’ education. Media takes big part in this process, as professional journalists from television channels, newspapers, Internet editions often teach in the university. A working journalist is better than any student books”* (expert 5).

We have reviewed forms of media companies’ participation in the process of journalists’ high education. However, it is necessary to pay attention to MEPTI in qualification improvement of professionals – working journalists.

All experts that have taken part in the research and that deal with journalist material think that media workers must get professional training. This approach is

necessary to keep high quality of media content, thus giving a chance for a student to distract from the routine, that is important for objective analysis and self-analysis: *“It is a good shake-up for a person, who makes content day by day. A journalist might just choose a comfortable way of working without any motivation to improve and develop his skills. Education is always a reason to renew professional competence”* (expert 3). However, this argument is not a single one. Many directors, editors, operators and sometimes even TV presenters and correspondents do not have professional education. It mostly takes place in regional television companies. Young employees start working intuitively, without having fundamental theoretical base.

Qualification improvement is not just the opportunity to do usual work on a higher level. It lets broaden the horizons, get the new ways of interacting with the audience in dynamically developing media space: *“Television in the meaning of the TV-set, is dying, but there is still television watching. People like watching the content on the Internet, that is made by professional journalists from television, however, this content must go step by step with the time and it should not look like a dinosaur in comparison with another content on the Internet. So the re-qualification is studying new trends”* (expert 5).

Thus, we have reviewed MEPTI in media training of professionals and MEPTI in qualification improvement of professionals. While taking interviews, we needed to know what experts thought about MEPTI in improving media literacy of broad audience. We proceeded from the fact that modern audience have become more active, they take part in programs with a bigger interest and they make their own content that can be used by channels.

However, speaking about media literacy improvement as about getting skill of working with data, experts give opposite opinions: *“The news consumer does not need any skills and special knowledge. News content is interesting just because it does not demand any special knowledge by audience. A television channel does not have the task to learn how to distinguish fake from checked information. A journalist must be able to do it, but for audience it is enough to know where the information is true”* (expert 4). Other experts have another opinion and give their arguments: *“A journalist lives in the information stream, checking the sources every day. He can share this skill with the audience”* (expert 1); *“It is beneficial for some content makers when the audience do not ask a lot of questions. The audience must realize that they should not trust information that is not confirmed with the facts, there is a blue tick in social nets, that means that this is an official source”* (expert 2). Some experts understand the necessity of media education, but they do not fully agree with the opinion that the television industry has a lot of power for it: *“Actually, nowadays the problem is in a big flow of information, not everybody can filter it, singling out interesting and important news. This situation is complicated and, to my mind, does not have a solution”* (expert 3).

The participants of the research agree with the statement that there should be high demands to the work of professional journalists: *“We need to grow our consumer but now with distribution of skills, but with our qualitative content, not “yellow” and scandal one, but competent and professional”* (expert 4); *“News content should be made a respect to the audience with different points of view. This model should be taken by the audience and they should demand the same from social nets”* (expert 2).

Conclusion

The obtained results let us come to the conclusion, that the television industry has media educational potential and uses it in the professional activity. There are three models of media educational potential of the television industry, caused by differentiated professional goals: MEPTI in media training of professionals; MEPTI in qualification improvement of professionals; MEPTI in improving media literacy of broad audience.

The realization of media educational potential is seen in federal and regional segments of the television industry regardless the form of media company ownership. There are different ways of using media educational potential by the television industry, that is seen not only in the collaborations with universities, but also in autonomization their own media educational practices. The tendencies of modern media communications (mostly connected with the prosumerism) update the meaning of media educational potential of the television industry.

References

- Blokhin, I.N., Ilchenko, S.N., & Shesterkina, L.P. (2016). Media identity in structure of personality: Formation and typology. *American Journal of Applied Sciences*, 13(5), 665–673. <https://doi.org/10.3844/ajassp.2016.665.673>
- Fateeva, I.A. (2019). On the international recognition of domestic newspaper science. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture*, 25(4), 14–22. (In Russ.)
- Fedorov, A. (2019). Schools and universities in audiovisual media: Experts'. *Communication Today*, 10(1), 110–122.
- Kachkaeva, A., Kolchina, A., Shomova, S., & Yarovaya, E. (2020). 'Trust, but verify': Problems of formation of media literacy and critical thinking of Russian students. *Media Practice and Education*, 21(3), 200–211. <https://doi.org/10.1080/25741136.2020.1752569>
- Karasevich, U.M. (2004). *Interaction between University and television and radio company as the factor of forming professional competence of students-journalists* (dissertation of the Candidate of Pedagogical Sciences). Orenburg. (In Russ.)
- Kirillova, N.B. (2020). Media culture of a globalised world: Evolution of language technologies. *Changing Societies & Personalities*, 4(4), 427–440. <https://doi.org/10.15826/csp.2020.4.4.109>
- Lee, H.-K. (2022). Rethinking creativity: Creative industries, AI and everyday creativity. *Media, Culture & Society*, 44(3), 601–612. <https://doi.org/10.1177/01634437221077009>
- Oleshko, V.F., Oleshko, E.V., & Mukhina, O.S. (2021). The problem of self-identification of student journalists of the digital era. *Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism*, (4), 135–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2021.135157>
- Sharikov, A.V. (2016). On the four-component model of digital literacy. *Journal of Social Policy Research*, 14(1), 87–98. (In Russ.)
- Shesterkina, L.P. (2011). *Forming of innovative model in journalists' training in terms of forming convergent mass media (humanitarian and technological aspects)* (dissertation of the Doctor of Philology Sciences). Moscow. (In Russ.)
- Shesterkina, L.P., Lobodenko, L.K., Krasavina, A.V., & Marfitsyna, A.R. (2021). Fact-checking and verification of information in the context of journalism education. *Questions of Theory and Practice of Journalism*, 10(1), 94–108. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).94-108](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).94-108)
- Volkova, I.I., Urazova, S.L., & Pisareva, M.N. (2020). Criteria for the formation of communicative space in the student environment: Immersion in creativity. *Scientific Notes of Zabaikalsky State University*, 15(1), 75–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/2658-7114-2020-15-1-75-81>

- Volkova, I.I. (2019). TV channels on YouTube: Reasons for inefficiency. *Journalism in 2018: Creativity, Profession, Industry: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 468–469). Moscow: MGU Publ. (In Russ.)
- Volkova, I.I., Proskurnova, E.L., & Tran, T.T. (2021). Prospects of news television: Materials of in-depth interviews. *Nauchnyi Dialog*, (3), 157–170. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>
- Yefanov, A., & Pugachev, M. (2023). Media educational potential of the television industry: Towards the conceptualization of the media communication category. *Media Education*, (1), 190–202. <https://doi.org/10.13187/me.2023.1.190>
- Yefanov, A.A. (2021). *Society at the mercy of media processes*. Moscow: INFRA-M Publ. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/1140665>
- Young, J.A., & Ronquillo, R. (2022). Enhancing new media literacies of social work students through a participatory learning environment. *Journal of Technology in Human Services*, 40(1), 58–78. <https://doi.org/10.1080/15228835.2021.2004572>
- Zhilavskaya, I.V., Onuchina, K.K., & Dubover, D.A. (2020). The design of depressed cities in the far north and their image in media space after the implosion of the USSR. *Visual Anthropology*, 33(2), 164–176. <https://doi.org/10.1080/08949468.2020.1721199>

Список литературы

- Волкова И.И. Телеканалы на YouTube: причины неэффективности // Журналистика в 2018 г.: творчество, профессия, индустрия: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 6–8 февраля 2019 г. М.: Факультет журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 2019. С. 468–469.
- Волкова И.И., Проскурнова Е.Л., Чан Т.Т.З. О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью // Научный диалог. 2021. № 3. С. 157–170.
- Волкова И.И., Уразова С.Л., Писарева М.Н. Критерии формирования коммуникативного пространства в студенческой среде: погружение в творчество // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15. № 1. С. 75–81. <https://doi.org/10.21209/2658-7114-2020-15-1-75-81>
- Ефанов А.А. Общество во власти медиапроцессов. М.: ИНФРА-М, 2021. 189 с.
- Карасевич Ю.М. Взаимодействие университета и телерадиокомпании как фактор формирования профессиональной компетентности студентов-журналистов: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2004. 172 с.
- Олешко В.Ф., Олешко Е.В., Мухина О.С. Проблема самоидентификации студентов-журналистов цифровой эпохи // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 4. С. 135–157.
- Фатеева И.А. О международном признании отечественного газетоведения // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 4. С. 14–22.
- Шарииков А.В. О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 1. С. 87–98.
- Шестеркина Л.П. Формирование инновационной модели подготовки журналистов в контексте становления конвергентных СМИ (гуманитарный и технологический аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 530 с.
- Шестеркина Л.П., Лободенко Л.К., Красавина А.В., Марфицына А.Р. Фактчекинг и верификация информации в контексте журналистского образования // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 94–108.
- Blokhin I.N., Ilchenko S.N., Shesterkina L.P. Media identity in structure of personality: formation and typology // *American Journal of Applied Sciences*. 2016. Vol. 13. No. 5. Pp. 665–673. <https://doi.org/10.3844/ajassp.2016.665.673>
- Fedorov A. Schools and universities in audiovisual media: experts' // *Communication Today*. 2019. Vol. 10. No. 1. Pp. 110–122.

- Kachkaeva A., Kolchina A., Shomova S., Yarovaya E.* ‘Trust, but verify’: problems of formation of media literacy and critical thinking of Russian students // *Media Practice and Education*. 2020. Vol. 21. No. 3. Pp. 200–211. <https://doi.org/10.1080/25741136.2020.1752569>
- Kirillova N.B.* Media culture of a globalised world: evolution of language technologies // *Changing Societies & Personalities*. 2020. Vol. 4. No. 4. Pp. 427–440. <https://doi.org/10.15826/csp.2020.4.4.109>
- Lee H.-K.* Rethinking creativity: creative industries, AI and everyday creativity // *Media, Culture & Society*. 2022. Vol. 44. No. 3. Pp. 601–612. <https://doi.org/10.1177/01634437221077009>
- Yefanov A., Pugachev M.* Media educational potential of the television industry: towards the conceptualization of the media communication category // *Media Education*. 2023. No. 1. Pp. 190–202. <https://doi.org/10.13187/me.2023.1.190>
- Young J.A., Ronquillo R.* Enhancing new media literacies of social work students through a participatory learning environment // *Journal of Technology in Human Services*. 2022. Vol. 40. No. 1. Pp. 58–78. <https://doi.org/10.1080/15228835.2021.2004572>
- Zhilavskaya I.V., Onuchina K.K., Dubover D.A.* The design of depressed cities in the far north and their image in media space after the implosion of the USSR // *Visual Anthropology*. 2020. Vol. 33. No. 2. Pp. 164–176. <https://doi.org/10.1080/08949468.2020.1721199>

Bio notes:

Aleksandr A. Yefanov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Theory and Practice of Public Relations, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Ploshchad', Moscow, 125047, Russian Federation; Associate Professor of the Institute of Media, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9979-9224. E-mail: yefanoff_91@mail.ru

Maxim A. Pugachev, senior lecturer, Department of Journalism, Orenburg State University, 13 Prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation; Chief Editor, Information and Thematic TV and Radio Programs Service, State TV and Radio Company “Orenburg”, 3 Televizionnyi Pereulok, Orenburg, 460024, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6255-7646. E-mail: pugachevma@mail.ru

Сведения об авторах:

Ефанов Александр Александрович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики общественных связей, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; доцент, Институт медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0002-9979-9224. E-mail: yefanoff_91@mail.ru

Пугачев Максим Алексеевич, старший преподаватель, кафедра журналистики, Оренбургский государственный университет, Российская Федерация, 460018, Оренбург, пр-т Победы, д. 13; шеф-редактор, служба информационных и тематических программ ТВ и РВ, ГТРК «Оренбург», Российская Федерация, 460024, Оренбург, пер. Телевизионный, д. 3. ORCID: 0000-0001-6255-7646. E-mail: pugachevma@mail.ru

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА INTERVIEW

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-842-844

EDN: BGNVWT

UDC 070:004.89

Media of the future and future conflicts: what changes to expect with the development of AI technologies: an interview with Professor Ketan Kotecha

Article history: submitted September 28, 2023; revised October 16, 2023; accepted October 30, 2023.

For citation: Bulgarova, B.A. (2023). Media of the future and future conflicts: What changes to expect with the development of AI technologies: An interview with Professor Ketan Kotecha. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 842–844. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-842-844>

Медиа будущего и будущие конфликты: каких изменений ждать с развитием технологий искусственного интеллекта: интервью с профессором Кетаном Котеча

История статьи: поступила в редакцию 28 сентября 2023 г.; отрецензирована 16 октября 2023 г.; принята к публикации 30 октября 2023 г.

Для цитирования: *Bulgarova B.A.* Media of the future and future conflicts: what changes to expect with the development of AI technologies: an interview with Professor Ketan Kotecha // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 842–844. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-842-844>

Artificial intelligence technologies have long gone beyond specific and pinpointed applications. AI is being widely and actively implemented in all spheres of society, including education. The media sphere is no exception: neural networks are being introduced everywhere, and AI technologies are being used to generate and verify texts. In this interview, we will try to understand how much the trajectory of media education will be changed and how the development of AI technologies will affect the journalistic profession.

© Bulgarova B.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

– ***Professor Ketan, how do you see the future of AI in education, and in particular the use of AI in the media sphere?***

– I think the future of education, and media education in particular, will be enhanced by the introduction of artificial intelligence technologies.

– ***Do you think that journalists with a classical education without knowledge of AI technologies will remain competitive or will they have to apply new skills?***

– I believe that a basic classical education for a journalist will remain a priority. However, special skills will be required to work with the many tools created by artificial intelligence that will be used to create content, as well as to analyse content and translate content into any language. Of course, having such competences will be a huge priority in the professional media sphere. I would say that media won't die without AI, but those who use standard media skills along with AI technology will definitely dominate those who don't use AI.

– ***What do you think aspiring journalism students should learn?***

– I believe that the field of journalism needs to implement AI and have an introductory course on AI that is kind of an applied course in their particular discipline. This will help make the work more efficient and broaden professional horizons.

– ***Media education of the future – what is it?***

– It's a kind of “innovation strategy” and tools using AI technologies. Large number of social media will be analysed for finding the people sentiments and emotions for a particular item in a particular region and that decides the future strategies for the politicians or governors for acting and also it helps them in winning the emotions and sentiment of the people.

– ***What are the most promising areas of application of AI technologies in the media sphere?***

– This will apply to all forms of informational content. Huge amount of information which is generated media will be analysed automatically by AI for a complete conclusion.

– ***How do you see the future of media text?***

– AI technologies are already being actively introduced into the media text, mainly for verification of different levels. The translation from text to voice won't be synthetic in future because of artificial intelligence is going to have a very human friendly voice with emotions very soon.

– ***Will the trajectory of media research change in your opinion?***

– No doubt about it. There is already a lot of work and it will be enhance further for the fake news detection. That will be the most prominent application of media whereby you search something and the website will tell this information credibility this.

– *How can we deal with the detection of false information and fakes with the power of AI?*

– The analysis will be more in-depth. Artificial intelligence will check the honesty and buyers in the article available in the media or even in the news that is available in the media and assess the credibility of the article in terms of bias or unbiasedness.

– *What do you think the new media will be like in the future and how will people receive information?*

– In future people will receive the information which is curated by AI and for example for a one particular particular topic. If there are large number of content created by different countries or different media, an algorithm will take into out all of them and present the summary to the end user. So promising areas will be summary of the contained fake nude detection, social media analysis and generating new information as well.

Interviewed by Bella A. Bulgarova / Интервью провела Б.А. Булгарова

Bio notes:

Bella A. Bulgarova, PhD in Philology, Associate Professor, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6005-2505. E-mail: bulgarova-ba@rudn.ru

Ketan Kotecha, Professor of Computer Science & Engineering, Head of the Symbiosis Centre for Applied Artificial Intelligence (SCAAI), Director of the Symbiosis Institute of Technology, Dean of the Faculty of Engineering, Symbiosis International (Deemed University). Listed in the world's top 2% scientist as published by Stanford University. EDx speaker 2015. Author of the “Introduction to critical thinking” (2018). His interests focus on the artificial intelligence, machine learning, deep learning, multimodal AI, explainable AI. Scopus ID: 6506676097. Site: www.sitpune.edu.in/

Сведения об авторах:

Булгарова Белла Ахмедовна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-6005-2505. E-mail: bulgarova-ba@rudn.ru

Котеча Кетан, профессор компьютерных наук и инженерии, руководитель центра прикладного искусственного интеллекта «Симбиоз» (SCAAI), директор Технологического института «Симбиоз», декан инженерного факультета, Международный университет «Симбиоз». Входит в список лучших ученых мира по версии Стэнфордского университета. Докладчик EDx 2015 г. Автор книги «Введение в критическое мышление» (2018). Сфера интересов: искусственный интеллект (ИИ), машинное обучение, глубокое обучение, мультимодальный ИИ, объясняемый ИИ. Scopus ID: 6506676097. Сайт: www.sitpune.edu.in/

ОБЗОРЫ REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-845-858

EDN: BXMTAQ

UDC 821.112.2

Relevance of Hermann Hesse: a systematic review of different perspectives

Antony Jose , V.M. Berlin Grace , Jibin Jose , D. David Wilson

Karunya Institute of Technology and Sciences, Coimbatore, Republic of India

 davidenglishgroup09@gmail.com

Abstract. During the first decades of the 20th century, many European intellectuals were developing negative responses to modernity. Hermann Hesse was aware of the moral and social difficulties plaguing Europe at that time and dealt with these problems in his writing. Despite being a German author, he is well read even today, and his characters' quests and journeys of self-discovery captivate young people worldwide. This study aims to bring out the relevance of Hesse by analysing the historiography of the studies on Hesse's works and interrogating the significance of different perspectives on him, which will open doors for future studies in health humanities and memory studies. The authors systematically analyse 100 studies on Hesse and his works from journals indexed in the Web of Science. It is concluded that Hesse's literary world, comprised of novels, poems, and autobiographical reflections, is deeper and bigger than what has been discovered.

Keywords: German literature, health humanities, memory studies, novel, poem autobiography

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 15, 2023; revised September 2, 2023; accepted October 1, 2023.

For citation: Jose, A., Grace, V.M.B., Jose, J., & Wilson, D.D. (2023). Relevance of Hermann Hesse: A systematic review of different perspectives. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 845–858. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-845-858>

Актуальность Германа Гессе: системный обзор различных точек зрения

Э. Хосе , В.М.Б. Грейс , Дж. Хосе , Д.Д. Уилсон

Каруньский институт технологий и наук, Коимбатур, Республика Индия

 davidenglishgroup09@gmail.com

Аннотация. В первые десятилетия XX в. у многих европейских интеллектуалов развивалась негативная реакция на современность. Герман Гессе знал о моральных и социальных трудностях, преследующих Европу, и затрагивал эти проблемы в своих произведениях. Книги немецкого писателя и сегодня широко читаемы, а духовные странствия его героев в поисках себя, привлекают к себе внимание молодых людей по всему миру. Цель исследования – выявить актуальность Гессе путем анализа историографии научных работ о нем и выявления значимости различных взглядов на него, представить перспективы для будущих изысканий в области гуманитарных наук и исследований природы памяти. Применялся системный анализ сотни исследований о Гессе из журналов, индексируемых в Web of Science. Установлено, что литературный мир Гессе, включающий романы, стихотворения и автобиографические размышления, глубже и обширнее того, что раскрыто к настоящему времени.

Ключевые слова: немецкая литература, гуманитарные науки, исследования памяти, роман, поэма, автобиография

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15 июня 2023 г.; отрецензирована 2 сентября 2023 г.; принята к публикации 1 октября 2023 г.

Для цитирования: Jose A., Grace V.M.B., Jose J., Wilson D.D. Relevance of Hermann Hesse: a systematic review of different perspectives // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 845–858. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-845-858>

Introduction

Hermann Hesse German novelist and poet who won the Nobel Prize for Literature in 1946, is well-read worldwide. Even today, his characters' worldwide quests and journeys of self-discovery captivate young people. His literary world, which is comprised of novels, poems, and autobiographical reflections, is deeper and bigger than has yet been discovered. During the first decades of the twentieth century, many European intellectuals were developing negative responses to modernity and to what they perceived as the loss of human civilization against the backdrop of fascism and the devastation of two world wars. These intellectuals frequently resorted to religion, art, or philosophy for alternatives to contemporary human problems. Hermann Hesse was acutely aware of the moral and social difficulties plaguing Europe at the time of his writing. Hesse embraced art as a form of rehabilitation, protest, and dreaming. Several evolving polar themes show this growth,

including the burgher and the artist, the actual and the ideal, sensuality and spirituality, time and timelessness, multiplicity and oneness, and aestheticism and social commitment. Hesse was considerably more moved by a sensitive reader's open-hearted and unprejudiced reaction to literature than he was by a critic's celebrations, however clever they may have been (Mileck, 1978). This review paper aims to analyse the historiography of the studies on Hermann Hesse his works and interrogate the significance of different perspectives on him, which will open doors for future studies.

Materials and methods

This paper analyses hundred studies on Hermann Hesse and his works taken from the journals indexed in the Web of Science. Many studies are published in different languages, especially in German, however, this analysis limits itself to works published in English. Figure 1 explains this in detail.

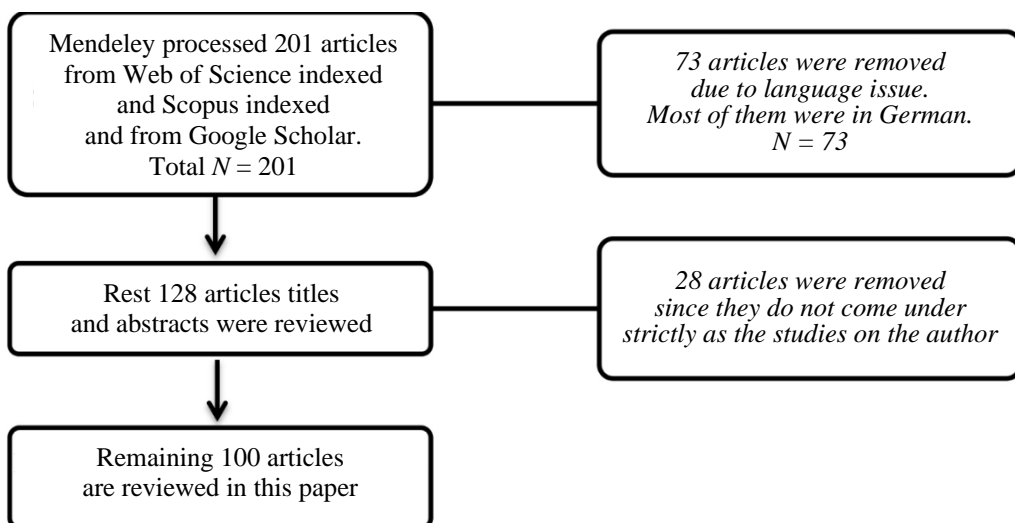

Figure 1. Flow chart

These studies that are done on Hermann Hesse and his works can be labelled into eight different categories. Biographical and relevant studies clubbed with the influence of other literature; especially Russian literature are considered as one category. Educational studies are the second category whereas philosophical studies make the third category. This category includes studies from the perspective of Western, Eastern, and political philosophy. The fourth category contains psychological readings and the fifth one would be studies based on the theme of relationship. The sixth category includes studies focusing on religious themes, especially the Christian religious themes in the works of Hesse. The seventh category deals with the studies that read Hesse from a romanticist or modernist perspective. The last category deals with the vital theme of self-realization.

These 100 articles' year of publication span from 1948 to 2022 and these are divided into two categories based on the year 2002, the 125th year of Hesse's Birth, and the 40th year of Hesse's death. Besides, the place of publications falls

under fourteen countries in four continents and one trans-continental country, Russia. Using Microsoft Excel 2010 the data is processed and analysed. A detailed discussion of these studies is given where the studies are arranged into eight categories.

Results and discussion

The hundred articles are published from fourteen countries, which shows the readership of Hesse. The United States and the UK published articles consistently from 1948 to 2022. Of hundred articles, based on place of publication, fifty-two articles come from the North American continent, thirty-seven articles are published from the European continent, six are from the Asian continent, three are from the South American continent and two from Russia which is considered to be a trans-continental country. Of the fifty-two articles those are published from the North American continent, forty-seven are from the United States, and the rest five from Canada. Of thirty-seven articles published from the European continent, seventeen are from the United Kingdom. These hundred articles are published by fifty tree different publishers.

Concerning the distribution of the articles according to the theme of publication as per the results shown in Figure 2, 17% of the published articles are in the category of the biographical detail, relevance, and influence of Hesse, 9% reads Hesse from an educational perspective, 23% reads from a philosophical perspective, 8% studies deal with the psychological reading, 6% of articles is on the theme of relationships in different spheres, 11% of studies come under religious reading, 16% read Hesse either from romanticist or modernist perspective, and 10% of articles explore the theme of self-realisation and its various possibilities.

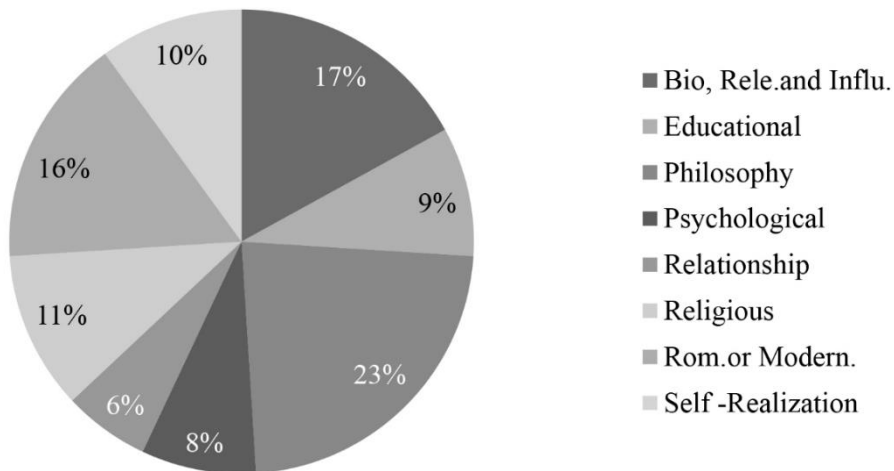

Figure 2. Distribution of articles

In a detailed analysis, seven articles from the first category deal with the biographical details, five articles deal with the relevance of Hesse and the rest five deal with the influence of other literature on Hesse. In seven biographical studies, the first one brings out the biographical details of Hesse by exploring the relationship between Hesse and his age (Heller, 1954). Five of them speak about the bio-

graphy of Hesse connecting his life with his works. These three are from Mileck in which he analyses the three different stages of his writings through which details about Hesse's life (Mileck, 1954), bio-bibliographical sketch (Mileck, 1958), and the close connection between Hesse's life and his art (Mileck, 1978). Kuschel (2022) explores the author's experiences in life and how they affected his writing rather than explicitly explaining Hesse's biography whereas Schoening (2021) looks at how the author's life and work were related in terms of how they were mirrored in the text's properties. Tusken's (1998) study highlights Hesse's Pietism ancestry, his unhappy childhood, his trying formative years at school, his essential seclusion, and calls attention to some of Hesse's most notable stylistic elements.

Among the five articles speak about the relevance of Hesse, Ziolkowski's (2003) study speaks about the relevance of Hesse related to youth, particularly among young scholars and Dornheim's (2005) research shows the popularity and reception of Hesse's work in Argentina especially among the youth. Cardinal's (2005) study explains how the term 'Steppenwolf' from Hesse, has continued to be used in fiction, on the internet, and even in the marketplace, bringing out Hesse's relevance. Briët et al. (2012) bring out the possibilities of Hesse's narratives to compare with the present situation and shows the relevance of his narratives in the context of the treatment of his sciatica. The latest study by Moser (2022) speaks about the relevance of exploring the colourful legacy and ongoing effect of the novel, *Siddhartha*. Five studies focus on the relationship between Hesse and other literary traditions especially Russian and French literature with Hesse. Two of these studies consider Hesse as a critical reader of all the literature and conclude that his critical essays reveal Hesse's understanding of the craft of fiction (Field, 1961; Gontrum, 1965), and rest three speak about Hesse's passion for Russian literature especially for Fyodor Dostoevsky (Mihailovich, 1967; Pachmuss, 1975; Pick, 1980).

Nine of the studies read Hesse from an educational perspective. All of them except one focus on the novel, *The Glass Bead Game* to explore the educational elements in Hesse from different angles such as a visual language capable of interdisciplinary perfection (Michaelis, 1987), contemporary curriculum discourse, and discusses the rise of a new orthodoxy through engaging in the politics of silence and guilt (Sears, 1992), the unified university system is examined in terms of a politics centred on cybernetic control (Peters, 1996), the institutional crisis in education (Texter, 2008), and to comprehend how to institutionalise teaching strategies that promote independent thought (Edwards, 2019). Of the nine articles, four are from Peter Roberts. Three of them are the studies based on the novel, *The Glass Bead Game* which focuses on the value of education (Roberts, 2008a), greater pedagogical relevance and significance of the educational process (Roberts, 2008b), and the relationship between contemplation and conscientization (Roberts, 2009). One study based on *The Journey to the East* explores the value of education, enquiry, and criticism in self-development (Roberts, 2020).

Out of hundred articles, twenty-three are readings from a philosophical perspective of which nine are searching with the background of Western philosophy whereas five are with Eastern philosophy and five speak about the holistic philosophical background (Andrews, 1953), Western intellectual history's striking similarities to Eastern religious doctrine (Molnár, 1971), placing classical Indian tradition materials along a continuum that runs from Romantic tradition to existentialistic

attitude (Misra, 1968), universalist philosophical claims are refuted by Hesse (Mathäs, 2014), and universal philosophy from the perspective of current global uncertainty (McCabe, 2005). The rest four articles read Hesse from the perspective of political philosophy such as Hesse's politics of detachment (Galbreath, 1974) and Hesse's retreat into the aesthetic as fundamentally a political action (Buhanan, 2012), Hesse belongs to that unique school of anarchism (Canton, 1974), and Hesse's work in the context of the development of ecological ideals in Germany and abroad (Riordan, 2005).

The nine articles that read Hesse from the background of Western philosophy are based either on the different philosophers or on philosophical schools. One focuses on existentialist philosophy as such (Arnoldt, 1973) and the other on the theme of mescalinated from existentialism (Axelrod-Sokolov, 2018). Three of the studies do the Nietzschean reading of the Hesse in which Reichert's (1975) study focuses on Nietzschean nihilism, Punsly (2012) reads Hesse with Nietzsche and Schopenhauer, and Koza's (2015) study places Hesse with reference to Kant, Kierkegaard, and Nietzsche. Hesse is read in the backdrop of the Hegelian concept of an Absolute Spirit by Krapp (2002). Zimmermann & Wiedenmann's (2010) study reads Hesse in the context of the philosophy of information and multiple epistemic and sociological ramifications. Wolfendale (2016) explores the last novel *The Glass Bead Game* as profoundly philosophical, explicitly referencing the canon of contemporary European philosophy, subtly encoding its themes in institutions and characters, and symbolically crystallising their tensions into a single conceptual innovation, which stands for a universal language and symbol of intellectual synthesis. Desimoni's (2017) study contrasts Hesse's thoughts with those of Martin Heidegger and Jean-Paul Sartre to clarify them.

Five studies from the perspective of Eastern philosophy generally concentrate on analysing three works of Hesse such as *Siddhartha*, *The Journey to the East*, and *The Glass Bead Game*. In these, one article refers to Eastern philosophy in general. It compares *The Journey to the East* and *The Glass Bead Game* and discusses the earlier one as a prelude to the latter one and as a failure to achieve it. *The Glass Bead Game*'s composition brought the premise and plan for the travel to the East to fruition (Peppard, 1958). Three articles focus on Indian philosophy in particular (Baumann, 2002; Carnahan, 1974; Malthaner, 1952). *Siddhartha* by Hermann Hesse is largely autobiographical and has a lengthy and fascinating background, according to Malthaner (1952). Carnahan (1974) interprets Hesse's works using the Vedanta philosophy of India. Baumann's (2002) study demonstrates how Hesse's fundamental beliefs and his artistic creations are greatly influenced by the ways of Indian thought and that they were just as significant to him as Christianity and Taoism. Later study reads the influence of Laozi and Zhuangzi's Taoist philosophy on Hesse (Tang, Zheng, 2020).

Eight studies deal with the psychological reading of Hesse's work. Out of these five of them read Hesse from Jungian psychology. In these, Vilella's (2007) study focuses on Jungian psychology generally and Danylova (2015) reads Hesse's novel *Steppenwolf* from a Jungian process of individuation. The other two focus on different aspects of Jungian psychology. Maier (1999) examines the application of Jungian symbols and archetypes in Hermann Hesse's works in his study. The gender roles and archetypes of anima and animus that can be seen in the characters of Hermann Hesse's novels are the focus of Rodchyn's (2022) study. Through

a psycho-critical examination, Breugelmans' (1981) study reveals how this influence affected key literary elements in these works, independent of Hesse's conscious reactions to his meetings with Freud and Jung. Based on Lacanian psychoanalysis, philosophy, and a more general structuralist understanding, Gullatz owns two studies one with the help of Lacanian psychoanalysis in general (1999) and another using the Lacanian idea of the 'gaze' as opposed to the 'eye' (2005). Johansson's (2020) article deals with Hesse from an Ovidian, a Freudian, and a neo-Platonic perspective.

Six articles are on the theme of Relationships in different spheres. Naumann's (1949) study argues that Hesse believed the elimination of the individualistic artist was necessary for both the preservation of heritage and the intellectual needs of society in contrast to Hofmannsthal. Taylor Jr (1963) studies the novels of Hesse and brings out the theme of friendship and its rise, development, and conflicts. Whereas Tusken (1992) studies the masculine-feminine interplay in the novels of Hermann Hesse, especially in *Demian* and the following novels. Hesse's protagonist's inability to have a meaningful and lasting relationship is brought forth by Rauch-Rapaport (2005). The importance of matriarchal mythology in Hesse's *Narziss and Goldmund* is studied by Lubich (2005). Whereas von Seth (2022) examines the intersections and connotations of queerness with otherness in Hermann Hesse's novels.

In eleven studies that come under religious reading, seven articles explore Christian concepts. The concept of paradise; the Garden before the serpent enters is studied by Jehle (1951). Colby's (1967) study notes how the Prodigal Son, or the Lost Son as Hesse is known to the Germans, corresponds to both his self-image and the images of his heroes. If one article presents Bertram's episode as an episode of good and evil (Friedrichsmeyer, 1974), another one explains the theological and literary standpoint of Hesse and claims that Hesse emphasises self-realization and places a higher priority on the aesthetic and ethical facets of existence (Franklin, 1977). The idea of the resurrection of the body in the works of Hesse is studied by Davis (1983). The biblical motif of war between light and darkness is studied in his work by Knapp (1984). The Gnosis influence on Hesse's writings is exposed by another approach (Quispel, Oort, 2008). Four articles deal with the theme of the new world and are expressed in different ways such as the magic world of alternative community that would satisfy all of humanity's material and spiritual demands (Pachter, 1970), the Utopian world (Antosik, 1992), the new world modelled after a living organism (Leopoldo, 2012), and the new kingdom that opens the door to a real utopia (Cornils, 2013).

Of hundred articles, sixteen articles are reading Hesse either from Romanticist or Modernist perspective. Among these four articles reads Hesse from a romanticist perspective where one asserts that Hesse is a German romanticist (Hill, 1948). Ziolkowski (1965) brings out Hesse's transitional position whereas Freedman (1966) reads Hesse as the final standard-bearer of romantic values at the age of mechanisation, and the fourth one explores the neo-romantic longings of Hesse and describes Hesse as a lonely romantic who universalizes these longing (Wagner, 2015). The other twelve articles read Hesse from a Modernist perspective and only one in these studies asserts Hesse to be modern in the truest meaning of the word (Seidlin, 1950), and others read Hesse with modernist themes. Two of the articles explore the theme of lonely outsiders and troubled youth (Fickert, 1952; Hahn, 2005), and one deal with

the issue of the evil, demonic elements of disorder and anarchy due to modern approaches that underlie music (Field, 1955) and another deal with the theme of philosophical condemnation of the spiritual emptiness of modern existence (Wilde, 1990). Petropoulou’s (2000) study reads Hesse with the theme portrait of women and explains the individuation process of failure in modernity and modernist literature. Swales’ (2005) article compares Hesse’s work with German high modernist works, von Stuckrad (2010) reads Hesse as the dialectical answers are integral to the mission of European modernity rather than being anti-modern, and Zilcosky (2014) considers Hesse as a teacher who talks us about more in-depth the problems of first globalisation, Modernism. The last three articles deal with the theme of a dual world and multiple conceptions (Dalcin, Leites, 2014), a reflection of modernism (Spiridon, 2015), and the transcendent liminality of modernist consciousness (Bond, 2016).

Ten articles explore the theme of self-realisation and its various possibilities in Hesse’s novels. The search for ‘being’ that the protagonist goes through in the works of D.H. Lawrence and Hermann Hesse is examined by Farrer (1975). Rolfe’s (1975) study summarises how closely the hero’s quest for fulfilment in each work resembles the establishment of a new kingdom. The protagonist’s quest for authenticity as a path for self-retaliation is explored in Solbach’s (2005) work, and Kasavina’s (2013) study presents comprehension of the existential experience as a synthesis of life’s emotions and their mental understanding, structuring, and connecting as another expression of self-realisation in Hesse. In his work, Shah (2016) notes that Hesse, through *Siddhartha* Hesse teaches that religion facilitates many people in finding meaning in life, but it does not fill the role of careful contemplation. Another five studied on this theme explores the degree of universality that exists concerning the themes of self-alienation, death, and human identity (Rajora, Khurana, 2018), the identical routes to self-realization (Saravanan, 2019), the never-ending journey for self-realization (Kumari, 2020), the process of self-becoming as the ultimate cure for both the individual and society (Crew, 2021) and dance as a concept of self-overcoming (Lima, 2022).

Figure 3 provides the theme of publication against the year of publication before and after 2002.

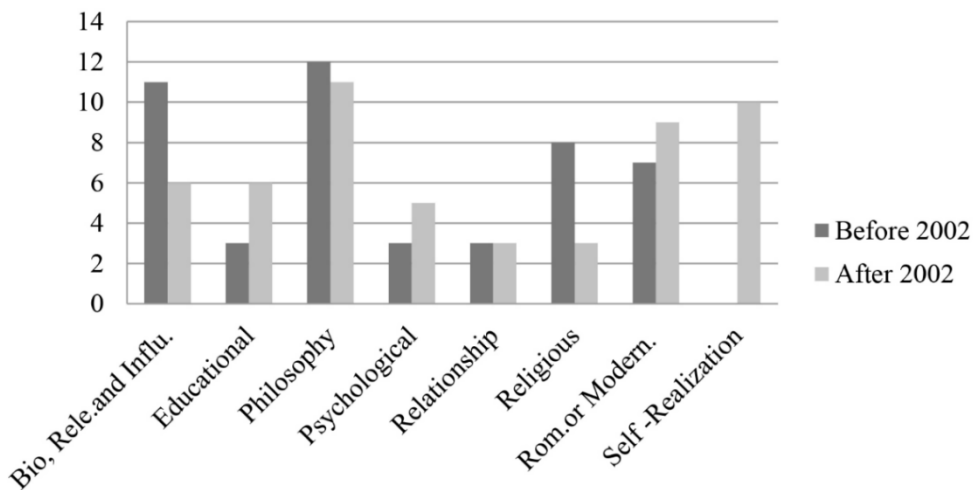

Figure 3. Articles before and after 2002

Figure 3 states that two themes lost their significance after 2002 that is biographical studies as well as religious reading on Hesse, instead educational reading, psychological reading, and, readings from the perspective of romanticism and modernism increased significantly. Interestingly the philosophical reading sustains consistently all through the years and has not lost its significance with sizable articles. Out of hundred, twenty-three studies are philosophical readings. This in turn reveals the significant perspective to read Hesse. Another important change to be noted is the emergence of a new perspective after 2002, which is the theme of self-realization. Before 2002, there were no articles on the theme of self-realization whereas ten studies came after 2002.

Conclusion

Consistent studies on Hesse from 1948 to today reveal the continued relevance of Hesse's Writings not only in Germany but around the globe. 2002 onwards one can find a renewed interest in his writings, especially focusing on the theme of self-realization, which shows the possibility of further research on Hesse from a different perspective is still possible. The continued tug of war on whether Hesse should be read from the romantic perspective of modernism is still relevant to understanding his works. Though the psychological experiences of Hesse and the friendship of C.G. Jung and Hesse are celebrated, the psychological reading of Hesse in the academic field is not that significant. The philosophical readings of Hesse are very significant and most in number. The continued presence of studies dealing with the philosophical readings of Hesse from the perspective of different philosophical schools reveals the multifaceted possibilities of reading Hesse. This analytical study suggests the possibility of reading Hesse's fictional world from the new perspectives of health humanities and memory studies.

References

- Andrews, R.C. (1953). The poetry of Hermann Hesse: A birthday tribute (1877–1952). *German Life and Letters*, 6(2), 117–127.
- Antosik, S. (1992). Utopian machines: Leibniz's "computer" and Hesse's Glass Bead Game. *Germanic Review*, 67(1), 35–45. <https://doi.org/10.1080/00168890.1992.9936543>
- Arnoldt, V. (1973). Hesse – an existential thinker. *Contemporary Education*, 44(4), 212.
- Axelrod-Sokolov, M. (2018). *Madness in fiction*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-70521-7>
- Baumann, G. (2002). Hermann Hesse and India. *Hesse Journal*, 30(2), 1–10.
- Bond, E. (2016). "Intoxicated geographies": Sites of refraction and fragmentation in scipio slataper's *il mio carso* and hermann hesse's *der steppenwolf*. *Modern Language Review*, 111(1), 1–16. <https://doi.org/10.1353/mlr.2016.0061>
- Breugelmans, R. (1981). Hermann Hesse and deep psychology. *Canadian Review of Comparative Literature*, 8(1), 10–47.
- Briët, M.C., Haan, J., & Kaptein, A.A. (2012). Hermann Hesse and L: Two narratives of sciatica. *Clinical Neurology and Neurosurgery*, 114(1), 9–11. <https://doi.org/10.1016/j.clineuro.2011.07.011>
- Buhanan, K. (2012). Political suicide in Hermann Hesse's Weimar novels: Reading the withdrawal from the political. *Seminar: A Journal of Germanic Studies*, 48(2), 183–199. <https://doi.org/10.1353/smr.2012.0008>

- Canton, A.N. (1974). *Anarchism: The political philosophy of Hermann Hesse*. <https://doi.org/doi:10.21220/s2-jbe2-rg28>
- Cardinal, A. (2005). Teaching Hermann Hesse's *Der Steppenwolf*: Some reflections on readers' responses. *Hermann Hesse Today* (pp. 41–48). Brill. https://doi.org/10.1163/9789401201124_006
- Carnahan, J.E. (1974). *Hermann Hesse and Vedanta philosophy: A discussion of the correlation between the basic themes in the later novels of Hermann Hesse and the traditional philosophy of India*. Retrieved December 20, 2023, from <https://thekeep.eiu.edu/theses/3644>
- Colby, T.E. (1967). The impenitent prodigal: Hermann Hesse's hero. *The German Quarterly*, 40(1), 14. <https://doi.org/10.2307/403042>
- Cornils, I. (2013). Between myth and utopia: Hermann Hesse's search for the culmination point of existence. *German Life and Letters*, 66(2), 156–172.
- Crew, T. (2021). 'How to become what you are': Self-becoming and individuation in Nietzsche's *Ecce Homo* and Hesse's *Demian* and *Steppenwolf*. *Journal of European Studies*, 51(1), 3–23. <https://doi.org/10.1177/0047244120981166>
- Dalcin, C., & Leites, A.C. (2014). The thousand faces of a man-wolf. *Revista De Letras Norte@Mentos*, 7(13), 38–47.
- Danylova, T.V. (2015). The way to the Self: The novel "Steppenwolf" through the lens of Jungian process of individuation. *Антропологічні Виміри Філософських Досліджень/Anthropological Measurements of Philosophical Research*, (7), 28–35. <https://doi.org/10.15802/ampr2015/43391>
- Davis, J.K. (1983). Resurrection of the body: Apocalypse in Hermann Hesse and Norman O. Brown. *Interpretations*, 14(2), 55–66.
- Desimoni, V. (2017). *The search for stability and the inevitability of change in the writings and life of Hermann Hesse*. Duke University.
- Dornheim, N.J. (2005). Twice Herman Hesse: Hesse's reception in Argentina in the down current? *Hermann Hesse Today* (pp. 147–157). Brill.
- Edwards, G. (2019). Language games in the ivory tower: Comparing the philosophical investigations with Hermann Hesse's *The Glass Bead Game*. *Journal of Philosophy of Education*, 53(4), 669–687. <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12389>
- Farrer, E.A. (1975). *The quest for being: D.H. Lawrence and Hermann Hesse*. Purdue University.
- Fickert, K.J. (1952). *The Problem of the artist and the philistine in the work of Hermann Hesse*. New York University. <http://doi.org/10.1016/j.jaci.2012.05.050>
- Field, G.W. (1955). Music and morality in Thomas Mann and Hermann Hesse. *University of Toronto Quarterly*, 24(2), 175–190. Retrieved December 20, 2023, from muse.jhu.edu/article/557860
- Franklin, W.B. (1977). *The concept of "The Human" in the work of Hermann Hesse and Paul Tillich*. University of St Andrews.
- Freedman, R. (1966). *The lyrical novel: Studies in Hermann Hesse, Andre Gide, and Virginia Woolf*. Princeton University Press.
- Friedrichsmeyer, E. (1974). The Bertram episode in Hesse's *Glass Bead Game*. *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*, 49(4), 284–297. <https://doi.org/10.1080/00168890.1974.9934756>
- Field, G.W. (1961). Hermann Hesse as critic of English and American literature. *Monatshefte*, 53(4), 147–158. Retrieved December 20, 2023, from <http://www.jstor.org/stable/30161811>
- Galbreath, R. (1974). Hermann Hesse and the politics of detachment. *Political Theory*, 2(1), 62–76. <https://doi.org/10.1177/009059177400200104>
- Gontrum, P.B. (1965). Hermann Hesse as a critic of French literature. *Symposium: A Quarterly Journal in Modern Literatures*, 19(3), 226–235. <https://doi.org/10.1080/00397709.1965.10732865>
- Gullatz, S. (1999). *A Lacanian analysis of selected novels by Hermann Hesse*. Retrieved December 20, 2023, from <http://hdl.handle.net/10023/XXX>
- Gullatz, S. (2005). *Demian and the Lacanian gaze*. *Hermann Hesse Today* (pp. 173–185). Brill. https://doi.org/10.1163/9789401201124_016

- Hahn, H.J. (2005). Failure, or Problem of the integrated outsider, in the Hermann Hesse's pedagogic novels and in Carsten Probst's traumer. In *Hermann Hesse Today* (pp. 159–171). Brill.
- Heller, P. (1954). The writer in conflict with his age: A study in the ideology of Hermann Hesse. *Monatshefte*, 46(3), 137–147. Retrieved December 20, 2023, from <https://www.jstor.org/stable/30166035>
- Hill, C. (1948). Hermann Hesse and Germany. *The German Quarterly*, 21(1), 9. <https://doi.org/10.2307/400849>
- Jehle, M. (1951). The “Garden” in the works of Hermann Hesse. *The German Quarterly*, 24(1), 42. <https://doi.org/10.2307/402232>
- Johansson, N. (2020). Beyond narcissism: The Multi-layered narcissus reference in Hermann Hesse's *Narziss und Goldmund*. *German Life and Letters*, 73(2), 270–296. <https://doi.org/10.1111/glal.12263>
- Kasavina, N.A. (2013). Existential experience of way and becoming of culture. *Voprosy Filosofii*, 7, 63–72.
- Knapp, B.L. (1984). Abraxas: Light and dark sides of divinity in Hermann Hesse's *Demian*. *Symposium: A Quarterly Journal in Modern Literatures*, 38(1), 28–42. <https://doi.org/10.1080/00397709.1984.10733546>
- Koza, M. (2015). Hesse's *Steppenwolf* as Modern ethical fiction. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 17(5), 1–7. <https://doi.org/10.7771/1481-4374.2866>
- Krapp, J. (2002). Hermann Hesse's Hegelianism: The Progress of consciousness towards freedom in *The Glass Bead Game*. *Studies in 20th & 21st Century Literature*, 26(2), 1–22. <https://doi.org/10.4148/2334-4415.1536>
- Kumari, A. (2020). A quest for enlightenment in Hermann Hesse's *Siddhartha*. *Research Journal of English Language and Literature*, 8(3), 253–260. Retrieved December 20, 2023, from <http://rjtelal.com/8.3.2020/253-260> ARCHANA KUMARI.pdf
- Kuschel, K.-J. (2022). He Saw the devastating consequences of colonialism with his own eyes. *DU*, 912, 34–39.
- Leopoldo, R.N. (2012). Into the meanders of fiction and reality: Some common aspects between Castalian and Benedictines in *The Glass Bead Game*. *Teoliteraria-Revista Brasileira De Literaturas E Teologias*, 2(3), 183–199.
- Lima, M.J.S. (2022). A dança na filosofia: Uma análise a partir do pensamento de Nietzsche e da obra *O lobo da estepe* de Hermann Hesse. *Griot: Revista de Filosofia*, 22(2), 242–252. <https://doi.org/10.31977/grirfi.v22i2.2919>
- Lubich, F.A. (2005). Hermann Hesse's *Narziss und Goldmund* or “The path to the mother”: From *Anima Mundi* to *Magna Mater* and *Madonna*. *Hermann Hesse Today* (pp. 49–66). Brill.
- Maier, E. (1999). *The psychology of C.G. Jung in the works of Hermann Hesse*. Retrieved December 20, 2023, from <https://hesse.projects.gss.ucsb.edu/papers/maier.pdf>
- Malthaner, J. (1952). Hermann Hesse. *Siddhartha*. *The German Quarterly*, 25(2), 103–109. <https://doi.org/10.2307/401276>
- Mathäs, A. (2014). From anti-humanism to posthumanism: Hermann Hesse's *Steppenwolf*. *Kon-turen VI*, 6(9), 179–209. Retrieved December 20, 2023, from <http://hdl.handle.net/1794/24395>
- McCabe, S. (2005). *The topology of “The Glass Bead Game”*. California State University.
- Michaelis, A.R. (1987). The interdisciplinary *Glass Bead Game*. *Interdisciplinary Science Reviews*, 12(3), 193–196. <https://doi.org/10.1179/isr.1987.12.3.193>
- Mihailovich, V.D. (1967). Hermann Hesse as a critic of Russian literature. *Arca*, 2(1–3), 91–102. <https://doi.org/10.1515/arca.1967.2.1-3.91>
- Mileck, J. (1954). The prose of Hermann Hesse: Life, substance and form. *The German Quarterly*, 27(3), 163. <https://doi.org/10.2307/402338>
- Mileck, J. (1958). *Hermann Hesse and his critics: The criticism and bibliography of half a century*. University of North Carolina Press.
- Mileck, J. (1978). *Hermann Hesse: Life and art*. University of California Press.

- Misra, B. (1968). An analysis of Indic tradition in Hermann Hesse's Siddhartha. *Indian Literature*, 11(2), 111–123. Retrieved December 20, 2023, from <https://www.jstor.org/stable/23329572>
- Molnár von, G. (1971). The ideological framework of Hermann Hesse's "Siddhartha." *Teaching German*, 4(2), 82. <https://doi.org/10.2307/3529722>
- Moser, H. (2022). Siddhartha in colour. *DU*, 912, 24–33.
- Naumann, W. (1949). The individual and society in the work of Hermann Hesse. *Monatshefte*, 41(1), 33–42. Retrieved December 20, 2023, from <https://www.jstor.org/stable/30164782>
- Quispel, G., & Oort van, J. (2008). Chapter fifteen. Hermann Hesse and gnosis. In J. van Oort (Ed.), *Gnostica, Judaica, Catholica. Collected Essays of Gilles Quispel* (pp. 243–261). Brill. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004139459.i-870.90>
- Pachmuss, T. (1975). Dostoevsky and Hermann Hesse: Analogies and congruences. *Orbis Litterarum*, 30(3), 210–224. <https://doi.org/10.1111/j.1600-0730.1975.tb00697.x>
- Pachter, H.M. (1970). On re-reading Hermann Hesse. *Salmagundi*, 12, 83–89. Retrieved December 20, 2023, from <https://www.jstor.org/stable/40546583>
- Peppard, M.B. (1958). Hermann Hesse : From Eastern journey to Castalia. *Monatshefte*, 50(5), 247–255. Retrieved from <http://www.jstor.org/stable/30158954>
- Peters, M. (1996). Cybernetics, cyberspace and the politics of university reform. *Australian Journal of Education*, 40(2), 162–176. <https://doi.org/10.1177/000494419604000204>
- Petropoulou, E. (2000). Gender and Modernity in the work of Hesse and Kazantzakis. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 2(1). <https://doi.org/10.7771/1481-4374.1065>
- Pick, M.M. (1980). *Aspects of multiplicity: A comparative study of the works of Hermann Hesse and Andre Gide*. Brandeis University.
- Punsly, K. (2012). The influence of Nietzsche and Schopenhauer on Hermann Hesse. *CMC Senior Theses*, 347. Retrieved December 20, 2023, from https://scholarship.claremont.edu/cmc_theses/347
- Rajora, R.R., & Khurana, N.A. (2018). Wars, words, and identities in "No Longer Human" by Osamu Dazai, and "Steppenwolf" by Hermann Hesse. *International Journal of English Language, Literature in Humanities*, 6(11).
- Rauch-Rapaport, A. (2005). The melancholic structure of the mind: The absence of object relations in the work of Hermann Hesse. *Hermann Hesse Today* (pp. 83–93). Brill. https://doi.org/10.1163/9789401201124_009
- Reichert, H.W. (1975). Friedrich Nietzsche's impact on modern German literature. *UNC Press*, 1999(December). https://doi.org/10.5149/9781469658193_Reichert
- Riordan, C. (2005). Hermann Hesse and the ecological imagination. *Hermann Hesse Today* (pp. 95–105). Brill. https://doi.org/10.1163/9789401201124_010
- Roberts, P. (2008a). From West to East and back again: Faith, doubt and education in Hermann Hesse's later work. *Journal of Philosophy of Education*, 42(2), 249–268. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9752.2008.00617.x>
- Roberts, P. (2008b). More than a metaphor: The education of Joseph Knecht. *Pedagogy, Culture & Society*, 16(2), 163–175. <https://doi.org/10.1080/14681360802142138>
- Roberts, P. (2009). Education, death and awakening: Hesse, Freire and the process of transformation. *International Journal of Lifelong Education*, 28(1), 57–69. <https://doi.org/10.1080/02601370802568432>
- Roberts, P. (2020). The dream of a journey to the East: Mystery, ritual and education in Hermann Hesse's Penultimate Novel. *Paideusis*, 17(1), 45–58. <https://doi.org/10.7202/1072467ar>
- Rodchyn, Z. (2022). Gender and archetype as components of the character analysis in Demian and Narcissus and Goldmund by Hermann Hesse. *Ezikov Svyat (Orbis Linguarum)*, 20(1), 164–175. <https://doi.org/10.37708/ezs.swu.bg.v20i1.21>
- Rolfe, P.J. (1975). *The search for self-fulfilment in the major works of Hermann Hesse: A survey*. The University of Manitoba.
- Saravanan, S.K. (2019). Self-realization : The inner door to divine power in the select works of Hermann Hesse. *Languages in India*, 19(49042), 284–289.

- Sears, J.T. (1992). The second wave of curriculum theorizing: Labyrinths, orthodoxies, and other legacies of the glass bead game. *Theory Into Practice*, 31(3), 210–218. <https://doi.org/10.1080/00405849209543545>
- Seidlin, O. (1950). Hermann Hesse: The exorcism of the Demon. *Symposium: A Quarterly Journal in Modern Literatures*, 4(2), 325–348. <https://doi.org/10.1080/00397709.1950.10732324>
- Seth von, O. (2022). *Outsiders and others: Queer friendships in novels by Hermann Hesse*. Södertörns Högskola.
- Shah, P.K. (2016). The quest for truth and spiritual enlightenment in Hermann Hesse's Siddhartha. *Pune Research: An International Journal in English*, 2(5), 1–5.
- Solbach, A. (2005). Decisive sympathy: Decadence and satire in Hermann Hesse's *Beneath the Wheel*. *Hermann Hesse Today* (pp. 67–82). Brill.
- Spiridon, M. (2015). The Glass Bead Game: Matei Calinescu and the secret life of concepts. *World Literature Studies*, 7(2), 15–22. Retrieved December 20, 2023, from <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=279919>
- Stuckrad von, K. (2010). Utopian landscapes and ecstatic journeys: Friedrich Nietzsche, Hermann Hesse, and Mircea Eliade on the terror of modernity. *Numen*, 57(1), 78–102. <https://doi.org/10.1163/156852710X12551326520571>
- Swales, M. (2005). New media, virtual reality, flawed utopia? Reflections on Thomas Mann's *Der Zauberberg* and Hermann Hesse's *Der Steppenwolf*. *Hermann Hesse Today* (pp. 33–39). Brill.
- Tang, X., & Zheng, B. (2020). The opposites and unity: A study of Chinese Taoist thought found in Hermann Hesse's *The Glass Bead Game*. *Literature and Theology*, 34(4), 503–509. <https://doi.org/10.1093/litthe/fraa022>
- Taylor Jr, H.U. (1963). *Friendship in the novels of Hermann Hesse*. Indiana University.
- Texter, D. (2008). Institutional crisis: State and scholar in Hermann Hesse's *The Glass Bead Game* and Walter Miller's *A Canticle for Leibowitz*. *Extrapolation*, 49(1), 122–141. <https://doi.org/10.3828/extr.2008.49.1.8>
- Tusken, L.W. (1992). A mixing of metaphors: Masculine-feminine interplay in the novels of Hermann Hesse. *The Modern Language Review*, 87(3), 626. <https://doi.org/10.2307/3732925>
- Tusken, L.W. (1998). *Understanding Hermann Hesse: The man, his myth, his metaphor*. University of South Carolina Press.
- Vilella, E. (2007). Beatrice in *Demian* by Hermann Hesse. *Cuadernos De Filologia Italiana*, 14, 231–242. Retrieved December 20, 2023, from <https://core.ac.uk/reader/13275590>
- Wagner, E.P. (2015). “The Lonely Romantic”: Nature, education, and cultural pessimism in the early works of Hermann Hesse. *LSU Master's Theses*, 3585, 1–143.
- Wilde, L. (1990). The radical appeal of Hermann Hesse's Alternative Community. *Utopian Studies*, 10(1), 86–97. Retrieved December 20, 2023, from <https://www.jstor.org/stable/20718010>
- Wolfendale, P. (2016). Castalian Games – Glass Bead. *Castalian Games* (pp. 1–15). Retrieved December 20, 2023, from <https://www.glass-bead.org/article/castalian-games/?lang=enview>
- Zilcosky, J. (2014). Hermann Hesse's Colonial Uncanny: Robert Aghion, 1913. *New German Critique*, 41(3), 199–218. <https://doi.org/10.1215/0094033X-2753660>
- Zimmermann, R.E., & Wiedenmann, S.M. (2010). 3rd ICTs and society meeting; Paper session – theorizing the Internet; Paper 6: Reconstructing the Glass Bead Game. On the philosophy of information. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*, 8(2), 136–138. <https://doi.org/10.31269/triplec.v8i2.216>
- Ziolkowski, T. (1965). *The novels of Herman Hesse: A study in theme and structure*. Princeton University Press.
- Ziolkowski, T. (2003). A Celebration of Hermann Hesse. *World Literature Today*, 77(1), 60–61. <http://www.jstor.org/stable/40157786>

Bio notes:

Antony Jose, research scholar, Department of English, Karunya Institute of Technology and Sciences, Karunya Nagar, Coimbatore, 641114, Tamil Nadu, Republic of India. ORCID: 0000-0003-0345-3710.

V.M. Berlin Grace, Professor, Department of Biotechnology, Karunya Institute of Technology and Sciences, Karunya Nagar, Coimbatore, 641114, Tamil Nadu, Republic of India. ORCID: 0000-0002-8459-0946.

Jibin Jose, research scholar, Department of English, Karunya Institute of Technology and Sciences, Karunya Nagar, Coimbatore, 641114, Tamil Nadu, Republic of India. ORCID: 0000-0002-2682-8709.

D. David Wilson, Associate Professor, Department of English, Karunya Institute of Technology and Sciences, Karunya Nagar, Coimbatore, 641114, Tamil Nadu, Republic of India. ORCID: 0000-0003-2356-0011. E-mail: davidenglishgroup09@gmail.com

Сведения об авторах:

Хосе Энтони, научный сотрудник, кафедра английского языка, Каруньский институт технологий и наук, Каруния Нагар, Коимбатур, 641114, Тамилнад, Республика Индия. ORCID: 0000-0003-0345-3710.

Грейс Берлин В.М., профессор, кафедра биотехнологии, Каруньский институт технологий и наук, Каруния Нагар, Коимбатур, 641114, Тамилнад, Республика Индия. ORCID: 0000-0002-8459-0946.

Хосе Джибин, научный сотрудник, кафедра английского языка, Каруньский институт технологий и наук, Каруния Нагар, Коимбатур, 641114, Тамилнад, Республика Индия. ORCID: 0000-0002-2682-8709.

Уилсон Дэвид Д., доцент, кафедра английского языка, Каруньский институт технологий и наук, Каруния Нагар, Коимбатур, 641114, Тамилнад, Республика Индия. ORCID: 0000-0003-2356-0011. E-mail: davidenglishgroup09@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-859-865

EDN: BPWHGZ

УДК 82.09

«Теория вероятности», или Как реконструировать подлинную биографию: рецензия на книгу: Соколов Б.В. «Белый был – красным стал». Советские писатели в рядах белогвардейцев. М.: Вече, 2023. 384 с.

А.Г. Коваленко , Ц. Ху

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2*
 ak-taurus@mail.ru

Аннотация. Дается оценка книге литературоведа и историка профессора Б.В. Соколова, посвященная судьбам советских писателей, связавших себя с белым движением. В рецензируемой работе предпринята попытка осветить малоизвестные ранее эпизоды участия литераторов в Гражданской войне, которые вынуждены были до поры скрывать отдельные страницы своего прошлого. Обнаружено, что восстановление подлинных биографий сталкивается с трудностями методологического характера.

Ключевые слова: история, методология литературоведения, Николай Тихонов

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15 июня 2023 г.; отрецензирована 2 сентября 2023 г.; принята к публикации 1 октября 2023 г.

Для цитирования: Коваленко А.Г., Ху Ц. «Теория вероятности», или Как реконструировать подлинную биографию: рецензия на книгу: Соколов Б.В. «Белый был – красным стал». Советские писатели в рядах белогвардейцев. М.: Вече, 2023. 384 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 859–865. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-859-865>

“The theory of probability”, or How to reconstruct a true biography: book review: Sokolov, B.V. (2023). “It was white – it became red”. Soviet writers in the ranks of the White Guards. Moscow: Veche Publ. (In Russ.)

Alexander G. Kovalenko , **Jiarui Hu**

RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
 ak-aurus@mail.ru

Abstract. The review evaluates the book by literary critic and historian Professor B.V. Sokolov, dedicated to the fate of Soviet writers who associated themselves with the White Movement. The work under review makes an attempt to highlight previously little-known episodes of the participation of writers in the Civil War, who were forced for the time being to hide certain pages of their past. It was found that the restoration of authentic biographies faces methodological difficulties.

Keywords: history, methodology of literary criticism, Nikolai Tikhonov

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 15, 2023; revised September 2, 2023; accepted October 1, 2023.

For citation: Kovalenko, A.G., & Hu, J. (2023). “The theory of probability”, or How to reconstruct a true biography: Book review: Sokolov, B.V. (2023). “It was white – it became red”. Soviet writers in the ranks of the White Guards. Moscow: Veche Publ. (In Russ.). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 859–865. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-859-865>

Книге известного историка и литературоведа профессора Б. Соколова, пожалуй, стоило бы появиться лет двадцать тому назад. Затронутая в ней тема была более актуальна в 1990-е гг. Сегодня разговор о белых и красных несколько утратил свою жгучую актуальность. Тем не менее в книге есть многое, что вызывает интерес и в наше время, а более всего – проблема нравственной и этической оценки судьбы писателя.

Б.В. Соколов продолжает давно начатый разговор, и не только здесь, в этой книге. Тема Гражданской войны и ее героев, подлинных и вымышленных, является его приоритетной областью (Соколов. Загадка поручика Брусенцова..., 2023b, с. 248–253). Значительное по объему место в рецензируемой книге занимает очерк о Михаиле Кольцове, хронологически связанный с работой М. Фрадкина «Дело Кольцова» (Фрадкин, 2002). Очерк о В.П. Катаеве также, в сущности, является продолжением – через два десятка лет – статьи критика Н. Ивановой, в которой давалась нелицеприятная оценка личности В.П. Катаева: «хамелеон, но без видимого насилия над собой, был способен принимать любую окраску», «способность на многое дурное», «загадка личности и таланта, преодолевшего... безнравственность, лживость, если не ска-

зять – низость» и т. д. (Иванова, 1999). Разделы книги содержат обширные цитаты из мемуаров писателей и исторических деятелей.

Главная тема труда – судьба писателя, попавшего в водоворот истории, «двойная жизнь», необходимость скрывать свое прошлое и «неудобные факты» биографии, приспособливаться к новым реалиям, «перекрашиваться» ради успешной карьеры, выживать под прессом государственной идеологии. В биографии каждого из своих персонажей исследователь пытается найти «белогвардейский след», скрупулезно и настойчиво ищет доказательства причастности к белому движению. Задача этих разысканий обнаружить двойственность в его поведении уже в советское время. Кому-то удалось сохранить себе жизнь, правда, ценой компромиссов, имевших тяжкие психологические последствия. Кому-то не повезло, и он попал в водоворот террора, был расстрелян (Ауслендер, Кольцов). Кто-то сделал карьеру успешного советского писателя (Тихонов, Катаев, Маршак). Антиномия «белого» и «красного», мысль об исторической и этической амбивалентности судьбы пронизывает книгу, обеспечивает ее сквозную концепцию.

Придает актуальности озвученной проблеме возвращение к фигуре Н.С. Тихонова, пожалуй, центрального героя книги профессора Б.В. Соколова. В советском литературоведении сложилась репутация Н.С. Тихонова как выдающегося поэта, певца гражданской войны, основателя советского романтизма и одновременно наследника Н. Гумилева. В постперестроечное время оценки приобрели характер большей объективности, но и неоднозначности. Так литературовед Е. Эткинд пишет о том, что поэт изменил себе и своему дару, «продался сатане», «пользовался плодами своих уступок сатане, может быть, и страдая в душе от собственной низости и от утраты поэтического таланта, но не принеся ни единой жертвы во имя совести и чести» (Эткинд, 1999, с. 676). В этом же русле свою оценку творчеству советского поэта высказывает историк В. Бердинский: «предательство идеалов молодости, официозность в политических речах и прозаических книгах, однозначное осуждение диссидентства, художественное бесплодие» (Бердинский, 2014, с. 158).

От книги В.Б. Соколова, кажется, следовало бы ожидать если не полной «реабилитации» поэтической и человеческой репутации советского поэта, то, наверное, некоторой коррекции, новых акцентов, возможно, смягчающих жесткость оценок, но, в любом случае не нового осуждения его предательства. И действительно, книга демонстрирует новый подход, где автор не предлагает никаких этических оценок, по крайней мере очевидных, но сосредоточен на биографии и ее «белых пятнах».

Жанр книги можно определить как конспирологический научный детектив, подчиненный одной задаче – создать вокруг фигуры героя «интригу» о его участии в «белом» движении. Смысл такой интриги – вскрыть до поры сокрытое, обнажить «механизм» тайны, раскрываемой через внимательное прочтение и новую интерпретацию текстов произведений, а также через детали биографии. Авторская концепция «двойной биографии», человека с двумя лицами – основа научной концепции. Таким образом происходит развенчание устоявшегося мифа, или автомифа, когда за внешней лояльностью вскрываются совсем другие чувства, страх разоблачения, либо ненависть, либо что-то иное.

Подобная научная «интрига» становится, скорее, игрой в квест, в разгадку «тайны» и, кажется, лишает материал требуемой для любого научного поиска объективности. У автора на это есть свое объяснение. Используя привычный для него алгоритм, он прибегает к гипотетической риторике, еще более отдаляющей от объективности и совсем не претендующей на таковую. Так, большая часть очерков имеет однотипный финал, по жанру близкий к «альтернативной истории» или точнее к «альтернативной биографии». Создается сюжет бегства героя из Советской России и продолжения жизни «там». Если бы герой эмигрировал, то ему было бы не лучше и не хуже, но все было бы по-другому. Автор домысливает развитие возможной линии жизни Тихонова, Катаева, Вс. Иванова, Булгакова, Маршака. Строгим исследованием здесь не веет, зато, снижая планку объективности, автор усиливает интригу, делает ее еще более интересной для обывательского сознания читателя «массовой литературы».

В книге раскрывается важная особенность природы творчества: мастерство писателя, как оказывается, не связано напрямую с идеологической позицией. Умение писать – это природный дар, почти физиологическая органика, мало зависящий от «окраски» власти, писатель реализует свой дар при любой власти с одинаковой силой. Власть может быть любой, художник всегда верен лишь своему таланту. Однако есть любопытная особенность – автор показывает, что факт «предательства», измены, в сущности, своим убеждения оказывается имеет свои драматические последствия. Память об измене стремятся утопить в алкоголе, это о Тихонове и Катаеве.

Книга Б. Соколова представляет собой соединение аналитики и вольного домысла. Строгий анализ оказывается не вполне строгим и объективным, может допускать конспирологические интерпретации. Рассуждения о том, как сложились бы судьбы художников, останься они на белой стороне и оказавшись за границей, лишен объективной исторической основы и может быть назван квазиисторическим домыслом.

Анализ стихотворения «Атака под Родепойсом» (Тихонов, 1981, с. 84) – пример применения биографического метода. Б. Соколов доказывает, что Н.С. Тихонов бился на стороне белых, не приводя доказательств, а пользуясь лишь косвенными предположениями. Но при анализе текста допускается, как мы считаем, методологическая ошибка: детали в тексте принимаются за подлинные факты, игнорируется условная природа художественного образа, текст приравнивается к «чистому» документу, а художественная реальность – к реальной обстановке. Применение биографического метода здесь допустимо, но при этом нельзя не отдавать отчета в наличии границы между «возможным, допустимым» и «реальным, подлинным». Иными словами, лирический герой никак не может на сто процентов отождествляться с реальной биографией поэта.

Другое нарушение логического свойства. Делается предположение, допускается возможность участия в белом движении, но позднее совершается логическая «подмена»: герой, оказывается уже реально участвовавшим в белом движении. Постепенно гипотеза о том, что Тихонов воевал на стороне белых становится в сознании читателя почти неоспоримым фактом. Документов,

подтверждающих стопроцентное участие нет, на мемуары в этом смысле не приходится серьезно рассчитывать. Тогда на помощь приходит рискованная, но эффективная интригующая гипотеза, которую автор во что бы то ни стало тщится доказать. Поминутно спотыкаешься на конструкция сослагательного наклонения: «судя по тому, что...», «невозможно проверить по документам» (Соколов. Белый был – красным стал., 2023а, с. 13), «можно предположить» (с. 15), «можно попытаться реконструировать» (с. 18), «вероятно», «очевидно, что» (с. 27), и далее в таком ключе на многих страницах. Автор книги внедряет в сознание читателя вероятную возможность неприязни Н.С. Тихонова к советской власти всеми возможными способами. «Убаюканный» количеством предположений и настойчивостью, читатель начинает верить в подлинность факта измены, двоемыслия Тихонова, скрывавшего до поры до времени «неудобные для себя факты».

Справедливости ради отметим, что исследователь вполне отдает себе отчет в «гипотетической природе» своего подхода к научному разысканию: «Разумеется, осуществленная мной реконструкция ранней биографии Николая Тихонова является гипотетической» (Соколов. Белый был – красным стал., 2023, с. 84). И далее автор предлагает читателю самому искать документы, которые могли бы подтвердить и опровергнуть сделанное предположение. Игра продолжается, но теперь в нее приглашен и читатель на правах нового участника мистификации.

Какова ценность подобных гипотез? К подлинной истории она, смеем предположить, не имеет отношения, не является она и художественным вымыслом. Пролить дополнительный свет на природу жанра и метода Б. Соколова может финал очерка о Н.С. Тихонове, завершающийся рассуждением о возможной судьбе поэта, оказавшись он в силу обстоятельств в эмиграции. Если бы Тихонов в 1919 г. эмигрировал с армией Врангеля, то *скорее всего* он оказался бы в Париже, *вполне вероятно* он продолжил бы заниматься литературным творчеством, *не исключено что* стал бы первым поэтом, *занял бы* место Бориса Поплавского на поэтическом Олимпе Парижа, *возможно стал бы* редактором журнала, имея деловую хватку *мог бы* безбедно жить и т. д. Так перед читателем вырастает «иная» биография Тихонова, «альтернативная биография», неосуществленная судьба.

Главная задача ученого-историка – реконструировать биографию известных людей, писателей, заполнить лакуны, «белые пятна». Поиск истины тем способом, который предлагает Б. Соколов, представляется по меньшей мере спорным. Реконструировать подлинную линию жизни отдельного человека, его путь сквозь исторический вихрь, где события часто не задокументированы, а воспоминания и автобиографии недостоверны, со всей полнотой невозможно (автор так и не выяснил, где служил В. Катаев в 1918–1919 гг., оставив вопрос на уровне предположений. Остался без доказательства и факт службы Тихонова в отряде Булак-Балаховича и армии Юденича и Врангеля). Главным инструментом реконструкции становится гипотеза, в той или иной мере опирающаяся на исторические документы и мемуары, автобиографии, хотя, как выясняется, они не только не проясняют, но даже запутывают, хранят в себе неразгаданные тайны.

Другая опора для реконструкции – это тексты произведений, в которых обнаруживаются скрытые намеки на подлинные обстоятельства тех или иных эпизодов биографии поэта. Однако же и этот путь рискован и неубедителен. Не будем забывать, что художественный текст по природе своей не может служить документом, ссылка на него как на объективный источник неправомерна. Ученый в поисках истины может впасть в заблуждение, приравнивая художественную реальность к подлинной. И все же согласимся, что гипотеза об «иной биографии» писателя создает привлекательное для воображения поле вымысла. Альтернативная биография, даже если не подтверждается в полной мере фактами, остается интересной сама по себе как оригинальный художественно-биографический эксперимент, между прочим, требующий незаурядной научной и художественной эрудиции. Это особый вариант жанра биографии, находящийся на стыке объективной документированной биографии и свободного вымысла.

Список литературы

- Бердинский В. История советской поэзии. М.: Ломоносов, 2014. 448 с.
- Иванова Н. Счастливый дар Валентина Катаева // Знамя. 1999. № 11. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=970> (дата обращения: 15.12.2023).
- Соколов Б.В. «Белый был – красным стал». Советские писатели в рядах белогвардейцев. М.: Вече. 2023а. 384 с.
- Соколов Б.В. Загадка поручика Брусенцова: два прототипа одного героя // Русская литература XX–XXI вв. как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения): материалы научной конференции. М.: МАКС Пресс, 2023б. С. 248–253.
- Тихонов Н.С. Стихотворения и поэмы. М.: Советский писатель, 1981. 800 с.
- Фрадкин В.А. Дело Кольцова. М.: Вагриус: Международный фонд «Демократия», 2002.
- Эткинд Е. Литературное самоубийство Николая Тихонова // *Revue des Études Slaves*. 1999. Т. 71. Вып. 3–4. Pp. 673–680.

References

- Berdinsky, V. (2014). *History of Soviet poetry*. Moscow: Lomonosov Publ. (In Russ.)
- Etkind, E. (1999). The literary suicide of Nikolai Tikhonov. *Revue des Études Slaves*, 71(3–4), 673–680. (In Russ.)
- Fradkin, V.A. (2002). *Koltsov's case*. Moscow: Vagrius Publ.; Mezhdunarodnyi Fond “Demokratiya”. (In Russ.)
- Ivanova, N. (1999). Happy gift of Valentin Kataev. *Znamya*, (11). (In Russ.) Retrieved December 15, 2023, from <https://znamlit.ru/publication.php?id=970>
- Sokolov, B.V. (2023a). “It was white – it became red”. *Soviet writers in the ranks of the White Guards*. Moscow: Veche Publ. (In Russ.)
- Sokolov, B.V. (2023b). The riddle of Lieutenant Brusentsov: Two prototypes of one hero. *Russian Literature of XX–XXI Centuries as a Single Process (Problems of Theory and Methodology of Study): Proceedings of a Scientific Conference* (pp. 248–253). Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
- Tikhonov, N.S. (1981). *Poems and poems*. Moscow: Sovetskii Pisatel' Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Коваленко Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2. ORCID: 0000-0002-6747-285X. E-mail: ak-taurus@mail.ru

Ху Цзяжуй, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2. ORCID: 0009-0001-8383-4486. E-mail: 1041504265@qq.com

Bio notes:

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6747-285X. E-mail: ak-taurus@mail.ru

Jiarui Hu, graduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0001-8383-4486. E-mail: 1041504265@qq.com